

Екатерина II

Глава 1. На пути к трону

1

В морозный зимний день 25 декабря 1761 г. в праздничном рождественском перезвоне колоколов петербургских церквей и храмов зазвучали вдруг траурные ноты: с быстротой молнии по городу распространилось известие о кончине императрицы Елизаветы Петровны. Завершилось двадцатилетнее царствование "державной дщери Петровой", была перевернута еще одна страница русской истории. Страна замерла в ожидании перемен...

Тем временем в церкви Зимнего дворца высшие чины империи собрались для принесения присяги новому государю. Петр III "был вне себя от радости и оной нимало не скрывал, и имел совершенно позорное поведение, кривляясь всячески и ничего не произнося, кроме вздорных речей, не соответствующих ни сану, ни обстоятельствам, представляя более смешного Арлекина, ежели инаго чево, требуя, однако, всякое почтение". Вечером того же дня во дворце состоялся торжественный ужин: "Стол поставлен был в куртажной галерее персон на полтораста и более, и галерея набита была зрителями. Многие, не нашед места за ужином, ходили также около стола... У Ивана же Ивановича Шувалова, хотя знаки отчаянности были на щеке, ибо видно было, как пяти пальцами кожа содрана была, но тут, за стулом Петра III стоя, шутил и смеялся с ним... Ужин сей продолжался часа с полтора", — писала Екатерина II.

Рядом с новоиспеченным императором сидела хорошо сложенная молодая женщина с густыми каштановыми волосами, изящными руками и умными живыми глазами на высоком лбу. Она не была красавицей, как покойная императрица, но и сейчас, и много позже все находили ее необыкновенно привлекательной. Ее глаза были заплаканы, на ней было

траурное платье, и она с опаской поглядывала по сторонам, пытаясь понять, как следует себя вести в новых обстоятельствах. Это была жена Петра III Екатерина Алексеевна, которой всего через шесть месяцев суждено было стать самодержавной императрицей Екатериной II...

Давно уже стало традицией, приводя девичье имя и титул будущей Екатерины Великой, родившейся 21 апреля 1729 г., отмечать ее "незнатное происхождение". В действительности София Августа Фредерика, принцесса Ангальт-Цербстская, родилась в семье хоть и небогатой, но достаточно известной. Правда, таких "владельческих семейств" в раздробленной в ту пору Германии было немало. И так же как отец Екатерины, принц Христиан Август, многие их представители находились на службе у прусского короля. В момент рождения дочери принц Ангальт-Цербстский командовал полком, расквартированным в Штеттине (ныне г. Щецин в Польше), и имел генеральский чин, а позднее стал фельдмаршалом и комендантом этого города. Мать же Екатерины, принцесса Иоганна Елизавета, принадлежала к Голштейн-Готторпскому княжескому дому. Ее отец был младшим братом герцога Голштинского Фридриха IV и после его смерти в 1702 г. стал регентом при малолетнем герцоге и своем племяннике Карле Фридрихе, том самом, который впоследствии женился на дочери Петра Великого Анне и был отцом Петра III. Родной брат принцессы Иоганны Елизаветы (и соответственно дядя Екатерины) Адольф Фридрих в 1751 г. стал шведским королем. Двадцать лет спустя его сменил его сын Густав III, двоюродный брат Екатерины. Другой брат Иоганны Елизаветы, Карл Август, был женихом цесаревны Елизаветы Петровны. Он умер в Петербурге в 1728 г., не успев обвенчаться со своей невестой, и она на всю жизнь сохранила о нем романтические воспоминания.

Детство Екатерины прошло в основном в штеттинском замке, который, однако, "домом" семьи не считался. "Дом" был в Цербсте, где находился родовой замок и куда маленькая Екатерина нередко заезжала вместе с матерью по пути в Берлин, Гамбург, Эйтин или Брауншвейг. Принцесса Иоганна Елизавета, будучи почти вдвое моложе мужа, имела слегка

авантюрный характер, была красива, энергична, непоседлива и явно предпочитала светскую жизнь при дворе или в гостях у богатых родственников жизни с мужем в отдаленном Штеттине.

У маленькой Екатерины, по-видимому, не возникло привязанности ни к какому определенному месту, которое она могла бы считать своей родиной, и к пятнадцати годам она была готова полюбить то место на земле, где ей могло улыбнуться счастье. В кругу, где она росла, было немало таких же принцесс, чье приданое заключалось главным образом в их "голубой крови". Самой счастливой и везучей тут считалась девушка, удачно вышедшая замуж и сумевшая в результате брака приобрести какую-нибудь корону. Екатерине же еще в детстве было предсказано, что она будет увенчана сразу тремя коронами. Не случайно на девочку сильное впечатление произвела встреча с герцогиней Брауншвейг-Вольфенбюттельской, чьи внуки царствовали в то время сразу в четырех странах — Австрии, Пруссии, России и Дании.

В семье Екатерину называли Фике, и она росла подвижной, веселой и независимой. Ее гувернантка, француженка-гугенотка Елизавета Кардель отмечала в ней независимый нрав, а сама Екатерина более всего любила играть с другими детьми, предпочитая при этом грубоватые мальчишеские игры спокойным и чинным играм девочек. Домашние учителя обучали принцессу тому, чему и положено было учить девушку ее круга, — немецкому и французскому, музыке и богословию. Отношения с матерью не были особенно сердечными. Считалось, что шансов на удачное замужество у Фике немного, и принцесса Иоганна Елизавета старалась воспитывать дочь в строгости, подавляя всякие проявления гордости и высокомерия. Того и другого у девочки было, видимо, вдоволь, и мать заставляла ее целовать край платья у знатных дам, приезжавших к ним в дом, полагая, что таким образом маленькая Фике станет смиреннее. Но получилось наоборот: Екатерина научилась скрывать свои истинные чувства и притворяться, что очень пригodiлось ей впоследствии. Уже в детстве она была склонна к самостоятельным рассуждениям и позднее вспоминала, что "сохранила на всю жизнь

обыкновение уступать только разуму и кротости".

Интересную характеристику юной Екатерине дала одна знавшая ее в детстве мемуаристка: "Я... могла думать, будто знаю ее лучше, чем кто-либо другой, а между тем никогда не угадала бы, что ей суждено приобрести знаменитость, какую она стяжала. В пору ее юности я только заметила в ней ум серьезный, расчетливый и холодный, но столь же далекий от всего выдающегося, яркого, как и от всего, что считается заблуждением, причудливостью или легкомыслием. Одним словом, я составила себе понятие о ней как о женщине обыкновенной". Впрочем, это заключение говорит скорее о том, что мемуаристка была не слишком проницательна, ведь вряд ли можно назвать обыкновенной женщину, уже в детстве отличающуюся "серьезным, расчетливым и холодным" умом, не склонную к причудам и легкомыслию. И разве не эти качества столь важны для политика? Судя по всему, принцесса Фике уже в юные годы обладала многими из тех черт, которые и сделали ее позднее Екатериной Великой.

Беззаботное детство окончилось 1 января 1744 г., когда на имя принцессы Иоганны Елизаветы пришло письмо из далекого Петербурга от императрицы Елизаветы Петровны, приглашавшей ее с дочерью прибыть в Россию. Письмо ожидали, ибо его появлению предшествовала длительная интрига, в которой участвовал даже король прусский Фридрих II. Он, как и российская императрица, королем стал недавно, но у него были грандиозные планы, для исполнения которых ему необходимо было иметь в Петербурге верного человека. И вот, когда Елизавета Петровна стала подыскивать невесту для наследника престола великого князя Петра Федоровича, Фридрих сделал все возможное, чтобы ею стала принцесса Фике, с чьей матерью его связывали дружеские отношения.

Уже через несколько дней вся семья отправилась в Берлин, где Екатерина в первый и последний раз в жизни имела возможность лицезреть короля прусского, которому через несколько десятилетий предстояло стать ее соперником и партнером по международным делам, а

17 января она навсегда простилась с отцом, которого, как писала позже, очень любила. По ее словам Христиан Август "был человек прямого и здравого смысла, с которым он соединял много знаний", а его убеждения были "неколебимо религиозны". Последнее обстоятельство уже вскоре заставило Екатерину в письмах к отцу изворачиваться и лукавить, утверждая, что православная вера, в которую ей пришлось обратиться по приезду в Россию, почти ничем не отличается от протестантской.

Путешествие в Россию было похоже на сказку и оставило в памяти будущей императрицы неизгладимый след. Уже в первом российском городе — Риге их встречали с необычайной и непривычной для них торжественностью. Когда 29 января (по старому стилю) мать и дочь покидали этот город после непродолжительной остановки, их сопровождали эскадрон кирасир и отряд Лифляндского полка, не говоря уж о свите из вельмож и офицеров. Они ехали в императорских санях, обитых изнутри собольями. Соболья шуба — первый подарок императрицы — была и на плечах Екатерины. Никогда прежде их не окружали такой почет и роскошь. 3 февраля они прибыли в Петербург. Тут перед глазами изумленных путешественниц предстали великолепный императорский дворец, знатные вельможи, русские люди, катающиеся на масленицу с ледяных гор, и слоны — подарок Елизавете Петровне от персидского шаха. Потом путь продолжился до Москвы, где находилась в то время императрица. Первая встреча с ней произвела на юную принцессу неизгладимое впечатление. "Когда мы прошли через все покои, — вспоминала впоследствии Екатерина, — нас ввели в приемную императрицы... Поистине нельзя было тогда видеть ее в первый раз и не поразиться ее красотой и величественной осанкой. Это была женщина высокого роста, хотя очень полная, но ничуть от этого не терявшая... Ее платье было из серебряного глазета с золотым галуном; на голове у нее было черное перо, воткнутое сбоку и стоявшее прямо, а прическа из своих волос со множеством брильянтов".

В этом описании сквозит восторг девочки из небогатой семьи, пораженной великолепием царского двора. Она понимала, что судьба

предоставила ей редкий шанс, который никак нельзя упустить. Мечта о счастье, как ей казалось, становилась явью: ее окружали почет, роскошь, а будущее сулило корону, о которой она так давно мечтала. Судьбу олицетворяла Елизавета Петровна, а за счастье надо было платить браком с великим князем Петром Федоровичем. Можно предположить, что поначалу принцесса искренне благоговела перед императрицей, тем более что и та была к ней очень добра, но потом отношения стали портиться, ибо Елизавета была капризна, ревнива и более всего опасалась, как бы великая княгиня не затмила ее красоту своей юностью, свежестью и непосредственностью. Что же касается будущего мужа (их свадьба состоялась 21 августа 1745 г.), то на его счет Екатерина с самого начала не слишком обольщалась. Будучи немного старше своей невесты, он явно уступал ей в духовном развитии и видел в ней не столько девушку, за которой надлежит ухаживать, сколько товарища по играм. Вместо того чтобы говорить с ней на "языке любви", он рассказывал ей "об игрушках и солдатах, которыми был занят с утра до вечера". Она зевала, но терпеливо слушала. Не переменился Петр и после свадьбы: по-прежнему играл в куклы и, к ужасу молодой жены, даже приносил их на брачное ложе. Легко представить отчаяние Екатерины, которую строгая мать лишила всяких игрушек еще в семилетнем возрасте. Визг собак, клацанье ружейных затворов, стук сапог и звяканье бутылок, грубые шутки, табачный дым и невыносимые для лишенной музыкального слуха Екатерины звуки скрипки — вот что в течение семнадцати лет доносилось в ее спальню из покоев мужа. Но самым оскорбительным было то, что он пренебрегал ею как женщиной. Время от времени Петр влюблялся, причем в женщин, как правило, гораздо менее красивых, чем его жена, и похвалялся перед Екатериной своими истинными и мнимыми победами.

Стараясь поддерживать с мужем, насколько возможно, самые лучшие отношения, Екатерина отказалась от мысли полюбить его: "Я очень любила бы своего нового супруга, если бы только он захотел или мог быть любезным, но у меня явилась жестокая для него мысль в самые

первые дни замужества. Я сказала себе: если ты полюбишь этого человека, ты будешь несчастнейшим созданием на земле; по характеру, каков у тебя, ты пожелаешь взаимности, этот человек на тебя не смотрит, он говорит только о куклах... и обращает больше внимания на всякую другую женщину, чем на тебя". В искренности этих слов из "Записок" Екатерины можно было бы усомниться, если бы примерно то же самое она не написала в личном письме Г. А. Потемкину: "Если б я в участь получила смолода мужа, которого бы любить могла, я бы вечно к нему не переменялась".

И все же она решила все стерпеть. "Вот рассуждение или, вернее, заключение, — писала она спустя несколько десятилетий откровенно, самонадеянно и несколько цинично, — которое я сделала, как только увидела, что твердо основалась в России, и которое я никогда не теряла из виду ни на минуту: 1) нравиться великому князю, 2) нравиться императрице, 3) нравиться народу. Я хотела бы выполнить все три пункта, и если это мне не удалось, то либо (желанные) предметы не были расположены к тому, чтоб это было, или же Провидению это не было угодно; ибо поистине я ничем не пренебрегала, чтобы этого достичь: угодливость, покорность, уважение, желание нравиться, желание поступать, как следует, искренняя привязанность..."

Поначалу роскошь русского двора, постоянно сменявшие друг друга балы, маскарады и другие развлечения увлекли юную принцессу, закружили ее в бешеном вихре. Иначе и не могло быть, ведь когда она приехала в Россию, ей было всего пятнадцать лет. Впервые у нее, девочки из небогатой семьи, появились собственные средства. Она могла покупать себе наряды и драгоценности и веселиться, как того требовали ее молодость, природная веселость и нравы того времени. Впервые она оказалась и в центре внимания большого двора, ей говорили комплименты, льстили, перед ней заискивали. Выяснилось, что она вовсе не дурнушка, как думала о себе, но, напротив, привлекательная и даже очаровательная молодая женщина. Казалось, именно ради такой жизни она и приехала в Россию. Но уже скоро Екатерина обнаружила, что, в

сущности, оказалась в золотой клетке. Ее мать, возомнившая себя крупным политиком и неуклюже пытавшаяся выполнить задание прусского короля — агитировать в Петербурге в его пользу, быстро испортила отношения при дворе и сразу после свадьбы Екатерины и Петра вынуждена была покинуть Россию. Ни с отцом, ни с матерью будущей императрице увидеться уже не было суждено. Когда Христиан Август умер, от имени Елизаветы Петровны Екатерине передали, что слишком горевать не стоит, поскольку ее отец не был королем. Когда же умерла и Иоганна Елизавета, Екатерине пришлось оплачивать ее долги. За каждым шагом великой княгини зорко следили, она должна была подчиняться строгим правилам, и даже письма к родителям за нее писали в Коллегии иностранных дел. Стоило ей с кем-нибудь подружиться, сблизиться, как этого человека сразу же удаляли прочь. Да и окружавшие ее вельможи на поверку оказались совсем не так благодушны и благожелательны, как казалось вначале. Они постоянно плели интриги, сплетничали и отчаянно боролись между собой за влияние на императрицу Елизавету. Среди них было немало противников брака Петра Федоровича с той, кого не без основания считали ставленницей прусского короля, и они прилагали немало усилий, чтобы дискредитировать Екатерину в глазах Елизаветы и петербургского общества. "Что же касается самой императрицы, то она, сперва умилявшаяся на юную чету, носившую имена ее родителей, позднее, по мере того как ее собственная красота угасала, стала ревновать к молодости, уму и очарованию юной Екатерины. Великая княгиня понимала, что для сохранения и упрочения своего положения ей надо бороться. Сама жизнь учила ее искусству лести, компромисса, политического маневра.

Между тем придворные развлечения постепенно стали ей приедаться. Сколь бы ни были они пышны и роскошны, удовлетвориться лишь ими Екатерина не могла. Ее пытливый ум нуждался в пище иного рода. Заскучав, она стала искать для себя отдушину, своего рода нишу, куда она могла бы укрыться от посторонних глаз и где могла бы быть самой

собой. Так она пристрастилась к чтению книг, и это стало ее духовной потребностью на всю жизнь. Сперва, как и большинство девушек того времени, она читала любовные французские романы, но со временем на ее столе оказались книги вполне серьезные. Это были сочинения французских просветителей — истинных властителей дум тогдашней интеллектуальной Европы. Поначалу книги попадали к Екатерине случайно, но, начав читать их, она увлеклась и со временем стала целенаправленно выискивать сочинения полюбившихся авторов. Книги великих французов — Монтескье, Вольтера, Дидро и других — наполнили ее голову непривычными мыслями, перевернули ее представления о мире. Она обратилась к трудам по юриспруденции, истории европейских стран, экономике. Подобного рода сочинений в России в то время практически не существовало, и если они и попадали к Екатерине, то, видимо, нерегулярно. Она искренне интересовалась страной, в которой волею судьбы оказалась, использовала всякую возможность во время путешествий в Москву, Киев, Троице-Сергиев монастырь, чтобы узнать побольше, и расспрашивала всех, кого могла, об обычаях, традициях, истории России. А ведь в это время еще живо было немало тех, кто помнил Петра Великого и его преобразования, события Северной войны, царствование Анны Иоанновны и прочее. Так постепенно у Екатерины сложилось, с одной стороны, вполне определенное мировоззрение, в основе которого были идеи просветителей, и, с другой, представление о России, где, как ей казалось, эти идеи могли быть использованы с большой пользой. Наблюдая же вблизи процесс управления страной при Елизавете Петровне, она со свойственной ей проницательностью замечала удачу и промахи правительства, его успехи и просчеты и пришла к убеждению, что, если бы власть оказалась в ее руках, она бы знала, что и как делать, а результаты ее правления были бы гораздо более основательны.

Читать Екатерине не мешали, ибо в этом Елизавета, сама чтением не увлекавшаяся, не видела ничего опасного. Но от великой княгини ждали, что она принесет царскому роду наследника. Год шел за годом, а брак

Екатерины и Петра Федоровича оставался бездетным. В своих мемуарах Екатерина откровенно дает понять, что на протяжении первых лет супружества Петр не только играл в куклы в постели жены, не только заставлял ее выслушивать бесконечные монологи на военные темы, придумывая фантастические истории о своих подвигах на полях сражений, заставлял ее разучивать ружейные приемы, пьянствовал и открыто волочился за другими женщинами, но и попросту не был мужчиной. В 1750 г., когда приставленная к Екатерине М. С. Чоглокова от имени императрицы обвинила ее в отсутствии детей, великая княгиня отвечала, что, будучи уже пять лет замужем, она до сих пор сохранила девственность. Медицинское обследование подтвердило ее слова и выявило, что причина была в великом князе. Источники сохранили сведения о некоей операции, которая была ему сделана, и спустя некоторое время, 20 сентября 1754 г., Екатерина наконец разродилась сыном.

Происхождение Павла всегда волновало историков. Дело в том, что в период, предшествующий его рождению, как повествует об этом сама Екатерина в своих мемуарах, у нее была любовная связь с молодым гвардейским офицером Сергеем Салтыковым, причем роль сводни между ними играла все та же Чоглокова. Некоторые исследователи предполагали даже, что Екатерина специально подробно описала этот роман, чтобы поставить под сомнение права сына на престол. Однако такие предположения безосновательны. Искренний рассказ о столь интимных вещах был обусловлен самим жанром мемуаров, которые писались в ту пору, когда в моде были написанные от лица женщин романы с весьма подробным изложением их любовных приключений. Екатерина писала свои "Записки" по-французски и, естественно, старалась соответствовать литературной моде того времени. А внешность, характер и манера поведения императора Павла I слишком напоминали Петра III, чтобы усомниться в его царском происхождении. Более того, многие черты его характера, поведения и даже вкусов, как, например, любовь ко всему военному, долго еще проявлялись и в следующих

поколениях его потомков.

После рождения ребенка Екатерину оставили в покое. Петр надолго и прочно увлекся Елизаветой Воронцовой, а императрица считала, что невестка выполнила отведенную ей задачу. Правда, новорожденного она забрала в свои покои, воспитывала, как сама находила нужным, и мать допускали к сыну только с разрешения Елизаветы Петровны. Но зато великая княгиня была теперь предоставлена сама себе. Место отосланного из Петербурга Салтыкова через некоторое время занял молодой польский дипломат Станислав Понятовский. Изящный, красивый, образованный, он был достойным собеседником и приоткрыл перед Екатериной еще одну, дотоле неведомую ей область: влюбленную в него женщину Понятовский посвящал в тайны международной политики. Сама же Екатерина к этому времени уже в полной мере освоила искусство придворного поведения и научилась делать то, что ей нравилось, умело скрывая это от императрицы и иных любопытных глаз. Так, она тайно убегала на свидания к любовнику и каталась верхом, используя мужское седло, что было строгойше запрещено Елизаветой. Одновременно она делала все, чтобы завоевать симпатии двора: была подчеркнута набожна, соблюдала все обряды Православной Церкви, делала придворным богатые подарки, проявляла о них всяческую заботу. Слухи о ее уме, доброте и религиозности постепенно выходили за стены царского дворца и распространялись по стране.

Но в те же годы — во второй половине 1750-х гг. — в жизнь Екатерины вошли новые тревоги и опасения. Елизавета все чаще болела, и в головы тех, кто окружал трон, естественно, приходили мысли, как сложится их судьба после смерти императрицы. Не могла не думать об этом и Екатерина. Ее отношения с мужем все более ухудшались, и она понимала, что когда он придет к власти, то поспешит поскорее избавиться от нее. А если даже он этого не сделает, то со своим поведением и полной неспособностью к управлению страной может процарствовать совсем недолго. В среде придворных перспектива иметь своим властителем Петра Федоровича также не вызывала восторга. И вот

тогда у канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, который прежде был одним из наиболее ярких противников брака Петра и Екатерины, возник план возвести на престол вместо великого князя его жену — женщину разумную, спокойную, но, как он полагал, по-женски слабую. Посадив ее на трон, можно было надеяться и далее спокойно управлять страной за спиной императрицы. Великая княгиня была в курсе замыслов опытного дипломата, и хотя, по всей видимости, не принимала их всерьез, но и не отвергала. В 1758 г. после многолетней придворной борьбы противники Бестужева наконец одержали верх, и он оказался в опале. К счастью для Екатерины, канцлер успел уничтожить документы, которые могли бы ее скомпрометировать, а во время объяснения с императрицей ей удалось полностью оправдаться, и Елизавета лишь еще раз с сожалением констатировала, что Екатерина гораздо умнее своего мужа.

Но опасность могла прийти и с другой стороны. Елизавета тоже была недовольна поведением племянника, часто, как утверждает в своих "Записках" Екатерина, плакала от его выходок и подумывала о том, чтобы лишить Петра престола в пользу сына Павла. Нерешительная императрица вряд ли перешла бы от намерений к действиям, а вот кто-нибудь из придворных вполне мог задумать переворот, чтобы править затем от имени мальчика-императора. Случись подобное, и Петр с Екатериной могли быть в лучшем случае высланы из страны за границу, а то и попросту сосланы куда-нибудь в Сибирь, заключены в крепость или убиты. История Брауншвейгской фамилии, томившейся в это время в далеких Холмогорах, была у всех в памяти. Подобное будущее Екатерину, конечно, совсем не привлекало, и на этот случай она разработала детальный план, описание которого сохранилось в ее переписке с английским послом Чарльзом Уильямсом. Из этого описания мы узнаем, что уже с конца 1750-х гг. будущая императрица вербовала себе сторонников среди гвардейских офицеров. При первом известии "о начале предсмертных припадков" Елизаветы она собиралась сперва обеспечить надежную охрану сына, а затем велеть пяти верным офицерам привести во дворец каждому по пятьдесят солдат. Она

намеревалась сама принять присягу командира дворцового караула и готова была отдать приказание арестовать всесильных елизаветинских министров Шуваловых, едва заметив хоть какое-то проявление враждебности с их стороны.

Из писем к Уильямсу видно, что писала их уже совсем не та юная, наивная и восторженная девушка, которая приехала в Россию в 1744 г. И от бывшего пиетета перед императрицей не осталось и следа. В переписке с иностранным дипломатом Екатерина откровенно высмеивала Елизавету, сообщала послу подробности событий при дворе, снабжая свои описания едкими и даже циничными замечаниями и эпитетами. Картина становится и вовсе неприглядной, если принять во внимание, что полномочный представитель Туманного Альбиона при петербургском дворе не только получал от великой княгини информацию, но и ссужал ее деньгами. Можно было бы подумать, что Екатерина фактически шпионила в пользу Англии, если бы подобное поведение не было для XVIII столетия делом достаточно заурядным. Да и деньги она брала в долг и впоследствии, уже взойдя на российский престол, аккуратно выплатила их преемнику Уильямсу.

Гораздо важнее, что в переписке с английским послом перед нами предстает уже зрелый политик с твердой волей и вполне определенными намерениями, готовый во что бы то ни стало добиться своего. Придворная жизнь, необходимость постоянно быть настороже, отстаивать свои права и интересы в жесткой борьбе с бескомпромиссными противниками закалили характер Екатерины, да и ведь — шутка сказать! — на эту борьбу ушло восемнадцать лет ее жизни. И вот наступило 25 декабря 1761 г., когда Елизавета Петровна умерла, а императором стал Петр III, откровенно демонстрировавший свое равнодушие к жене и сыну, появлявшийся всюду в обществе Е. Р. Воронцовой и громогласно объявлявший о своем намерении на ней жениться.

На сей раз угроза благополучию Екатерины была как никогда серьезна. Между тем уже несколько лет, как был сослан Бестужев, выслан из Петербурга Понятовский, и лишь относительно недавно фаворитом

великой княгини стал красавец и знаменитый покоритель женских сердец Григорий Орлов — бретер, силач, герой Семилетней войны, готовый драться за любимившую его принцессу как лев. А в том, что драться придется, сомнений не было, ведь к тому же в момент смерти Елизаветы Екатерина была беременна, и теперь все, кто был в курсе обстоятельств семейной жизни великокняжеской четы (впрочем, таких было немного), знали, что под сердцем она носит ребенка Орлова.

2

События, происшедшие в Петербурге 28 июня 1762 г., оставили значительный след в мемуарной литературе. Хотя некоторые историки и называют послепетровское время "эпохой дворцовых переворотов", это вовсе не значит, что к переворотам привыкли, а для самих их участников они были таким уж легким и обыденным делом. В действительности каждый переворот был событием из ряда вон выходящим (не случайно их называли "революциями"), и едва ли не всякий его свидетель стремился оставить о нем память потомству. К тому же в перевороте 1762 г. было немало необычного, ведь в результате на российском престоле оказалась женщина, не имевшая ровным счетом никаких прав на трон, да к тому же немка, в чьих жилах не было ни капли романовской крови. Казалось бы, страна должна была восстать против той, которая так бессовестно узурпировала власть, но случилось наоборот: она благополучно процарствовала 34 года и осталась в истории Екатериной Великой. Симпатии общества были на ее стороне, а по своим личным качествам она, как выяснилось, идеально подходила для роли правительницы великой страны.

Хотя события 28 июня 1762 г., как уже упоминалось, описаны многими мемуаристами, доподлинно нам известна лишь их внешняя сторона. Мы знаем, что 12 июня император отправился в Ораниенбаум, оставив жену и сына в столице и отдав последние распоряжения о подготовке войск к походу на Данию. 17 июня Екатерина также покинула Петербург и прибыла в Петергоф, в то время как Павел оставался на попечении

своего воспитателя Н. И. Панина. 19 июня императрица посетила мужа в Ораниенбауме, где присутствовала на театральном представлении, во время которого Петр играл на скрипке. Это было их последнее свидание. Екатерина вернулась в Петергоф, где в ночь на 28 июня была разбужена Алексеем Орловым, братом ее любовника, сообщившим, что откладывать переворот больше нельзя, поскольку арестован один из заговорщиков. В сопровождении Орловых (Григорий присоединился к ним вблизи города) Екатерина прибыла в казармы Измайловского полка, где немедленно была провозглашена самодержавной императрицей. От измайловцев она поехала в казармы Семеновского полка, где сцена повторилась и куда вскоре подошли преображенцы и конногвардейцы. Некоторые солдаты и офицеры уже успели сменить введенную Петром III форму прусского образца на русские мундиры. Тотчас же весть о перемене правления и приказ о возвращении были посланы вдогон трех полков, уже выступивших в поход на Данию. Гонцы были предусмотрительно отправлены в Кронштадт, а также в Ливонию и Померанию, где находились значительные воинские соединения, к помощи которых мог попытаться прибегнуть Петр. В Казанском соборе самодержавной государыней Екатерину провозгласило духовенство, а затем в Зимнем дворце началась присяга гражданских и военных чинов. Город был охвачен всеобщим ликованием, и лишь несколько офицеров остались верны присяге Петру III. Они были арестованы, но, когда переворот благополучно завершился, освобождены и по большей части продолжили службу новой государыне.

На следующее утро ничего не подозревающий император прибыл в Петергоф, где было запланировано празднование его именин. Но Екатерины там уже не было. Озадаченный и взволнованный Петр вернулся в Ораниенбаум и стал одного за другим посылать находившихся с ним вельмож в Петербург, чтобы выяснить, что происходит. Посланцы уезжали и не возвращались. Узнав о перевороте, большинство из них сразу же переходили на сторону сильнейшего и приносили присягу Екатерине. Наконец весть о случившемся достигла и Ораниенбаума. Петр

был в полной растерянности и лишь несколько часов спустя, поддавшись уговорам находившегося с ним фельдмаршала Б. Миниха, предпринял попытку высадиться в Кронштадте. Но было поздно: кронштадтский гарнизон уже перешел на сторону Екатерины и императору даже не разрешили пристать к берегу.

Между тем Екатерина во главе войск отправилась из Петербурга в Ораниенбаум, чтобы арестовать своего незадачливого супруга. "Была ясная летняя ночь, — писал один из первых ее биографов А. Г. Брикнер, — Екатерина, верхом, в мужском платье, в мундире Преображенского полка, в шляпе, украшенной дубовыми ветвями, из-под которой распущены были длинные красивые волосы, выступила с войском из Петербурга; подле императрицы ехала княгиня Дашкова, также верхом и в мундире: зрелище странное, привлекательное, пленительное. Эта сцена напоминала забавы Екатерины во время юности, ее страсть к верховой езде, и в то же время здесь происходило чрезвычайно важное политическое действие: появление Екатерины в мужском костюме, среди такой обстановки, было решающим судьбу России торжеством над жалким противником, личность которого не имела значения, сан которого, однако, оставался опасным до совершенного устранения его".

По дороге Екатерина была встречена вице-канцлером князем А. М. Голицыным, посланным к ней с письмом от Петра III, содержащим предложение вступить в переговоры. Отвечать на него императрица не стала, а Голицын принес ей присягу и присоединился к ее свите. Вскоре прибыло второе письмо Петра, в котором он отказывался от трона и просил отпустить его в Голштинию с Елизаветой Воронцовой. Но и это письмо осталось без ответа, и через некоторое время поверженный и униженный император подписал отречение от престола. Переворот свершился, бедная немецкая принцесса София Августа Фредерика, по прозвищу Фике, превратилась в Ее Императорское Величество самодержицу Всероссийскую Екатерину Вторую.

Как бы в тени этих судьбоносных для России событий осталась потаенная история долго созревавшего заговора, тайные пружины,

приведшие в действие различных лиц и участников этой драмы — тех, что играли в ней первые роли или оставались лишь статистами, и тех, что стояли на авансцене или оставались в тени. О чем-то мы знаем, о чем-то догадываемся, о чем-то останемся в неведении навсегда. Так, нам известно, что среди наиболее активных заговорщиков, помимо братьев Орловых, которые успешно вели агитацию в пользу Екатерины среди гвардейских солдат, были гетман Малороссии и президент Академии наук граф К. Г. Разумовский, воспитатель великого князя Павла, опытный дипломат Н. И. Панин и его брат генерал П. И. Панин, их племянница княгиня Е. Р. Дашкова, которая одновременно была родной сестрой фаворитки Петра III Е. Р. Воронцовой и племянницей канцлера М. И. Воронцова, и ряд других. У каждого из них были свои резоны. Так, Н. И. Панин рассчитывал, что Екатерина станет лишь регентшей до совершеннолетия его воспитанника Павла. Орловы понимали, что возведение на трон Екатерины возвысит и их, а может быть, даже приведет к ее браку с Григорием. Юная и романтически настроенная Дашкова просто сочувствовала обиженной и униженной мужем императрице, а Разумовский, как утверждала впоследствии сама Екатерина, был в нее слегка влюблен. И каждый из участников переворота, возможно, считал, что именно ему она обязана трон.

Но на самом деле главным организатором заговора, его душой и мозгом была сама Екатерина. Она умело использовала чувства одних и надежды других, никого не разочаровывала и не разубеждала, а уверенно шла к заветной цели. Она ощущала в себе способности и желание править, ей казалось, что она сумеет прославить и себя и страну. И все же, если бы не угроза лишиться всего, нависшая над ней с приходом к власти Петра, она, вероятно, так и не решилась бы на столь опасное предприятие, уж слишком велик был риск. Но император фактически загнал жену в угол, и после того, как он публично назвал ее "дурой" и велел арестовать, у нее не оставалось иного выхода, как испытать судьбу, поставив на кон все, что она имела. И она выиграла. Но теперь перед ней стояла новая и еще более сложная задача — удержать власть и воплотить в жизнь то, о чем

она столько мечтала. Ей нужно было доказать России, всему миру и самой себе, что она достойна великого предназначения и что народ не ошибся, передав ей корону и скипетр российских государей. Принцессе Фике предстояло стать воспетой Державиным Фелицей.

"Счастье не так слепо, как его себе представляют, — запишет она позднее в своих „Записках“. — Часто оно бывает следствием длинного ряда мер, верных и точных, не замеченных толпою и предшествующих событию. А в особенности счастье отдельных личностей бывает следствием их качеств, характера и личного поведения".

Глава 2. Искусство быть Фелицей

1

Прекрасное знание и тонкое понимание психологии, умение ладить с самыми разными людьми и использовать их лучшие качества, мириться с их недостатками, если они компенсировались компетентностью и талантом, — вот что прежде всего отличает Екатерину-императрицу. С самого начала царствования она сознательно старалась изменить саму атмосферу царского двора, принципы подбора высших должностных лиц империи. Так, в ответ на просьбу об отставке П. А. Румянцева, бывшего в фаворе у Петра III и потому опасавшегося опалы в новое царствование, она отвечала: "Вы судите меня по старинным поведением, когда персоналитет всегда превосходил качества и заслуги всякого человека, и думаете, что бывший ваш фавор ныне вам в порок служить будет, неприятели же ваши тем подкреплять себя имеют. Но позвольте сказать: вы мало меня знаете. Приезжайте сюда, если здоровье ваше вам то дозволит: вы приняты будут с тою отменностью, которую ваши отечеству заслуги и чин требуют". И это написано Румянцеву, еще не совершившему самых знаменитых своих подвигов! Но сам тон письма и то, что императрица, не стесняясь, писала о тайных пружинах успеха при дворе, должны были внушить ее адресату уважение и уверенность, что его судьба отныне в руках человека справедливого, не подверженного влиянию наушников и недоброжелателей. Так, видимо, и случилось, и

Екатерина приобрела одного из тех, кому суждено было составить славу ее царствования.

В отличие от мужа и сына, она умела сохранять выдержку в любой ситуации, не была подвержена вспышкам беспричинного гнева и всегда старалась не действовать по первому побуждению. Екатерина признавалась, что если, читая какой-то принесенный ей документ, испытывает раздражение, то всегда старается отложить решение до следующего дня. Если же решение требовалось принять скорее, а она чувствовала, что слишком возбуждена, то начинала ходить по комнате, пить воду и, только окончательно успокоившись, снова бралась за дела. При этом прежде принятия решения она старалась вникнуть во все детали дела и нередко снова и снова запрашивала своих министров о подробностях.

За тридцать с лишним лет пребывания Екатерины на российском престоле страна не знала громких политических процессов или шумной опалы кого-нибудь из тех, кто еще вчера был одним из первых лиц государства, как это было в свое время с Меншиковым, Волынским, Остерманом, Бестужевым-Рюминым и другими. "Мыли голову генерал-прокурору и обер-прокурору Сухареву за раздачу винокуренных заводов", — записывает в своем дневнике статс-секретарь императрицы А. В. Храповицкий, и можно быть уверенным, что и после этой головомойки оба чиновника продолжали служить. Если же тот или иной чиновник по своим качествам оказывался неспособным к исполнению своих обязанностей, но при этом сам в отставку не просился, императрица, как правило, лишь перемещала его на другую должность, где у него было меньше возможностей навредить. Может показаться, что, поступая подобным образом, она проявляла слабость, примиренчество, но на деле за этим стоял мудрый расчет, ведь уволить провинившегося — значило создать себе потенциального врага. Но уж если подобный человек вышел в отставку и просился на службу вновь, Екатерина была непреклонна. "Мне дураков не надобно", — говорит она, когда Храповицкий зачитывает ей прошение о приеме в службу некоего

отставного военного.

Подобным же был и способ обращения с бывшими фаворитами. Никто из них не подвергался опале, не был лишен ничего из того, что приобрел, будучи в фаворе. Напротив, получая отставку, он мог рассчитывать на новую порцию наград и подарков и мог спокойно отправляться доживать свой век в одно из многочисленных имений или за границу. Если же при этом он был люб императрице не только как мужчина, но и обладал достоинствами государственного деятеля, то мог рассчитывать остаться на службе и сохранить свое политическое значение, как это было с Г. А. Потемкиным и П. В. Завадовским. При такой "кадровой политике" Екатерины меньше было и всякого рода интриг, доносов и склок. Все это обеспечивало стабильность жизни двора и высшего слоя бюрократии, уверенность придворного и чиновника в своем завтрашнем дне, чего им так не хватало при Петре III, а позднее при Павле I. Стабильность, последовательность и предсказуемость политики — вот что отличает и жизнь России при Екатерине II в целом.

На протяжении десятилетий ее окружало множество самых разных людей, и у каждого была своя роль. Одни были необходимы императрице как остроумные собеседники, другие — как задушевные приятели, третьи — как ревностные сотрудники. Она никогда не боялась, что человек талантливый, яркий может затмить ее саму, ибо последнее слово во всех вопросах всегда принадлежало ей, умевшей зорко следить за всем происходящим в стране. И все, даже самые выдающиеся из деятелей этого времени, — а эпоха Екатерины богата целой плеядой выдающихся политиков, полководцев, литераторов, художников, архитекторов, ученых и т.д. — оставались лишь ее слугами, точно исполнявшими волю своей государыни. И одновременно, она всегда знала, кто на что способен, кому следует диктовать каждый шаг, а кому можно довериться и предоставить самостоятельно искать пути к достижению поставленной ею цели. В таком случае она позволяла себе лишь деликатно подсказывать, дипломатично подчеркивая свою мнимую недостаточную осведомленность. Выдающегося человека она щедро осыпала милостями

— деньгами, званиями, титулами. Румянцев-Задунайский, Суворов-Рымникский, Потемкин-Таврический, Долгоруков-Крымский — эти имена составляли как бы парадный фасад империи, ее славу. Но уже то, что этими своими громкими именами они были обязаны императрице, означало, что ее слава и величие как бы вбирали в себя славу самых блестящих ее сподвижников.

В отношениях с подданными Екатерину отличала необыкновенная терпимость. Вот в 1793 г. она с раздражением пишет П. В. Завадовскому по поводу подавшего в отставку чиновника: "Всегда знала я, а теперь наипаче ведаю, что его таланты не суть для службы моей и что он мне не слуга. Сердце принудить нельзя: права не имею принудить быть усердным ко мне. Заставить же и меня нельзя почесть усердным кого ни на есть. Разведены и развязаны на век будем. Черт его побери!" Между тем речь идет о графе А. Р. Воронцове, сенаторе и президенте Коммерц-коллегии, служившем ей на протяжении тридцати лет. И хотя она "всегда знала", что он ей "не слуга", терпела, ибо, как свидетельствует Л. Сегюр, "уважала и почти безусловно предоставила на его волю торговые дела".

Для каждого из тех, с кем ей приходилось иметь дело, Екатерина умела найти нужные слова, верный тон, о чем ярко свидетельствует ее обширная переписка. Ее письма могли быть сухими и официальными, колкими и насмешливыми, деликатными и даже, когда это было выгодно, подобострастными, дружескими и нарочито откровенными. Тон письма определялся характером сложившихся отношений с адресатом, его личными качествами — ранимостью или, наоборот, суровостью, решимостью или мнительностью, степенью доверия к нему императрицы. "Слушай, Перфильевич, — пишет она статс-секретарю И. П. Елагину, отношения с которым носили дружеский характер, — есть ли в конце сей недели не принесешь ко мне наставлений или установлений губернаторской должности, манифест против кожедирателей, да дела Бекетьева, совсем отделанные, то скажу, что тебе подобнаго ленивца на свете нет да что никто столько ему порученных дел не волочит, как ты". Совсем иной тон письма к генерал-прокурору А. И. Глебову, чьи качества

Екатерина ценила не слишком высоко: "Александр Иванович! Ужасная медлительность в Сенате всех дел принуждает меня вам приказать, чтоб в пятницу, то есть послезавтра, слушан был в Сенате проект о малороссийской ревизии господина Теплова, причем и ему быть надлежит. Екатерина".

Отдавая приказания, Екатерина умела быть жесткой и требовательной и одновременно нарочито смиренной. "Иван Перфильевич, — обращается она к тому же Елагину, — есть ли бумаги мои Божиим соизволением определено, чтоб я не имела, хотя ежедневная нужда в них имею, хотя по крайней мере вы бы мне прислали полковые списки, в которых сейчас необходимая нужда имею". Но в какую бы форму ни была облечена воля императрицы, у всякого получившего ее распоряжение не оставалось сомнения в необходимости исполнить его в точности и без промедления.

Такие качества Екатерины, как совершенное владение искусством политической интриги и просвещенческой фразеологией, изменчивость тона в зависимости от того, к кому она обращалась, умение быть по обстоятельствам и беспощадно жестокой, и необыкновенно щедрой, тщеславие, любовь к возвышенным выражениям и декларациям побудили некоторых историков усомниться в ее искренности и заподозрить ее в том, что всю жизнь она лишь играла некую роль, будучи, в сущности, человеком насквозь лживым. Наиболее емко эту позицию выразил Пушкин, назвавший Екатерину "Тартюфом в юбке и короне". Но, скорее всего, обычно пронизательный поэт на сей раз ошибался: Екатерина была до мозга костей политиком и именно поэтому часто бывала неискренна и демонстрировала разнообразие масок на разные случаи жизни. Но в своих убеждениях она была и искренна и, как явствует из ее политики, тверда.

Екатерина признавалась, что ее собственный ум не был творческим, но, как никто, она умела воспринимать чужие идеи и приспособлять их для своих нужд. Все мемуаристы отмечают, что императрица была прекрасным собеседником, умела внимательно выслушать всякого и

извлечь для себя из разговора пользу, иногда неожиданную даже для того, с кем говорила. У нее была прекрасная память, она хорошо помнила то, что когда-то прочитала, и то, о чем лишь раз случайно услышала в разговоре. Ее привлекало все новое, ее ум был открыт к восприятию самых разнообразных вещей, будь то новости политические, научные, литературные или философские. Так, в 1768 г. специально прибывший из Англии врач Т. Димсдейл впервые в России делает императрице и наследнику престола прививку оспы, а спустя несколько лет приезжает вновь, чтобы сделать прививку внукам Екатерины. Причем показательно, что, помимо чисто медицинского результата этой акции, государыня извлекла из нее и политические дивиденды, ведь все дружно восхваляли ее храбрость, а сам поступок должен был служить примером подданным.

Екатерина досконально изучила механизм власти, его публичную, открытую для общества, и тайную, скрытую от посторонних глаз, стороны. Она старательно заботилась о своей репутации, сперва создавая, а затем тщательно сохраняя образ справедливой, доброй, постоянно пекущейся о благе народа "матушке государыне", такой, какую мы находим на страницах "Капитанской дочки" А. С. Пушкина. Когда это было нужно, она умела быть щедрой и даже расточительной, а когда нужно — скромной и бережливой. Заметив в окно бредущего под дождем небогатого чиновника, она посылает ему 5 тысяч рублей на экипаж (сумма по тем временам немалая!) и знает, что слух об этом ее поступке распространится широко и сослужит ей службу не меньшую, чем громкая победа над грозным противником. Один из анекдотов екатерининского времени рассказывает, что однажды зимой, стремясь избавиться от сильной головной боли, Екатерина отправилась на прогулку. Мера оказалась действенной, но когда на следующий день ей предложили прогулку повторить, она отказалась, заметив, что подданные будут плохо о ней думать, увидев, что два дня подряд, вместо того чтобы работать, она катается в санях. Скорее всего, Екатерине просто не хотелось кататься, но опять же она понимала, что ее ответ станет широко известен.

Взойдя на престол, она необыкновенно щедро одаривает всех участников переворота, раздает более полумиллиона рублей и порядка 18 тысяч крестьянских душ, а уже через год, в сентябре 1763 г., пишет И. П.Елагину: "Иван Перфильевич, ты имеешь сказать камергером Ласунским и Рославловым, что понеже они мне помагли взайтить на престол для поправлении непарятков в отечестве своем, я надеюсь, что они без прискорбия примут мой ответ. А что действительно невозможность ныне раздавать деньги, таму ты сам свидетель очевидной". Конечно, дело не только в том, что, отвечая подобным образом на просьбу участников переворота, императрица демонстрирует бережливость, но и в том, что за прошедший год она уже настолько укрепилась у власти, что может себе позволить отказать. Однако примечательна сама аргументация: Екатерина не просто отказывает, но ссылается на патриотическую сознательность просителей, то есть ставит их в положение, когда выразить свое недовольство они уже не могут.

Неравнодушная к славе прижизненной, она была весьма озабочена и тем, как будет выглядеть в глазах потомства, понимая, в частности, значение остающихся для истории документов, по которым будут судить и о ней, и о ее делах: "Иван Перфильевич, поправь орфография сей приложенной бумаги и принеси обратно ко мне. Я в Архив ея пошлю... дабы видели потомки наши, с которой стороне справедливость были — с стороны императрицы, которой речей не уважают, да которая же снисхождении излишней ради не хочет строго приказать, или ленным секретарям лучше можно верить".

Всякий политик, и в особенности достигший вершин власти, неизбежно окружен льстецами, и во многом от его собственного здравомыслия зависит, насколько лесть оказывается действенной. Проницательной Екатерине несложно было отличить движимого лишь собственной выгодой льстеца от по-настоящему дельного человека. Да и лесть как таковая, преувеличенно подобострастное поведение царедворцев, особенно поначалу, были противны ее натуре. "Когда я вхожу в комнату, — с грустью пишет она одному из своих иностранных адресатов, — можно

подумать, что я медузина голова: все столбенеют, все принимает напыщенный вид; я часто кричу, как орел, против этого обычая, но криками не остановишь их, и чем более я сержусь, тем менее они непринужденны со мною, так что приходится прибегать к другим средствам". Со временем Екатерина свыклась и с лестью, и с манерой поведения придворных, привыкших гнуть спину и готовых в любой момент снова согласиться на звание "всеподданнейших рабов", которое она запретила употреблять, и даже, по-видимому, стала находить в этом удовольствие, хотя по-прежнему завоевать ее расположение только лишь лестью было нелегко. Но здесь и одно из объяснений ее многолетней переписки с иностранными корреспондентами — Вольтером, Дидро, д'Аламбером, Гриммом и другими: она остро нуждалась в достойных собеседниках, с которыми на равных могла бы обсуждать проблемы политики, философии, литературы, но в России ее окружали главным образом не собеседники, а подданные.

Еще одно качество, выгодно отличавшее Екатерину от многих ее предшественников и потомков на троне, — поразительное трудолюбие. Каждое утро, встав с постели, когда все еще спали, она брала в руки перо и работала — над законопроектами, указами, текущими делами, историческими и литературными сочинениями, письмами, переводами. Она выслушивала доклады должностных лиц и принимала решения по вопросам внешней политики и финансов, судопроизводства и торговли, образования и промышленности, медицины и добычи руд, комплектования армии и книгоиздательства. И в каждый вопрос она вникала до мелочей, спрашивая о подробностях, о которых не всегда ведали и ее докладчики. Уже с первых месяцев царствования она устанавливает определенный распорядок своего рабочего дня, который определяет и работу всего чиновничьего аппарата, и через двадцать с лишним лет после восшествия на престол в письме к рижскому генерал-губернатору Ю. Ю. Броуну так описывает свою повседневную жизнь: "Здоровье мое меня нисколько не тревожит: я встаю самое позднее в 6 часов и сижу до 11 в моем кабинете, куда ко мне приходит не тот, кто у

меня в милости, но кому по его званию есть до меня дело, и часто приходят лица, которых я еле знаю по имени. Кто у меня в милости, тех я приучила уходить, если дело до их не касается. После обеда нет ничего, а вечером я вижусь, кому охота придти, и отправляюсь спать самое позднее в половине одиннадцатого". Можно было бы предположить, что Екатерина лукавит, кокетничает, но ведь ее адресат — человек, близкий ко двору и обмануть его невозможно. А вот записка рукой императрицы, датированная 1763 г.: "В понедельник и среду каждой недели поутру в восемь часов господин Теплов будет иметь аудиенцию. Вторник и четверг оставлены для Адама Васильевича. Пятница и суббота — для Ивана Перфильевича". Как видим, у императрицы был лишь один выходной — в воскресенье.

Ни один другой русский государь не оставил потомкам такого огромного письменного наследия, как Екатерина II. С одной стороны, она была в этом отношении истинным дитем своего времени, когда идеи Просвещения завладели умами сотен людей, и письменное творчество воспринималось как наилучшая форма самовыражения. А для Екатерины работа пером стала настоящей страстью, и она сама признавалась, что при виде чистого листа бумаги всегда испытывает неодолимое желание что-нибудь на нем написать. Можно было бы счесть эту ее страсть чем-то сродни графоманству, если бы, с другой стороны, за нею не стояли бы истинные духовные потребности этой необычной женщины. Конечно, ей было лестно, например, переписываться с Вольтером, Дидро и другими известными французами, и, конечно, как утверждают многие ее критики, она использовала эту переписку для распространения в Европе определенного мнения о себе и своей деятельности. Но ведь нужно было иметь для этого и какие-то иные стимулы и к тому же быть очень не ленивым человеком, чтобы продолжать переписку в течение многих лет, создавая чуть ли не каждую неделю, а то и каждый день по небольшому шедевр эписистолярного жанра.

Именно духовные потребности, включавшие конечно же и тщеславие, и желание не отстать от моды своего времени, и заботу о славе

просвещенной монархини заставляли Екатерину всерьез заниматься историческими и лингвистическими разысканиями. Она не была великим ученым, не сделала никаких блестящих открытий, но написанное ею вполне соответствовало тогдашнему уровню развития науки, когда профессиональных ученых было еще очень немного и многие совмещали страсть к ученым занятиям с государственной деятельностью. Для Екатерины же эти занятия имели и еще одну, сугубо практическую цель, ведь занималась она русской историей и русским языкознанием, стремясь доказать величие России и преимущества русского языка. Некоторые из ее наблюдений ныне вызывают улыбку. "Имя саксы, — записывает Екатерина, — от сохи. Сохсонцы суть отросли от славян, также как и вандалы и прочее".

Из уже приведенных отрывков из различных бумаг императрицы видно, что по-русски она писала со множеством орфографических ошибок, знала об этом и просила своих секретарей их исправлять. Одному из них, А. М. Грибовскому, она рассказывала, что в свое время императрица Елизавета не дала ей продолжать занятия русским языком, заметив, что она и так слишком умна. Однако надо иметь в виду, что в ту пору с ошибками писали по-русски большинство вельмож, да и твердые правила русской грамматики еще не установились.

Ее литературные сочинения, также, впрочем, правленные секретарями, отличает живой и образный язык, использование народных выражений, пословиц, поговорок. Показательно, что если в переписке она и употребляла какой-то иностранный язык, то не родной немецкий, а французский. Судя по всему, она немного понимала и по-английски, хотя английских авторов, в том числе Шекспира, Филдинга, Стерна, читала в немецких и французских переводах.

Как уже сказано, Екатерина была тщеславна и властолюбива. Заполучив власть, она старательно оберегала ее от всяких посягательств, и это было одной из важнейших ее забот на протяжении нескольких десятилетий пребывания на российском троне. В отличие от Елизаветы Петровны, не спавшей по ночам, постоянно менявшей

месторасположение своей спальни и неожиданно даже для придворных пускавшейся в путешествие, панический ужас переворота не преследовал Екатерину днем и ночью. Но уж если возникало подозрение в заговоре, она была неумолима, сама направляя действия следователей и настаивая на тщательном изучении всех деталей и обстоятельств, даже когда выяснялось, что никакой реальной угрозы ее власти за пустыми словами или пьяной выходкой нет. Непреклонна бывала она и в наказании, справедливо полагая, что таким образом отбивается охота даже мысленно дерзнуть покуситься на российский трон, хотя само наказание не обязательно было жестоким и суровым и императрица, как правило, смягчала приговор, вынесенный судом. И действительно, если в первые годы после ее восшествия на престол, когда еще живы были воспоминания о перевороте 1762 г. и некоторым казалось, что и они могут так же легко схватить удачу за хвост, как это удалось Орловым, имело место несколько реальных и мнимых попыток переворота, то со временем число дел Тайной экспедиции постоянно уменьшалось.

В свое время Елизавета Петровна дала обет не подписывать смертных приговоров, и в течение двадцати лет ее царствования в России не было публичных казней. Екатерина подобный обет не давала, и в 1764 г. был казнен В. Я. Мирович, попытавшийся возвести на престол Ивана Антоновича, в 1771 г. казнь ждала зачинщиков Чумного бунта в Москве и убийц архиепископа Амвросия, а в 1775 г. — Пугачева и его ближайших сподвижников. В застенке погибла так называемая княжна Тараканова — самозванка, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы и А. Г. Разумовского. В крепость были посажены масон Н. И. Новиков и лидер польских повстанцев Т. Костюшко, сослан писатель А. Н. Радищев. Но все это были истинные и опасные преступники или противники режима. Екатерина могла проявить и показное милосердие, и свойственный времени рационализм. Вот, например, некий татарский мулла объявил себя новым пророком и стал проповедовать новую религию. На него тут же донесли другие муллы, он был арестован со своими сообщниками, и Сенат предлагал сурово наказать его, но Екатерина распорядилась

иначе: "Я лиха за ними не вижу, а много дурачества, которое он почерпал из разных фанатических сект разных пророков. Итак, он инако не виновен, как потому, что он родился с горячим воображением, за что наказания никто не достоин, ибо сам себя никто не сотворит".

Сохранив смертную казнь, Екатерина пыталась отменить пытку как узаконенный метод получения показаний. Впрочем, она немало писала об антигуманности пытки, но соответствующего указа так и не издала, возможно полагая, что эта норма должна войти в обширное уголовное законодательство, над которым она работала многие годы. В Тайной же экспедиции, возглавлявшейся С. И. Шешковским, кнут был наиболее активно используемым средством дознания.

Непомерное властолюбие, желание сохранить власть, чего бы это ни стоило, готовность ради этого на любые компромиссы и нежелание делиться с кем-либо хоть частью власти не могли не отразиться на взаимоотношениях Екатерины с сыном. Вполне естественные материнские чувства были притуплены у нее в самом начале, когда Елизавета Петровна разлучила ее с ребенком. Позднее, взойдя на трон, императрица старалась всегда держать сына при себе и в письмах к иностранным корреспондентам не раз писала о том, как он ее любит: "Во вторник я снова отправляюсь в город с моим сыном, который уже не хочет оставлять меня ни на шаг и которого я имею честь так хорошо забавлять, что он за столом иногда подменивает записки, чтобы сидеть со мною рядом; я думаю, что мало можно найти примеров такого согласия в расположении духа". По-видимому, она и сама гордилась сыном — живым, сообразительным мальчиком. Но по мере того, как Павел вырос, он становился для нее соперником.

Екатерина не могла не знать, что среди входивших в ее ближайшее окружение были и такие, кто полагал, что она передаст власть сыну, когда он станет совершеннолетним. И вот в 1772 г. ему исполняется восемнадцать, но официальное празднование этого события откладывается на год до его женитьбы. Екатерина зорко следит за всеми, с кем общается наследник, делает все, чтобы не допустить его к участию

в политике, то есть ведет себя с сыном так же, как когда-то Елизавета Петровна вела себя с ней самой. И вместе с тем до поры до времени отношения между матерью и сыном остаются, по-видимому, действительно довольно близкими, доверительными, о чем свидетельствует их переписка. Так, путешествуя в 1780 г. по западным губерниям, она с присущим ей остроумием и предназначенной лишь самым близким людям откровенностью пишет Павлу и невестке из Нарвы: "Здесь видела я генерала Брауна: он потолстел и совершенно здоров, точно так же, как и я сама и вся свита моя; ласкаю себя надеждою, что вы скажете о себе то же. Быть может, известие это находится в кармане курьера, ищущего Безбородко с 3-х часов утра. Подумаешь, Нарва — по обширности другой Париж: в нем пропадают без вести. Посылаю вам всяких здешних диковинок, т. е. кусок материи государыне великой княгине, ящик с игрушками доброму приятелю моему Александру. Вы же, сын мой, получите от меня сегодня "чистое благословение" — другого подарка вам не будет по той причине, что я ничего не нашла, что бы могло вас рассмешить. Прошу вас четырех, т. е. отца, мать и обоих сыновей, переобняться между собою за меня. Да благословит вас всех вместе Господь Бог". Вечером того же дня она шлет новое письмо, в котором сообщает: "Заметьте, что здешние красавицы страшно уродливы, желты, как айва, и худы, как клячи... да сохранит вас Господь от 7 или 8-ми нарвских женщин, стоявших за спинками стульев за обедом. Они обдавали меня жарким своим дыханием, и потому я не чувствовала холодного воздуха".

В 1781 г. и сам Павел с женой, великой княгиней Марией Федоровной, отправились в путешествие по Европе. Во многих мемуарах сохранились свидетельства о том, что отъезд супругов был нелегким, и некоторые историки полагают, что великокняжеская чета опасалась, будто императрица воспользуется их отсутствием, чтобы от них избавиться. Неискушенная в политике баронесса Димсдейл вспоминала: "Великая княгиня очень переживала разлуку с детьми... Ее печаль произвела на всех сильное впечатление, и многие плакали, а экипаж ожидал их, я

думаю, почти два часа. „...“ Наконец барон и еще два господина, поддерживая великую княгиню, поскольку у нее, кажется, совсем не осталось сил, посадили ее в карету, и они отправились. Во время всей этой суматохи императрица гуляла в саду, и я не слыхала, чтоб она плакала, а напротив, очень резонно заметила, что не понимает, отчего столько шума вокруг путешествия, в которое они сами так хотели поехать..."

Между тем стоило супругам покинуть Царское Село, как между ними и императрицей вновь возобновилась оживленная ежедневная переписка, причем в одном из первых писем к сыну Екатерина писала: "Если бы я могла предвидеть, что при отъезде она три раза упадет в обморок и что ее под руки отведут в карету, то уже одна мысль о том, что ее здоровье придется подвергнуть таким жестоким испытаниям, помешала бы мне согласиться на это путешествие". И далее она предлагает Павлу и его жене вернуться с любого места под предлогом, что она их вызвала. Однако путешествие продолжилось, и за границей великий князь, ободренный, по-видимому, почтительным и радушным приемом при европейских дворах, вел себя настолько неосторожно, что открыто критиковал политику матери и ее министров, о чем Екатерине конечно же стало известно. По возвращении в Россию Павел получил в подарок мызу Гатчина, ставшую отныне резиденцией "малого двора", где наследник мог предаваться излюбленным военным развлечениям, а Мария Федоровна устраивала музыкальные праздники и спектакли.

Иначе складывались отношения Екатерины с внуками. Когда в 1777 г. родился первый из них — Александр, восторженная бабушка писала своему корреспонденту барону М. Гримму: "Жаль, что волшебницы вышли из моды: они одаряли ребенка, чем хотели; я бы подыскала им богатые подарки и шепнула бы им на ухо: сударыни, неиспорченной природы, поболее неиспорченной природы, а опытность доделает все остальное". Уже эти слова показывают, что у Екатерины были свои, достаточно определенные представления о том, как следует воспитывать внука. И действительно, она поступила с ним так же, как когда-то

Елизавета с ее собственным сыном: забрала у матери и воспитывала сама. В письме к шведскому королю Густаву III, своему близкому родственнику, она сообщала: "Тотчас же после его рождения я взяла ребенка на руки и, после того как его обмыли, понесла его в другую комнату, в которой я его положила на подушку, покрывая его слегка... Особенно заботились о чистом и свежем воздухе... лежит он на кожаном матрасе, на котором стелется одеяло; у него не более одной подушки и очень легкое английское покрывало... особенное внимание обращается на то, чтобы температура в его покоях не превышала 14-15 градусов".

На внуков (в 1779 г. родился великий князь Константин) Екатерина обратила всю материнскую нежность, не растраченную в свое время на сына. Их воспитание было до мелочей продумано ею с учетом новейших достижений педагогической мысли: физическая закалка, скромная постель и республиканец Ц. Лагарп в качестве наставника должны были сделать мальчиков образцовыми принцами. "Прежде у нас подражали модам других стран, — пишет она в 1781 г., — теперь настала наша очередь: инфантов неаполитанских будут одевать в костюм русских великих князей". Бабушка проводила с внуками много времени, сочиняла для них сказки и даже собственноручно кроила для них платья. Когда же она отправлялась в очередную поездку, рано научившиеся читать и писать мальчики слали ей трогательные письма, а она использовала всякую возможность, чтобы послать им с дороги какой-нибудь подарок.

Личная жизнь самой Екатерины в течение 34 лет ее пребывания на троне отмечена чередой сменявших друг друга фаворитов. Как женщина она испытывала естественную потребность любить и быть любимой и в письме к Потемкину признавалась, что сердце ее таково, что и дня не может прожить без любви. И всякий раз она искренне влюблялась в своего избранника и искренне надеялась на долгое и настоящее счастье с ним. Вполне вероятно, что, лишь вступив на престол, она даже надеялась выйти замуж, но ей ясно дали понять, что править Россией может императрица Екатерина, но не госпожа Орлова. Впрочем, существуют достаточно веские основания предполагать, что замуж она

все же вышла, но тайно, и не за Орлова, а за Потемкина.

С Григорием Орловым Екатерина рассталась в 1772 г., послав его в Фокшаны на переговоры с турками, определенно зная при этом, что это задание ему не по плечу. Вскоре, узнав, что его место при императрице уже занято другим, Орлов, все бросив, помчался в Петербург. Но было поздно: еще за городом он был встречен курьером государыни с письмом, сообщавшим, что въезд в столицу ему закрыт, и предлагавшим отправиться в одно из его имений. Но не таков был Григорий. Остановившись в предместье Петербурга, он принялся забрасывать свою бывшую возлюбленную письмами, умоляя принять его. Возможно, он надеялся, что, увидев его, Екатерина не устоит. Вероятно, и она опасалась того же. В результате императрица откупилась от Орлова щедрыми пожалованиями, но это не настроило ее против него, и впоследствии она просила Потемкина не чернить Орлова в ее глазах. Когда же Григорий влюбился в свою близкую родственницу Зиновьеву и собрался жениться на ней, Екатерина помогла ему добиться разрешения Церкви на этот брак.

Участник переворота 1762 г., Григорий Потемкин вошел в жизнь Екатерины в 1774 г., предварительно прославившись на полях сражений. "Ах, какая славная голова у этого человека!... и эта славная голова забавна как дьявол", — восклицала императрица в письме к Гримму. "Милинкой, какой ты вздор говорил вчерась, я и сегодня еще смеюсь твоим речам, — писала она Потемкину. — Какия счастливыя часы я с тобою провожу. Часа с четыри вместе проводим и скуки на уме нет, и всегда растаюсь чрез силы и нехотя. Голубчик мой дарагой, я вас чрезвычайно люблю: и хорош, и умен, и весел, и забавен и до всего света нужды нету, когда с тобою сию. Я отроду так счастлива не была, как с тобою. Хочется часто скрыть от тебя внутреннее чувство, но сердце мое обыкновенно прабальтает страсть. Знатно, что польно налито и оттого проливается".

Но счастье оказалось непрочным. Потемкин был капризен, ревнив, вспыльчив. "У князя с государыней нередко бывали размолвки, —

вспоминал Ф. В. Секретарев, мальчиком живший в доме Потемкина. — Мне случалось видеть... как князь кричал в гневе на горько плакавшую императрицу, вскакивал с места и скорыми, порывистыми шагами направлялся к двери, с сердцем отворял ее и так ею хлопал, что даже стекла дребезжали и тряслась мебель". Нам неизвестно, эти ли черты характера Потемкина или что-то иное стало причиной их разрыва, но так или иначе вплоть до смерти князя в 1791 г. он оставался самым близким другом и сотрудником Екатерины, немало сделавшим для прославления ее царствования.

За Потемкиным последовали другие: Завадовский, Римский-Корсаков, Дмитриев-Мамонов, Ланской, Зубов. Все это были молодые гвардейские офицеры из не слишком богатых дворянских семейств (показательно, что среди фаворитов не было ни одного иностранца), с которыми императрица проводила досуг, приобщая их к своим интересам и интеллектуальным занятиям. Так, например, А. Д. Ланского она обучала искусству вырезания камей, которым сама, по моде того времени, была страстно увлечена. Неожиданную смерть юноши императрица переживала как трагедию и щедро одарила его близких, оставив им все подаренные возлюбленному имения.

Влюбляясь в своих избранников, привязываясь к ним, подпадая под их влияние и исполняя их прихоти, Екатерина, однако, никогда не теряла головы и не делилась с ними властью. "Слабости ее были сопряжены с ее полом, — заметил один из современников, — и хотя некоторые из ее любимцев и во зло употребляли ее милость, но государству ощутимого вреда не наносили". Говоря же в целом о фаворитизме как явлении русской жизни XVIII в., следует иметь в виду, что оно было характерно не только для России. Это также был элемент культуры эпохи Просвещения, соответствовавший общепринятым нормам поведения. Екатерина при этом никогда не афишировала своих отношений с любовниками, хотя и не скрывала их. В целом фаворитизм, конечно, придавал атмосфере петербургского двора легкий оттенок чувственности, вообще свойственный культуре этого времени, хотя петербургские нравы

были значительно более пуританскими, чем, скажем, в Версале той же поры.

Также соответствовали времени придворные развлечения — балы, маскарады, фейерверки, причем во время маскарадов поощрялось переодевание мужчин в женское, а женщин в мужское платье. Екатерина любила такого рода развлечения, возможно, еще и потому, что мужское платье ей шло. А вот играть в карты императрица не любила, и хотя и не запрещала это делать другим, но и не поощряла. Подобному времяпрепровождению она предпочитала остроумную беседу, занятные рассказы бывалых людей или обсуждение литературных новинок. И почти каждый вечер вокруг императрицы собирался узкий кружок приятных ей людей (такие собрания назывались "малым эрмитажем"), занимавших Екатерину своими разговорами и спорами. В целом же развлечения двора соответствовали европейской моде того времени и уже не имели того оттенка азиатчины, как во времена Анны Иоанновны.

Современники отмечали скромность Екатерины в еде и питье. Повальное пьянство, царствовавшее при дворе Петра Великого, было изгнано из императорских покоев.

Важное место в жизни двора, да и вообще в русской культуре второй половины XVIII в. занимал театр. Театрализованная условность — характерная черта жизни средневекового общества, но для просветителей театр был не только развлечением, но и средством проповеди общественно-политических, социальных и прочих идеалов. Не случайно поэтому уже коронационные торжества Екатерины в январе 1763 г. были грандиозным театрализованным действием, главным постановщиком которого был основатель русского театра Ф. В. Волков. В 1766 г. указом императрицы была создана Театральная дирекция во главе с близким к ней И. П. Елагиным, в 1773 г. — открыт Петербургский публичный театр, для которого выстроено специальное здание. В летнее время спектакли давались также в Деревянном театре на Царицыном лугу, а с 1785 г. — в Эрмитажном театре, где зрителями были в основном придворные аристократы.

Как уже упоминалось, музыку Екатерина не любила, но, подчиняясь принятым правилам поведения, вынуждена была присутствовать на оперных спектаклях и концертах. Согласно сохранившемуся свидетельству, в зале при этом находился человек, подававший императрице знак, когда нужно было хлопнуть. В 1764 — 1767 гг. при дворе выступала французская комическая опера, оставшаяся затем в России и дававшая спектакли "для народа". В последней трети века получила распространение и русская комическая опера, первая постановка которой прозвучала в Москве в 1779 г. Директором придворной капеллы был назначен знаменитый русский композитор Д. С. Бортнянский, до этого десять лет проживший в Италии, где поставил три свои оперы.

Но если музыку Екатерина лишь терпела, то истинной ее страстью было коллекционирование предметов изобразительного и прикладного искусства. Она собирала картины, статуи, рисунки, гравюры, резные камни, фарфор, изделия из драгоценных металлов, книги, монеты, медали и даже минералы. Уже в первые годы пребывания у власти она стала скупать за границей целые коллекции и библиотеки. Ее агенты по всей Европе выискивали для нее предметы искусства, присылали ей каталоги, по которым она умело и со вкусом выбирала то, что хотела бы иметь.

Так, в 1778 г. она писала Гримму: "Сегодня рисунки Рафаэлевых лож попались мне в руки. И только одна надежда меня поддерживает. Пожалуйста, спасите меня: пишите Рейнфенштейну, чтоб он заказал мне копии этих плафонов, как и стен, в натуральную величину. Я приношу обет Св. Рафаэлю во что бы то ни стало построить его ложи и поставить в них копии, потому что я непременно должна их видеть, как они есть. Я питаю такое благоговение к этим ложам, к этим плафонам, что не пожалею расхода на здание и не успокоюсь, пока все это будет поставлено".

Страсть императрицы к коллекционированию имела два важных последствия. Во-первых, Екатериной был основан Эрмитаж — один из

крупнейших художественных музеев мира. Во-вторых, поведение императрицы служило примером для подданных, и потому в это время складываются достаточно многочисленные частные коллекции живописи и крупные библиотеки, в том числе известные собрания Шереметевых, Голицыных, Безбородко, Строгановых, Воронцовых и других. Развивается и русская национальная живопись, также поощрявшаяся Екатериной и ее окружением. С конца 1760-х гг. начинают проводиться первые художественные выставки, аукционы картин, издаются теоретические труды по изобразительному искусству, расцветают таланты А. П. Антропова, И. П. Аргунова, Ф. С. Рокотова, Д. Г. Левицкого, В. Л. Боровиковского, А. П. Лосенко.

В повседневной жизни, в быту Екатерина была довольно скромна. Страсть к нарядам и драгоценностям она утолила еще в ту пору, когда была великой княгиней, и, став императрицей, позволяла себе роскошь лишь постольку, поскольку этого требовало ее положение и необходимость поддерживать статус одного из самых пышных дворов Европы. Последнее воспринималось людьми того времени как один из признаков могущества государства. С годами же императрица все чаще даже на официальных церемониях (конечно, когда это позволял этикет) появлялась в скромных платьях и головных уборах, резко контрастировавших с нарядами многих придворных дам. В этом проявлялась нарочитая скромность, подчеркивавшая, что и в такой одежде она остается великой императрицей.

2

В отличие от многих других государей, в разное время занимавших российский трон, Екатерина взшла на него, имея не только ясное представление о принципах, по которым она будет править, но и вполне определенную политическую программу. В основе ее лежали прежде всего идеи, почерпнутые ею из книг просветителей, которые, в свою очередь, были последователями рационалистических философов второй половины XVII в. Пожалуй, ключевым словом в представлениях тех и

других об идеальном устройстве государства было слово "закон". "Человечеству, — замечает историк Е. В. Анисимов, — казалось, что наконец найден ключ к счастью — стоит правильно сформулировать законы, усовершенствовать организацию, добиться беспрекословного, всеобщего и точного исполнения начинаний государства. „...“ Отсюда „...“ оптимистическая наивная вера людей XVII-XVIII веков в неограниченные силы разумного человека, возводящего по чертежам, на началах опытного знания, свой дом, корабль, город, государство".

Дать народу разумные и справедливые законы, которые обеспечат всеобщее благоденствие, — в этом любимые и почитаемые Екатериной авторы видели основную задачу просвещенного правителя страны. А она мечтала прослыть именно таким просвещенным монархом. Новые законы должны были регулировать все сферы жизни, и, таким образом, государство становилось правовым — "законной монархией", то есть таким, в котором все совершается по букве писаного закона. Законом, и только им, должна быть ограничена и свобода граждан. Они, граждане, наделены определенными правами, обязанностями и привилегиями в зависимости от принадлежности к тому или иному сословию. Причем привилегии — это неотъемлемое свойство всякого сословия, играющего в государстве свою, отведенную ему роль. Государство, те, кто им управляет, и граждане связаны системой взаимных обязательств, обязанностей, неукоснительное соблюдение которых является их долгом. Так обеспечивается стабильность государства, его процветание, "общее благо". Следить же за тем, чтобы законы не нарушались, и с их помощью регулировать, регламентировать жизнь населения — одна из функций государства, которую оно исполняет при помощи аппарата управления. В нем, в свою очередь, важное место отведено полиции, ибо она, как заметил еще Петр I, "есть душа гражданства". Государство же должно заботиться о воспитании подданных в духе законности, точного исполнения гражданских прав и обязанностей.

Такое государство в XVIII в. называли регулярным или полицейским. Выражение "полицейское государство", как отмечает американский

историк Дэвид Гриффите, означало лишь "государство, в котором правитель заботится о благосостоянии подданных и стремится создать его путем активного вмешательства в их повседневную жизнь". "Географические и научные открытия, как и ускорение интеллектуального развития, способствовали постепенному возникновению представления о том, что созданный Богом мир не завершен, а его продуктивные возможности безграничны, — разъясняет другой американец, Марк Раев. — Более того, человек сумел обнаружить законы, регулирующие природу, и, основываясь на этом знании, считал возможным использовать свои силы для максимального увеличения ресурсов как в материальной, так и в культурной сферах. Рост продуктивных возможностей должен был сперва принести пользу государству и его правителям, а затем постепенно увеличить благосостояние и процветание почти всех членов общества. „...“ Достичь этого можно было с помощью образованной элиты администраторов под руководством государя, который воспитывает население для продуктивной работы через регулярность и плановую деятельность центральной власти. „...“ Эту новую политическую культуру обычно называют регулярным полицейским государством".

Такова была теория, взятая на вооружение Екатериной II. В том, что она применима к России, императрица не сомневалась, ибо была убеждена, что Россия — часть Европы и, следовательно, у нее общая с Европой судьба. "Россия есть европейская держава", — писала она в 1766 г. Именно в приобщении России к Европе видела она прежде всего заслугу своего великого предшественника Петра I: "Перемены, которые в России предпринял Петер Великий, тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время, совсем не сходствовали с климатом и принесены были к нам смешением разных народов и завоеванием чуждых областей. Петр Первый, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал".

Однако это не означает, что императрица собиралась механически перенести западную теорию на русскую почву. Да и возникшая на почве

западноевропейской культуры теория была усвоена ею отнюдь не поверхностно и механически. Будучи знакома с политической историей крупнейших стран Европы, она не просто видела перед собой некие модели, но вполне ясно представляла себе историю их складывания, а следовательно, могла оценить их достаточно критично. К тому же и чтение сочинений просветителей, выступавших с острой критикой архаичных порядков в своих странах, также должно было настроить ее на скептический лад.

Екатерина не раз замечала, что вновь вводимые законы должны быть "приноровлены" к обычаям народа и согласованы с уже существующим законодательством. Ко времени восшествия на престол она уже немало знала о стране, которой ей предстояло править. Став же императрицей, она постаралась узнать еще больше. Ради этого она — впервые после Петра I — предпринимала поездки по стране, много читала, изучала архивные документы, беседовала с людьми. Конечно, знания ее все равно так никогда и не стали ни полными, ни вполне достоверными, объективными. Ведь и когда она ездила по Волге или путешествовала по Прибалтике, по западным губерниям, отправлялась в Крым или всего лишь в Троице-Сергиеву лавру, она видела лишь то, что показывали ей местные администраторы, чья квалификация нередко сводилась к умению пустить пыль в глаза начальству. Да и сама она, особенно в последние годы царствования, была рада обмануться, ведь так хотелось видеть реальные плоды своей деятельности. И все же она была достаточно умна, проницательна и пытлива, чтобы за тем, что позже стали называть "потемкинскими деревнями", увидеть если не всю реальность, то по крайней мере ее большую часть.

О том, как Екатерина понимала разницу между теорией и реальной практикой, свидетельствует ее знаменитый диалог с Дени Дидро. Когда великий француз приехал в Россию, императрица приняла его со всевозможным почтением и вела с ним долгие разговоры, в значительной мере сводившиеся к монологам философа, почитавшего своим долгом наставлять императрицу в том, что и как ей следует делать. Екатерина,

казалось, внимала ему, но не спешила исполнять его советы. Когда же озадаченный Дидро увидел, что усилия его остаются втуне, и поинтересовался у государыни, почему она не бросается немедленно действовать по его указаниям, Екатерина отвечала: "Вашими высокими идеями хорошо наполнять книги, действовать же по ним плохо. Составляя планы различных преобразований, вы забываете различие наших положений. Вы трудитесь на бумаге, которая все терпит, между тем как я, несчастная императрица, тружусь для простых смертных, которые чрезвычайно чувствительны и щекотливы".

Еще ранее встречи с Дидро, во время путешествия по Волге в 1767 г., она писала Вольтеру, торопившему ее с изданием новых законов: "Подумайте только, что эти законы должны служить и для Европы, и для Азии; какое различие климата, жителей, привычек, понятий! Я теперь в Азии и вижу все своими глазами. Здесь 20 различных народов, один на другого не похожих. Однако ж необходимо сшить каждому приличное платье. Легко положить общие начала, но частности? Ведь это целый особый мир: надобно его создать, сплотить, охранять".

С годами Екатерина сделалась отчаянной русской патриоткой, и это также важная черта ее мировоззрения, без учета которой невозможно понять и правильно оценить ее деяния. Не без намека на собственную блестящую карьеру, она писала, что Россия для иностранцев является "пробным камнем их достоинств": "Тот, кто успевал в России, мог быть уверен в успехе во всей Европе... Нигде, как в России, нет таких мастеров подмечать слабости, смешные стороны или недостатки иностранца: можно быть уверенным, что ему ничего не спустят, потому что, естественно, всякий русский в глубине души не любит ни одного иностранца". В 1782 г. сыну и невестке, описывавшим в письмах к матери виденные ими в Европе красоты, она замечает: "Хотя никогда я не была в странах, которые вы посетили, однако всегда была того мнения, что с маленьким старанием мы бы пошли наравне со многими другими". А уже в самом конце жизни, за несколько месяцев до смерти, в частной записке Н. П. Румянцеву Екатерина пишет: "Было время, в

которое приказано было все заимствовать у датчан, потом у голанцов, потом у шведов, потом у немцев, но узкие кафтаны таковых тел малых не были впору колосу нашему и долженствовали исчезнуть, что и збылось".

Подчеркнутый русский патриотизм Екатерины проявлялся и в глобальных политических вопросах, и в более мелких. Так, например, показательно, что, учреждая в 1769 г. орден Св. Георгия, императрица сделала его именно во имя одного из наиболее почитаемых на Руси святых. Причем все надписи на новом ордене, которому предстояло оставаться высшей воинской наградой России вплоть до 1917 г., были сделаны русскими, а не латинскими, как на других орденах того времени, буквами. Позиция Екатерины имела огромное значение для формирования русского национального самосознания, собственно понятия русского патриотизма. Не случайно само слово "родина" с легкой руки Г. Р. Державина впервые появляется на русском языке именно в екатерининскую эпоху.

Географические и климатические условия России таковы, полагала Екатерина, что для этой страны годится только одна форма правления — самодержавие. "Государь есть Самодержавный, ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть, не может действовать сходно с пространством толь великаго государства. „...“ всякое другое правление не только было бы России вредно, но и в конец разорительно". Эта мысль, высказанная ею в самом начале царствования, в разных вариантах встречается в ее бумагах и в последние десятилетия жизни.

Если у Екатерины и был некий политический идеал, то это, несомненно, Петр Великий. Императрица не раз провозглашала себя продолжательницей его дела. Следовать заветам Петра в ее понимании значило и во внешней, и во внутренней политике продолжать линию на создание империи с сильной центральной властью, развитой экономикой, обеспечивающей материальный достаток подданных и военные нужды государства, и с активной внешней политикой, позволяющей играть доминирующую роль на международной арене. С осуждением писала она о преемниках великого преобразователя: "От кончины Петра Перваго до

возшествия императрицы Анны царствовала невежества, собственная корысть и барствовалась склонность к старинным обрядам с неведением и непониманием новых, введенных Петром Первым. От сего родилось отрешение надворных судов в 1726 году, поручение суда и расправы воеводам в 1727. Определение, подписанное Верховным Тайным советом и коя и ныне хранится в Иностранной коллегии, чтоб упустить во все флот, а армию некомплектовать, — вернейшей способ, чтоб завистливыя соседы Россию по клачкам разобрали, как заблагоразсудят".

В соответствии с заветами Петра "правила" собственного царствования Екатерина формулировала в пяти пунктах:

- "1. Нужно просвещать нацию, которой должен управлять.
2. Нужно ввести добрый порядок в государстве, поддерживать общество и заставить его соблюдать законы.
3. Нужно учредить в государстве хорошую и точную полицию.
4. Нужно способствовать расцвету государства и сделать его изобильным.
5. Нужно сделать государство грозным в самом себе и внушающим уважение соседям".

Екатерина мечтала быть равной Петру и таковой, видимо, себя ощущала. Но этого ей было мало. Заслугу Петра она видела в преодолении варварства, но ей хотелось превзойти царя-реформатора, а значит, в его деяниях нужно было найти слабое место. Это было нетрудно, ведь начинавший все сызнова Петр действовал больше по наитию, подчиняясь обстоятельствам. Он еще не знал тех истин, той теории, которой владела Екатерина, и потому, как она считала, был жесток, склонен к насилию и правил при помощи страха и наказания. Эти его методы устарели, были анахронизмом. И она, просвещенная государыня, могла опереться на любовь и доверие подданных и быть справедливой и гуманной. Ей, продолжавшей начатое Петром, уже не нужно было ничего ломать и можно было не решать все проблемы "кавалерийским наскоком", а действовать обдуманно, последовательно и не спеша, создавая земной рай для своих подданных. "Я иных видов не имею, как наивящее

благополучие и славу отечества и иного не желаю, как благоденствия моих подданных, какого б они звания ни были", — пишет Екатерина в 1764 г. князю А. А. Вяземскому, и можно не сомневаться, что пишет искренне, ибо это строки из секретной инструкции вновь назначаемому генерал-прокурору Сената, то есть из документа, в котором не было нужды лукавить.

Постепенность, последовательность, плановость — важнейшая черта преобразований Екатерины II. Каждый шаг должен быть всесторонне продуман, ведь "если государственный человек ошибается, если он рассуждает плохо или принимает ошибочные меры, целый народ испытывает пагубные последствия этого". Вот в 1775 г. Екатерина осуществляет губернскую реформу. Проходит шесть лет, и в письме к сыну и невестке она пишет: "Очень рада, что новое устройство губернское показалось вам лучше, чем прежнее. Посещение епархий показало вам детство вещей, но кто идет медленно, идет безопасно".

Для того чтобы правильно понять и оценить царствование Екатерины II, необходимо выяснить ее отношение к еще двум важным для того времени проблемам — к религии и крепостному праву. Воспитанная в протестантизме, принцесса Фике, для того чтобы стать русской великой княгиней, должна была креститься в православие. Переход в новую веру был болезнен, хотя, как уже упоминалось, в письмах к отцу девушка и пыталась уверить его, что между двумя церквями разница лишь в обрядах. Когда же вскоре после крещения Екатерина заболела, к ней тайком приглашали лютеранского пастора. Приобретенная таким путем вера не могла быть слишком глубокой, а знакомство впоследствии с сочинениями просветителей и вовсе способствовало развитию религиозного скепсиса. Между тем она отлично понимала значение православия для русских людей и всячески демонстрировала свою набожность, строго исполняла все православные обряды и этим немало выигрывала в глазах придворных по контрасту с мужем. Так же она продолжала себя вести и став императрицей, видя в Церкви одно из орудий управления страной. Однако, скрывшись от посторонних глаз,

Екатерина могла себе позволить расслабиться и, слушая, например, всенощную на хорах церкви, незаметно для стоявших внизу раскладывала на маленьком столике гранпасьянс. Но это вовсе не значит, что она была атеисткой. Как и почти всякий человек XVIII века, она была религиозна, но к институту Церкви с его внешней обрядностью особого пиетета не испытывала. В письме к Вольтеру она признавалась: "В молодости я тоже по временам предавалась богомольству и была окружена богомольцами и ханжами: несколько лет назад (то есть при Елизавете Петровне. — А. К.) нужно было быть или тем, или другим, чтобы быть в известной степени на виду... теперь богомолен только тот, кто хочет быть богомольным". В последних словах — намек на политику веротерпимости, которую в духе просветителей Екатерина последовательно проводила в жизнь, в частности в отношении старообрядцев и мусульман. Так, например, на жалобу Синода, что в Казани строят мечети вблизи православных храмов, императрица велела отвечать: "Как всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и она из тех же правил, сходясь Его святой воле, и в сем поступает, желая только, чтоб между подданными ее всегда любовь и согласие царствовали".

Также идеями просветителей определялось и отношение императрицы к крепостничеству. В соответствии с их взглядами на природу человека и его естественные права крепостное право как таковое было Екатерине отвратительно. В ее бумагах осталось немало горьких слов, написанных по этому поводу: "Предрасположение к деспотизму... прививается с самого раннего возраста к детям, которых видят, с какой жестокостью их родители обращаются со своими слугами: ведь нет дома, в котором не было бы железных ошейников, цепей и разных других инструментов для пытки при малейшей провинности тех, кого природа поместила в этот несчастный класс, которому нельзя разбить свои цепи без преступления". "Если крепостного нельзя признать персоною, — иронизирует она в другом месте, — следовательно, он не человек, но его скотом извольте признавать, что к немалой славе от всего света нам приписано будет".

Рабство же "есть подарок и умок татарский", в то время как "славяне были люди вольны". Не укрылось от Екатерины и значение крепостничества как тормоза на пути развития эффективного хозяйства. "Чем больше над крестьянином притеснителей, — замечала она, — тем хуже для него и для земледелия". И продолжала: "Великий двигатель земледелия — свобода и собственность".

И все же отношение Екатерины к крепостному праву было не столь однозначным, как может показаться. Полагая, что "крестьяне такие же люди, как мы", она делала для них и некоторые ограничения: "Хлеб, питающий народ, религия, которая его утешает, — вот весь круг его идей. Они будут всегда так же просты, как и его природа; процветание государства, столетия, грядущие поколения — слова, которые не могут его поразить. Он принадлежит обществу лишь своими трудами, и из всего этого громадного пространства, которое называют будущностью, он видит всегда лишь один только наступающий день". Мысль о духовно нищем народе, неспособном распорядиться свободой, если он ее получит, была в ту пору весьма широко распространена. "Просвещение ведет к свободе, — поучала, например, Е. Р. Дашкова Дени Дидро, — свобода же без просвещения породила бы только анархию и беспорядок. Когда низшие классы моих соотечественников будут просвещены, тогда они будут достойны свободы, так как они тогда только сумеют воспользоваться ею без ущерба для своих сограждан и не разрушая порядка и отношений, неизбежных при всяком образе правления".

Екатерина, как и многие ее современники, по-видимому, полагала, что, хотя крепостничество в принципе есть зло, большей части крестьян живется за помещиками не так уж плохо. Особенно заботилась она о том, чтобы картина русского рабства не затмила ее собственной славы в глазах иностранцев. Ради этого она готова была пойти и на прямой подлог. Так, в своем "Антидоте", написанном в ответ на книгу путешествовавшего по России французского астронома Шаппа д'Отероша, она возвещала, что "положение простонародья в России не только не хуже, чем во многих иных странах, но в большинстве случаев оно даже

лучше", а в письмах к Вольтеру сообщала, что русские крестьяне имеют каждый на обед курицу, а в некоторых губерниях даже индюшек. Но это для иностранцев, а что же реально сделала и сделала ли что-либо Екатерина для облегчения крестьянской доли? Для ответа на этот вопрос обратимся к ее внутренней политике, но прежде познакомимся с еще одним очень важным документом, ярко характеризующим Екатерину-политика.

В 1801 г., когда на российский престол взошел любимый внук Екатерины Александр I, "екатерининские старики", надеявшиеся, что теперь все станет совершаться, как утверждал государь, "по закону и по сердцу" покойной государыни, принялись поучать молодого царя. Один из них, В. С. Попов, служивший секретарем сперва у Г. А. Потемкина, а потом у самой императрицы, написал Александру пространное письмо, в котором вспоминал о разговоре с его бабушкой: "Я говорил с удивлением о том слепом повиновении, с которым воля ея повсюду была исполняема, и о том усердии и ревности, с которыми все старались ей угождать.

— Это не так легко, как ты думаешь, — изволила она сказать. — Во-первых, повеления мои, конечно, не исполнялись бы с точностию, если бы не были удобны к исполнению. Ты сам знаешь, с какою осмотрительностию, с какою осторожностию поступаю я в издании моих узаконений. Я разбираю обстоятельства, советуюсь, уведываю мысли просвещенной части народа и по тому заключаю, какое действие указ мой произвести должен. И когда уже наперед я уверена о общем одобрении, тогда выпускаю я мое повеление и имею удовольствие то, что ты называешь слепым повиновением. И вот основание власти неограниченной. Но будь уверен, что слепо не повинуются, когда приказание не приноровлено к обычаям, ко мнению народному и когда в оном последовала бы я одной моей воле, не размышляя о следствиях. Во-вторых, ты обманываешься, когда думаешь, что вокруг меня все делается только мне угодное. Напротив того, это я, которая, принуждая себя, стараюсь угождать каждому сообразно с заслугами, с достоинствами, с склонностями и с привычками и, поверь мне, что гораздо легче делать

приятное для всех, нежели, чтоб все тебе угодили. Напрасно будешь сего ожидать и будешь огорчаться, но я себе сего огорчения не имею, ибо не ожидаю, чтобы все без изъятия по-моему делалось. Может быть, сначала и трудно было себя к тому приучать, но теперь с удовольствием я чувствую, что, не имея прихотей, капризов и вспыльчивости, не могу я быть в тягость и беседа моя всем нравится".

Глава 3. Трудный путь преобразований

1

Достигнув желаемого, став самодержавной императрицей, Екатерина не спешила с воплощением в жизнь своих планов. Она понимала, что нельзя было пугать подданных слишком резкими движениями, необходимо было упрочить свое положение, оглядеться, выяснить стремления тех, кто возвел ее на трон и от кого она продолжала зависеть, изучить расстановку политических сил в стране. И она начала с того, с чего и следовало, — со знакомства с состоянием государственных дел. Знакомство это на первых порах не вселило ей оптимизма. Какой бы сферы управления она ни коснулась, везде дела были донельзя запущены: казна пуста, армия давно не получала жалованья, а сенаторы не ведали о том, сколько в Российской империи городов (узнав об этом на заседании Сената, Екатерина дала служителю 5 рублей и послала в книжную лавку за атласом). К тому же бунтовали монастырские и приписные крестьяне, духовенство было недовольно секуляризацией церковных земель, а дворянство — заключенным Петром III миром с Пруссией. Очень быстро Екатерина убедилась, что для достижения тех идеальных целей, которые она провозгласила, потребуется широкомасштабная реформа всех областей государственной жизни, включая и управление.

Императрица прежде всего отменила нововведения своего незадачливого супруга и учредила ряд комиссий, которым поручила выработать законопроекты в разных областях. Этим она убивала сразу двух зайцев: и оттягивала время, и как бы передавала право подготовки

реформы в руки самих подданных. Для умиротворения же крестьян был послан князь А. А. Вяземский — человек твердый и исполнительный. Ему было строго велено прежде всего разобраться в причинах волнений, постараться их устранить, договориться с бунтующими и только в крайнем случае применять силу. Вяземский успешно справился с данным ему поручением, и в результате его доклада появился указ Екатерины Берг-коллегии от 9 апреля 1763 г., в котором отмечалось, что сиятельные заводчики приписывали к своим предприятиям самых лучших крестьян, оставляя в деревнях физически слабых, что сразу же ухудшило положение крестьян. Отягощение произошло и вследствие несправедливого распределения работы между деревней и фабрикой, причем "налог работ усмотрен столь велик, что работник того в день выработать отнюдь не может ни пеший, ни конный, что на него налагается". Далее говорилось о несправедливой зарплате, увозе крестьян на далекое расстояние от дома и их семей и прочее. Естественным следствием этого, заключала императрица, были волнения приписных крестьян, и теперь заводчикам надлежит самим с крестьянами "на некоторой договор примирительной пойти, потому что и для самих содержателей заводов не полезно, чтоб крестьяне, приписанные к заводам, совершенно были разорены". Одновременно правительство начало выкупать заводы у крупных вельмож в казну. Эта мера на некоторое время погасила волнения приписных крестьян, но на развитии промышленности сказалась не слишком благоприятно, поскольку у государства не было достаточных средств для развития тяжелой индустрии, и уже к концу века она стала отставать от ведущих европейских стран.

Ловко играя на противоречиях в своем ближайшем окружении, Екатерине довольно быстро удалось стать достаточно независимой и получить, таким образом, возможность самостоятельно принимать решения. Она была подчеркнута внимательна к советам, которые ей давали, сама просила о них, но следовала им, лишь когда была уверена в их правильности. Так был отвергнут проект Н. И. Панина — фактически

главы оппозиции в екатерининском окружении — о создании совета при императрице, который бы значительно ограничил ее реальную власть. Но не для того она боролась за власть, чтобы сразу же расстаться хотя бы с ее частью. Несколько лет спустя совет был создан, но как чисто совещательный орган, без всяких властных полномочий.

А вот другую рекомендацию Панина Екатерина приняла. В 1763 г. по его проекту была осуществлена сенатская реформа. Необходимость коренной реорганизации Сената, этого детища Петра Великого, назрела давно. Преемники царя-реформатора то низводили его до ничтожного состояния, то вновь подымали. В результате указы Сената на местах практически не исполнялись, дела рассматривались годами, а сами сенаторы давно перестали ощущать себя коллективным alter ego государя, какими хотел их видеть Петр. В ходе реформы 1763 г. правительствующий Сенат был разделен на шесть департаментов со строго определенными функциями каждого. Во главе департаментов были поставлены обер-прокуроры, подчинявшиеся генерал-прокурору. В ведение каждого департамента передавалась определенная сфера государственного управления и конкретные государственные учреждения. Сенат по-прежнему сочетал административную, контрольную и судебную функции, хотя номинально лишился функции законодательной. В результате реформы он стал работать оперативнее и квалифицированнее. На некоторое время проблема реформы центрального управления потеряла былую остроту. И лишь в последнее десятилетие своей жизни Екатерина вновь вернулась к идее реформы Сената, подготовила обширный проект, но реализовать его так и не успела.

Другая проблема, решение которой откладывать было невозможно, была связана с церковными имениями. 12 августа 1762 г. Екатерина своим указом ликвидировала созданную Петром III Коллегию экономии и вернула духовенству его вотчины и крестьян. Но проблема осталась. Во-первых, сам факт владения Церковью подобными богатствами не вписывался в екатерининскую концепцию идеального государства, не

соответствовал ее взглядам на роль Церкви. Во-вторых, государство остро нуждалось в деньгах, и через секуляризацию церковных земель можно было быстро пополнить казну. Наконец, в-третьих, взаимоотношения между крестьянами и монастырскими властями обострились как никогда прежде, и государство вынуждено было вмешиваться, чтобы уладить конфликты. И это было использовано как очень удобный предлог. Государство как бы говорило Церкви: или справляйтесь с крестьянами сами, или отдайте их мне, а на то, чтобы всякий раз посылать для их усмирения воинские команды, у меня средств нет.

У Екатерины необходимость секуляризационной реформы, видимо, никогда сомнений не вызывала, она лишь собиралась провести ее постепенно, когда улягутся страсти вокруг поспешных преобразований ее мужа. Уже два месяца спустя после ликвидации Коллегии экономии она создает Комиссию о духовных имениях во главе с Г. Н. Тепловым — человеком деятельным, способным, преданным и довольно циничным. К концу года комиссия Теплова представила императрице "Мнение о монастырских деревнях". 12 мая 1763 г. Коллегия экономии была восстановлена, но не для того, чтобы конфисковать церковные владения, а формально лишь для того, чтобы их описать. Комиссия между тем работала над проектом реформы, который был готов в начале 1764 г. Екатерина приняла его благосклонно и 26 февраля подписала манифест, по которому все монастырские вотчины вновь оказались в ведении Коллегии экономии, то есть государства. А поскольку монахи теперь перешли на содержание государства, все епархии и монастыри в них были разделены на три класса, в соответствии с которыми устанавливалось и число монастырей в каждой епархии и число монахов в них. Лишние монастыри выводились "за штат". Находившиеся в них монахи должны были или перейти в другие монастыри, или оставались доживать свой век, кормясь подаяннем. Общее число монастырей сократилось в три с лишним раза. Среди них были и такие, чьи постройки представляли собой историческую или культурную ценность и в

результате запустения погибли. Но в XVIII в. о сохранении памятников архитектуры еще не задумывались.

Секуляризационная реформа имела и иные последствия. Государство поправило свои денежные дела, обложив около миллиона вышедших из крепостной зависимости крестьян полтора рублем налогом. Но главное, реформа окончательно лишила Православную Церковь какого-либо политического значения, поставив ее в финансовую зависимость от государства. Таким образом был приобретен и еще один важный рычаг регламентации духовной жизни общества. Ограничивая жесткими рамками количество подданных, имеющих право посвятить себя Богу, государство тем самым определяло и место Церкви в социально-политической системе. Секуляризация церковных земель означала продолжение секуляризации общества в целом. Духовенство же окончательно превращалось в один из отрядов чиновничества. Именно в этом видела его роль и Екатерина, и впоследствии, занимаясь созданием в России полноценных сословий, она никогда не пыталась сделать таковым духовенство.

Избранная Екатериной тактика постепенных реформ принесла плоды: секуляризация, так дружно принятая в штыки при Петре III, теперь почти не вызвала в обществе протеста. Единственным, кто осмелился поднять против нее свой голос, был архиепископ ростовский Арсений Мациевич, утверждавший, что даже татарские завоеватели не обращались с Церковью так жестоко, как екатерининское правительство. Арестованный по приказу Синода, он был допрошен в присутствии императрицы, наговорил ей дерзостей, от которых она даже зажала уши, был лишен сана и сослан в дальний монастырь. Позднее, когда Арсений — талантливый проповедник — распропагандировал тамошних монахов, его и вовсе расстригли и под именем Андрея Вралья отправили в Ревель.

Еще одним важным мероприятием первых лет царствования Екатерины II была отмена гетманства на Украине. В свое время еще Петр I, создавший губернскую систему управления, подчиненную сильной центральной власти, заложил основы устройства Российского государства как

унитарного. Однако отдельные территории страны в силу различных причин сохраняли признаки автономии. Екатерина имела по этому поводу вполне однозначное мнение: "Малая Россия, Лифляндия и Финляндия — суть провинции, которые правятся подтвержденными им привилегиями: нарушить оные все вдруг весьма непристойно б было, однакож и называть их чужестранными, и обходиться с ними на таком же основании есть больше, нежели ошибка, а можно назвать с достоверностию глупостию. Сии провинции, также и Смоленскую, надлежит легчайшими способами привести к тому, чтоб они обрусели и перестали бы глядеть как волки к лесу... когда же в Малороссии гетмана не будет, то должно стараться, чтоб навек и имя гетманов исчезло".

Эти слова написаны в начале 1764 г. в секретной инструкции генерал-прокурору Сената и, следовательно, воплощали осознанную стратегическую цель императрицы. Отменить гетманство было несложно, ибо еще с елизаветинских времен этот пост занимал поклонник Екатерины граф Кирилл Разумовский, давно уже живший в Петербурге, редко бывавший на родине и фактически передоверивший все дела своему правителю канцелярии Г. Н. Теплову. Ему же императрица поручила и работу над проектом нового административного устройства Украины. Теплов составил "Записку о Малой России", в которой, в полном соответствии с волей своей державной заказчицы, доказывал, что нынешняя система управления на Украине никак не соответствует характеру самодержавного государства. В конце 1764 г. Разумовский вышел в отставку. Для сохранения видимости, что автономия Украины не уничтожается вовсе, была создана Малороссийская коллегия, во главе которой был поставлен П. А. Румянцев. Он же стал и генерал-губернатором Украины, чем подчеркивалось, что такая смешанная форма управления носит временный характер.

Румянцев был снабжен подробной секретной инструкцией императрицы (Екатерина мастерски умела составлять подобного рода документы), в которой перед ним была поставлена задача постепенно ликвидировать все особенности социально-политического и экономического устройства

Украины, с тем чтобы она стала полноценной губернией Российской империи, то есть приносила бы государству такую же пользу, как и все остальные. Екатерина, в частности, была недовольна тем, что на Украине сохранялись монастырские земельные владения, что свободное передвижение украинских крестьян мешало сбору с них податей, да и точное число налогоплательщиков было неизвестно, что там не проводились рекрутские наборы и не существовало никакого контроля за уходящими за границу товарами. Иначе говоря, как она подчеркивала, Российская империя не извлекала из этих земель всей той пользы, на которую могла рассчитывать.

Румянцев успешно справился с возложенной на него задачей. Железной рукой, хотя и постепенно, он ликвидировал все остатки былой казачьей вольницы, изменил прежнее административное деление по общероссийскому образцу и, чтобы успешно собирать подати, прикрепил крестьян к земле, то есть фактически ввел на Украине крепостное право. И в этом — один из парадоксов екатерининского царствования, ибо проблема крепостничества, как уже упоминалось, чрезвычайно волновала императрицу.

В 1765 — 1766 гг. Екатерина через вице-канцлера князя А. М. Голицына вступила в оживленную переписку по крестьянскому вопросу с находившимся в это время за границей князем Д. А. Голицыным — дипломатом и известным ученым. Голицын настаивал на необходимости введения права собственности крестьян на землю и усматривал в этом "прочный фундамент благосостояния государства", без которого "никогда не будут процветать искусства и науки". Он призывал императрицу подать пример освобождения крестьян, полагая, что ему последуют и другие помещики. Правда, при этом он, как и большинство просвещенных людей того времени, считал, что "можно биться об заклад, что, перейдя так быстро от рабства к свободе, они (крестьяне. — А. К.) не воспользуются ею для упрочения своего благосостояния и большая часть из них предастся праздности, так как... наш крестьянин не чувствует глубокой любви к труду". "Я хорошо знаю, — утверждал князь,

— что леность неразлучна с рабским состоянием и есть его результат; продолжительное рабство, в котором коснеют наши крестьяне, образовало их истинный характер и в настоящее время очень немногие из них сознательно стремятся к тому роду труда, которой может их обогатить. Но как бы то ни было, лучшее, наиболее верное средство состоит в том, чтобы постепенно вывести их из подобного состояния и теперь же начать готовить их к этому".

Екатерина взгляды Голицына, несомненно, разделяла, но к его предложениям относилась скептически. Позднее она жаловалась, что крестьянский вопрос очень труден: "где только начнут его трогать, он нигде не поддается". Голицыну же она резонно, хотя и с видимой грустью, замечала, что "искреннего человеколюбия, усердия и доброй воли еще не достаточно для осуществления больших проектов". "Сомнительно, — писала она, — чтобы пример вразумил и увлек наших соотечественников: это маловероятно... Немногие захотят пожертвовать большими выгодами прекрасным чувствованиям патриотического сердца". Сомнения, однако, не означали бездействия. В 1766 г. статс-секретарь императрицы И. П. Елагин подготовил, возможно по ее заданию, проект передачи крестьянам земли в собственность, начав с крестьян дворцовых, то есть тех, что принадлежали непосредственно государыне. Вероятно, к этому времени относится и сохранившаяся в архиве Екатерины записка следующего содержания: "Что не делать придет к вольности и собственности крестьян, то все должно быть сделано: 1) с государственными, с монастырскими, с дворцовыми как пример. Причем никогда, ни в каком положении позабыть не должно 2) права народа и 3) возможности, чтоб помещики онаго (пример. — А. К.) перенять могли без потери, но напротив того с прибылью для сих самых".

В 1765 г. по инициативе Екатерины создается Императорское Вольное экономическое общество, существовавшее затем в России более 150 лет. Главой общества избирается фаворит императрицы Григорий Орлов, а в 1766 г. по ее же инициативе общество объявляет открытый конкурс на лучшую работу по вопросу о том, следует ли наделять крестьян

собственностью. Это был своего рода пробный камень, с помощью которого Екатерина хотела выяснить общественное настроение. Сама постановка этого вопроса и тем более его гласное обсуждение были для того времени поистине революционным событием, и, хотя каких-либо практических последствий конкурс не имел, крестьянский вопрос именно с тех пор стал предметом открытого общественного обсуждения.

Еще до учреждения Вольного экономического общества, в июле 1763 г., Г. Г. Орлов получил и другой важный пост: он был поставлен во главе вновь учрежденной Комиссии опекунства иностранных. Несмотря на скромное название этого учреждения, само назначение в нее фаворита было многозначительным. И действительно, еще 4 декабря 1762 г. был издан манифест о приглашении в Россию иностранных колонистов, по которому в последующие два года в страну прибыло около 30 тысяч поселенцев, осевших в основном в Саратовской губернии. Им были предоставлены свобода вероисповедания, элементы самоуправления, кредиты на обзаведение и большие земельные наделы, на определенный срок их освобождали от налогов и рекрутских наборов. В отличие от иностранцев, приезжавших в Россию при Петре I и его преемниках, новые переселенцы прибыли для того, чтобы трудиться на земле и зарабатывать свой хлеб крестьянским трудом. Результатом было освоение территорий, на которые у русского правительства не хватало средств (позднее так же осваивались земли Новороссии), и одновременно демонстрировалась эффективность свободного труда.

С первых лет царствования в поле постоянного внимания императрицы находилась и еще одна важная отрасль государственной жизни — градостроительство и архитектура, причем, в отличие от Петра I, чьих сил хватило лишь на строительство Петербурга, планы Екатерины были гораздо масштабнее и распространялись на всю страну. Уже в 1762 г. была создана Комиссия о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы, в задачу которой, несмотря на название, входила разработка общих принципов застройки городов и составление их генеральных планов. При этом Комиссия занималась как старыми городами,

требовавшими перестройки, так и новыми — Екатеринославом, Мариуполем, Николаевом, Севастополем, Одессой и другими. Новые идеи в области градостроительства требовали при планировании городов учета ландшафта и других географических и исторических особенностей, местоположения памятников архитектуры и прочее.

Своего рода полигоном для апробации новых принципов стала Тверь, где в самом начале екатерининского царствования произошел сильный пожар, уничтоживший чуть ли не весь город. Екатерина приняла в судьбе Твери деятельное участие, выделила на ее восстановление значительные суммы и внимательно следила за восстановительными работами. Под руководством архитектора П. Р. Никитина был разработан регулярный план единого городского ансамбля с системой площадей, соединенных лучевыми улицами, при застройке которых использовали прием объединения нескольких домов в единый блок. Новый облик Твери был признан образцовым и должен был служить примером при застройке других провинциальных городов. В общей сложности Комиссией о каменном строении было разработано более трехсот высочайше утвержденных проектов, на основе которых осуществлялась грандиозная реконструктивная работа.

В последующие десятилетия екатерининского царствования значительно изменился облик северной столицы России. Именно тогда Петербург приобрел нынешний облик города-музея. Проводились конкурсы на создание его общей планировки и Дворцовой площади, оделись в гранит набережные Невы, появилась решетка Летнего сада Ю. Фельтена, новые роскошные дворцы, общественные здания, соборы. Именно в это время заложенный Петром Великим "парадиз" на берегах Невы стал в полном смысле не только политическим, но и торгово-промышленным центром страны. "Петербург, надо сознаться, — писала гордившаяся своей столицей Екатерина, — стоил много людей и денег, там дорога жизнь, но Петербург в течение 40 лет распространил в империи денег и промышленности более, нежели Москва в течение 500 лет с тех пор, как она построена: сколько там (в Петербурге. — А. К.) народу занято

постройками, подвозом съестных припасов, товаров, сколько денег они вывозят в провинции; народ там мягче, образованнее, менее суеверен, более свyksя с иностранцами, от которых он постоянно наживается тем или другим способом и т. д. и т. д."

К середине 1760-х гг. Екатерина, по-видимому, окончательно убедилась, что вельможи из ее ближайшего окружения не в состоянии создать новое всеобъемлющее законодательство, отвечающее высоким принципам Просвещения. Уж слишком они были консервативны, слишком заботились об удовлетворении нужд того слоя общества, к которому принадлежали. И тогда у императрицы рождается мысль привлечь к работе над законодательством более широкие слои своих подданных. Сама идея была не столь уж оригинальна, ибо еще при Елизавете Петровне было решено созвать выборных депутатов для создания нового уложения. Но Екатерина поставила дело иначе. Прежде всего она принимается за разработку детальной инструкции для депутатов, в которой излагает основные принципы, на которых должно покоиться новое законодательство. Так появляется на свет знаменитый "Большой наказ" Екатерины II — один из самых замечательных памятников общественной мысли эпохи Просвещения.

"Вот уже два месяца, как я занимаюсь каждое утро в продолжение трех часов обработыванием законов моей империи, — сообщает императрица своей зарубежной корреспондентке госпоже Жоффрен 28 марта 1765 г., — наши законы для нас уже не годятся". "Теперь 64 страницы законов готовы, — пишет она три месяца спустя, — остальное будет окончено по возможности скоро; я отправлю эту тетрадку г-ну д'Аламберу: в ней я высказалась вполне и не скажу более ни слова в продолжение всей жизни. Общее мнение тех, которые прочли наказ, гласит, что *non plus ultra* (высшая точка. — лат.) совершенства, но мне кажется, что можно еще кое-что исправить. Я не хотела помощников в этом деле, опасаясь, что каждый из них стал бы действовать в различном направлении, а здесь следует провести одну только нить и крепко за нее держаться... Тетрадка есть исповедь моего здравого смысла, современники и

потомство должны будут судить о нем; если бы при этом страдало одно мое самолюбие, я с удовольствием и даже с радостью пожертвовала бы им, но с тем, однако, чтобы моя тетрадка достигла своей цели, т. е. доставила бы жителям России положение самое счастливое, самое спокойное, выгодное, в котором они могут находиться".

Наказ, как признавалась и сама Екатерина, не был сочинением вполне оригинальным. По сути, это была компиляция основных идей просветителей, и в первую очередь Ш. Монтескье и итальянского юриста Ч. Беккариа. Но для России, еще не знавшей в то время права, как самостоятельной сферы деятельности человека, не имевшей профессиональных юристов, правоведов, никогда не слышавшей о законодательных основах прав личности, истины, провозглашенные со ступеней трона, имели колоссальное значение. Что же это были за истины?

Опубликованный в июле 1767 г. "Наказ" состоял из 20 глав и 526 статей и начинался уже приведенными выше рассуждениями о России как о европейской державе и о самодержавии как единственно пригодной для этой страны форме правления. Далее Екатерина отмечала, что законы должны охватывать, все сферы жизни государства, и потому специальные главы были посвящены народонаселению, торговле, воспитанию детей. В духе модных тогда идей императрица утверждала, что процветание государства напрямую связано с правительственной заботой об увеличении населения. Надо, считала она, бороться с детской смертностью, способствовать повышению рождаемости. Именно поэтому столь губительно пытаться выжимать из народа все соки, изнурять крестьянство непомерным денежным оброком, для заработков которого отцы надолго покидают свои семейства. "Не думаю, — пишет она в одной из своих „записок“, — чтобы полезно было заставлять наши нехристианские народности принимать нашу веру: многоженство более полезно для умножения населения".

Непременным условием благоденствия государства являются торговля и всякие "рукоделия", основывающиеся на частной собственности, ибо,

пишет Екатерина в "Наказе", "всякий человек имеет более попечения о своем собственном и никакого не прилагает старания о том, в чем опасаться может, что другой у него отымет". Наконец, общее благо зависит и от правильного воспитания граждан — воспитания в духе законов и нравственных идеалов христианства. В детали императрица тут не пускается, ведь еще в 1764 г. она утвердила составленное И. И. Бецким "Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества", в основе которого лежала идея воспитания "новой породы людей". В том же году было открыто училище при Академии художеств, президентом которой был Бецкой, открыты Воспитательный дом для сирот в Москве и Смольный институт для благородных девиц в Петербурге, готовилась реформа шляхетских корпусов. Новые школьные уставы запрещали бить и бранить детей, и предлагалось, напротив, способствовать развитию их природных склонностей лаской и уговорами.

В качестве одной из основных задач, поставленных Екатериной перед депутатами Уложенной комиссии, была выработка законов об отдельных сословиях. Собственно, без этих законов, четко и определенно обозначающих их права и привилегии, полноценные сословия и не могли существовать. Поэтому специальные главы "Наказа" были посвящены дворянству и "среднему роду людей". Последний составлял предмет особой заботы императрицы, ибо так называли третье сословие. "Я заведу у себя в империи всякого рода сословия, — сообщала Екатерина госпоже Жоффрен еще в июне 1765 г., — я вполне сознаю достоинства вашего строя". "Еще раз обещаю вам среднее сословие, — добавляет она в январе 1766 г., — но зато же и трудно будет устроить его".

К третьему сословию в "Наказе" Екатерина причисляет "всех тех, кои, не быв дворянином, ни хлебопашцем, упражняются в художествах, науках, в мореплавании, торговле и ремеслах", а также питомцев воспитательных домов, воспитанников разного рода училищ, детей чиновников и других разночинцев. Детализировать статус членов третьего сословия предстояло депутатам Уложенной комиссии. Трудность же его создания была связана с крепостным правом. Специально о нем в "Наказе" почти

не говорится. Лишь статья 260 утверждает, что "не должно вдруг и чрез узаконение общее делать великаго числа освобожденных". В статье 254 говорится о необходимости ограничения рабства законами, а в статье 269 осуждаются помещики, переводящие свои деревни на денежный оброк, не заботясь о том, "каким способом их крестьяне достают им деньги". Эта мысль развивается затем в статье 277, где резко критикуется точка зрения, согласно которой, "чем в большем подданные живут убожестве, тем многочисленнее их семьи" и "чем большия на них наложены дани, тем больше приходят они в состояние платить оныя".

Но неужели Екатерина забыла о самой главкой проблеме тогдашней России? По-видимому, нет. Есть основания полагать, что "Наказ" дошел до нас не в том виде, как был первоначально написан Екатериной, а в отредактированном ее ближайшим окружением. "Заготовя манифест о созыве депутатов со всей империи, — вспоминала позднее императрица, — назначила я разных персон, вельми разно мыслящих, дабы выслушать заготовленной Наказ Комиссии Уложения. Тут при каждой статье родились прения. Я дала им волю чернить и вымарать все, что хотели. Они более половины того, что написано мною было, помарали, и остался Наказ Уложения, яко напечатан".

Сохранились и некоторые письменные возражения на первоначальный вариант "Наказа". Одни из них с пометами рукой императрицы принадлежат А. П. Сумарокову. Замечательный поэт и драматург, в частности, писал: "Сделать русских крепостных людей вольными нельзя, скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея иметь не будут и будут ласкать слуг своих, пропуская им многия бездельства, дабы не остаться без слуг и без повинующихся им крестьян: и будет ужасное несогласие между помещиками и крестьянами, ради усмирения которых потребны многие полки, и непрестанная будет междоусобная брань, и вместо того, что ныне помещики живут покойно в вотчинах („И бывають зарезаны отчасти от своих“, — добавила Екатерина), вотчины их превратятся в опаснейшие им жилища, ибо они будут зависеть от крестьян, а не крестьяне от них... Все дворяне, а может быть, и крестьяне сами такую

вольностию довольны не будут, ибо с обеих сторон умалится усердие. А это примечательно, что помещики крестьян, а крестьяне помещиков очень любят, а наш низкий народ никаких благородных чувствий еще не имеет". "И иметь не может в нынешнем состоянии", — снова возразила императрица. Встретив сопротивление, Екатерина, как и подобало согласно избранной ею тактике, пошла на компромисс и убрала из "Наказа" прямое осуждение крепостничества, надеясь при этом, по видимому, что этот вопрос может быть поставлен вновь перед Уложенной комиссией.

Несколько глав "Наказа" посвящены преступлению, следствию, суду и наказанию — проблемам, почти не разработанным в праве того времени. Законы, утверждались в "Наказе", создаются не для устрашения, а для воспитания граждан. И наказание, каким бы суровым оно ни было, не должно быть направлено на то, чтобы мучить преступника, но должно вызывать у него стыд и раскаяние. Ибо наказание — это прежде всего бесчестие. Тем более наказание должно быть строго соразмерно преступлению, ибо иначе теряется сам его смысл. Суду должно предшествовать тщательное расследование, причем обвиняемый должен иметь право на защиту. В ходе следствия подозреваемый может быть арестован, но надо четко различать временное задержание от тюремного наказания, и, если вина подозреваемого не доказана, временное заключение ни в коем случае не должно ставиться ему в вину.

"Наказ" недвусмысленно формулирует презумпцию невиновности, также неизвестную русскому праву: "Человека не можно почитать виноватым прежде приговора судейского, и законы не могут его лишить защиты своей прежде, нежели доказано будет, что он нарушил оные". Обвиняемый имеет право отвода судьи, а сам суд должен быть гласным. Во время следствия недопустима пытка, а смертной казни заслуживают лишь преступники, угрожавшие самим основам существования государства, его спокойствию и благоденствию подданных. Отвращать от преступления должен не страх перед жестоким наказанием, а сознание неотвратимости кары. Для того же, чтобы предупредить преступления,

надо сделать всех равными перед законом и воспитывать в народе отвращение к рабству.

Изложенные в "Наказе" истины были замечательны и бесспорны, но он был лишь своего рода декларацией о намерениях, и Екатерина подчеркивала, что запретила ссылаться на "Наказ" как на закон, и разрешила лишь основывать на нем те или иные рассуждения, мнения. Текст "Наказа" широко распространялся в России и за границей, а депутатам Уложенной комиссии предстояло выучить его едва ли не наизусть. Показательно, что во Франции при Людовике XV "Наказ" был запрещен, но его активно использовали критики короля и правительства. Лидер жирондистов Ж. П. Бриссо в своей "Философской библиотеке законодателя, политика, юриста" многократно ссылался на "Наказ", а затем и опубликовал его текст с собственными комментариями.

Передавая дело создания новых законов в руки подданных, Екатерина, однако, сочла, что один закон она должна написать сама. Это был закон о порядке престолонаследия, ведь в России того времени по-прежнему действовал указ Петра I 1722 г., согласно которому царь имел право сам назначать себе преемника. Такой порядок, видимо, противоречил монархическим взглядам императрицы, и примерно в 1767 г. она пишет проект манифеста, согласно которому российский трон должен передаваться по мужской линии от отца к сыну по достижении им 21-летнего возраста. Если же по смерти государя его наследник еще, как говорили в XVIII в., "не вошел в возраст", то на престол всходит его мать и правит страной до своей смерти. Опубликовать манифест Екатерина предполагала вместе с новым законодательством, которое он должен был венчать, и теперь все зависело от депутатов Уложенной комиссии.

Итак, в конце июля 1767 г. в Грановитой палате Московского Кремля начались заседания комиссии для сочинения нового уложения. В нее были избраны более 570 депутатов от дворянства, однодворцев, горожан, казачества, государственных крестьян, нерусских народов Поволжья и Сибири, а также центральных государственных учреждений. Такого представительного собрания Москва еще не видала! Никогда еще не

собирались в первопрестольной представители самых отдаленных уголков страны, разных ее народностей, купцы и земледельцы, чтобы вместе с увешанными крестами и звездами генералами и вельможами сообща решать судьбы отечества. Казалось, наступил поворотный час в истории России, когда судьба страны оказалась в руках ее граждан.

Работа комиссии началась торжественным молебном в Успенском соборе в присутствии императрицы, которая затем удалилась и в заседаниях не участвовала, хотя каждый день получала отчеты о там происходившем. На первом же заседании депутаты ознакомились с "Наказом" государыни, избрали маршала (председателя) комиссии, а затем, посоветовавшись, постановили преподнести Екатерине по аналогии с Петром I титул "Великой, Премудрой, Матери Отечества". Императрица, однако, в отличие от своего предшественника, вежливо отказалась, заметив, что о ее заслугах должны судить не современники, но потомки. Затем в работе комиссии начались будни.

Поскольку никаких законопроектов, которые можно было бы принять, еще не было, депутаты создали ряд "частных" комиссий для их разработки, а сами между тем занялись изучением существующего законодательства и наказов от своих избирателей, которые они во множестве привезли с собой. И тут начались споры и разногласия. Представители родового дворянства, самым активным из которых был князь М. М. Щербатов, настаивали на отмене положений петровской Табели о рангах, позволявших выходцам из других сословий получать дворянское достоинство. Некоторые дворянские депутаты выступили за то, чтобы горожане занимались только торговлей, оставив дворянству промышленное предпринимательство. В свою очередь, горожане считали и торговлю и предпринимательство своей монополией и просили вернуть им право покупать крестьян к заводам, в свое время данное им Петром I и отнятое его внуком в 1762 г. Много споров вызывала торговля, которой занимались крестьяне. Дворянам она приносила немалую прибыль, для горожан — составляла опасную конкуренцию. Обнаружились и противоречия между дворянством центральных губерний и национальных

окраин. Так, сибирское и украинское дворянство стремилось уравниваться в правах с российским, а прибалтийское, наоборот, закрепить привилегии, полученные в свое время от шведских королей. При обсуждении вопросов судопроизводства в речах депутатов излились потоки жалоб на судейскую волокиту, несправедный суд, корыстолюбие судей и прочие пороки, однако все свелось в основном к процедурным вопросам, а вопрос о реформе всей судебной системы даже не ставился. Раздавшиеся на заседаниях комиссии робкие голоса не то что за отмену крепостного права, но лишь за облегчение положения крестьян потонули в дружном и мощном хоре дворян-крепостников. Особенно трудно пришлось депутатам от нерусских народов. Многие из них не знали русского языка и не понимали, о чем говорят их коллеги-депутаты. Наиболее важные документы для них приходилось специально переводить.

Екатерина была разочарована. Месяц проходил за месяцем, а реальных плодов работы комиссии так и не появилось. основополагающие принципы "Наказа" остались как бы не замеченными депутатами. Обнаружилось, что для них они были в лучшем случае красивыми фразами, не имеющими никакого отношения к реальной жизни. Конечно, благом было уже то, что впервые в русской истории представители разных групп населения имели возможность открыто высказаться по волнующим их вопросам, но государыня рассчитывала на большее. Она явно переоценила своих подданных. Не имевшие опыта законодательной парламентской работы, в большинстве плохо образованные, они, как и всегда бывает в подобных случаях, в целом отражали общий низкий уровень политической культуры народа и не в состоянии были подняться над узкословными интересами ради интересов общегосударственных. Быть может, если бы Уложенная комиссия была превращена в постоянно действующий орган наподобие парламента, то со временем и опыт, и политическая культура были бы наработаны (в последние месяцы работа комиссии была уже более слаженной), но это не входило в планы Екатерины. В конце 1768 г., воспользовавшись началом русско-турецкой

войны, она распустила депутатов по домам. Частные комиссии продолжали существовать еще несколько лет, и плодами их деятельности Екатерина пользовалась в работе над законодательством. "Комиссия Уложения, быв в собрании, — подытожила императрица, — подала мне свет и сведения о всей империи, с кем дело имеем и о ком пещися должно".

2

Горечь и разочарование Екатерины в деятельности Уложенной комиссии проявились весьма необычно. В январе 1769 г., то есть всего через месяц после роспуска комиссии, в свет вышел первый номер сатирического журнала "Всякая всячина", редактором которого был статс-секретарь императрицы Г. В. Козицкий, в свое время помогавший ей в работе над "Наказом". При этом все понимали, что в действительности редактором и издателем журнала была сама Екатерина. Ей нужно было высказать свою точку зрения на происшедшее и заручиться поддержкой общества. Поэтому уже в первом номере журнала было сказано о поощрении аналогичных изданий и был сделан намек на необходимость обсуждения назревших проблем. Показательно, однако, что вопрос об открытом обсуждении политических проблем даже не возникал — подобное для русского общества того времени было совершенно неприемлемо. Высказать свое мнение можно было лишь в форме иносказательной.

Именно так поступила и сама Екатерина. Во "Всякой всячине" она опубликовала несколько своих сочинений, в которых ясно показала свой взгляд на причины неудачи Уложенной комиссии. Так, например, в ее "Сказке о мужичке" рассказывается о том, как портные (депутаты) шили мужичку (народу) новый кафтан (уложение). И хотя у них был даже образец такого кафтана ("Наказ"), дело им не давалось. Тут "вошли четыре мальчика, коих хозяин недавно взял с улицы, где они с голода и холода помирали" (Лифляндия, Эстляндия, Украина и Смоленская губерния), которые, хоть и были грамотны, помогать портным не пожелали, а, напротив, стали требовать, чтоб им отдали те кафтаны,

которые они носили в детстве (старинные привилегии). В итоге мужичок так и остался без кафтана. В другом сочинении — "Дядюшка мой человек разумный есть" — рассказывалось о человеке, никак не могущем привести в порядок свое хозяйство из-за того, что его домашние пекутся только о своих личных выгодах. "Вообще все заражено двумя пороками, — писала императрица, — первый — корысть, другой — дух властвования. Наравне быть не умеют, и от того уже родиться может зависть, ненависть, злость, угнетение, когда есть возможность, несправедливости всякие, насильствие и, наконец, мучительства".

Призыв "Всякой всячины" был услышан, и уже в том же 1769 г. в России издавалось восемь сатирических ежесеместриков. Однако надежды Екатерины на широкое обсуждение политических проблем и тут не оправдались, и вместо этого она была втянута Н. И. Новиковым, начавшим издавать журнал "Трутень", в полемику о характере сатиры, направленности ее против абстрактных пороков или их конкретных носителей. На страницах своих журналов оппоненты обменивались весьма язвительными замечаниями в адрес друг друга, благо все публикации печатались без подписи автора и по-прежнему носили иносказательный характер. Но Екатерине это вскоре надоело, ведь она затеяла издание журнала вовсе не для упражнения в остроумии. В 1770 — 1771 гг. она занялась писанием комедий.

Казалось, что за сочинительством и заботами, связанными с русско-турецкой войной, императрица совсем забыла о своих реформаторских замыслах. Но это неверно. Просто она обдумывала, какую тактику избрать на сей раз. События же сперва Чумного бунта в Москве в 1771 г., а затем Пугачевщины 1773 — 1774 гг. еще более укрепили ее в уверенности, что реформы необходимы. События эти, с одной стороны, обнаружили слабость системы управления на местах, с другой — консерватизм устремлений широких слоев населения. Но при этом испуганное дворянство, как никогда прежде, сплотилось вокруг трона, и императрица могла не опасаться серьезного сопротивления воплощению своих замыслов. Однако в подготовке необходимых законопроектов она

теперь считала возможным полагаться лишь на саму себя. Так начался новый этап ее царствования, нередко называемый периодом "легисломании", ибо составление новых законов стало отныне главным занятием государыни. При этом важно подчеркнуть, что стратегические цели внутренней политики Екатерины остались прежними и создаваемые ею законодательные акты служили выполнению той же политической программы, которую она наметила себе с самого начала своего царствования.

Первые из них появились сразу же, как это позволили политические обстоятельства. Уже в марте 1775 г. в манифесте по случаю подписания мира с турками было объявлено, что отныне "всем и каждому" дозволено открывать новые производства без какого-либо специального разрешения. Иначе говоря, декларировалась свобода предпринимательства. Позднее, в 1780-х гг., были ликвидированы и некоторые из созданных еще Петром I коллегий, контролировавших деятельность предпринимателей. В том же году были восстановлены купеческие гильдии и установлен высокий имущественный ценз на вступление в них. Зато, попав в гильдию, купец получал определенные привилегии, в частности освобождался от рекрутской повинности и подушной подати, которая заменялась налогом с оборота. По мысли законодательницы, эти меры, наряду с ликвидацией монополий в промышленности, открытием русских консульств в крупных морских портах зарубежных стран, развитием банковского дела, оживлением денежного обращения, и другие должны были стимулировать развитие торговли и производства, а следовательно, и ускорить процесс складывания третьего сословия.

Не забывала Екатерина и о крестьянском вопросе. Она убедилась, что всякая попытка радикального его решения неминуемо вызовет волну дворянского протеста, которая может захлестнуть и ее саму. "Едва посмеешь сказать, что они (крестьяне. — А. К.) такие же люди, как мы, и даже когда я сама это говорю, — с горечью писала императрица, — я рискую тем, что в меня станут бросать камнями; чего я только не

выстрадала от такого безразудного и жестокого общества, когда в комиссии для составления новаго Уложения стали обсуждать некоторые вопросы, относящиеся к этому предмету, и когда невежественные дворяне, число которых было неизмеримо больше, чем я когда-либо могла предполагать, ибо слишком высоко оценивала тех, которые меня ежедневно окружали, стали догадываться, что эти вопросы могут привести к некоторому улучшению в настоящем положении земледельцев". Екатерина слишком любила власть, чтобы рисковать ею, и предпочитала действовать осторожно и не спеша.

Некоторые из екатерининских установлений приводятся иногда историками в доказательство того, что реальная политика императрицы носила крепостнический характер. Таковы указ 1763 г., возлагавший на крестьян расходы по содержанию воинских команд, посылавшихся для усмирения их же бунтов, указ 1765 г., разрешивший помещикам отдавать провинившихся крестьян в каторжные работы, указ 1767 г., запретивший крестьянам жаловаться государыне на своих господ. Однако надо иметь в виду, что, во-первых, все три указа появились до открытия Уложенной комиссии, которая, как надеялась Екатерина, отрегулирует отношения и в этой области. Во-вторых, у каждого из названных указов была своя предыстория. Так, указ 1765 г. (кстати, не именной, а сенатский) был вызван чисто экономическими причинами и, по сути, лишь развивал практику, существовавшую еще с петровских времен. Причем в процессе подготовки указа Сенат не согласился с предложением Адмиралтейства, принятие которого могло бы привести к злоупотреблениям со стороны помещиков. Не был новацией и указ 1767 г.: он повторял норму, существовавшую еще в Соборном уложении 1649 г. и неоднократно воспроизводившуюся предшественниками Екатерины на троне.

Собственные же мероприятия императрицы носили иной характер. После посещения в 1764 г. прибалтийских провинций она велела лифляндскому губернатору Ю. Ю. Броуну рассмотреть вопрос об отношениях крестьян и помещиков на заседании ландтага. В 1765 г. Броун, исполняя приказание Екатерины, писал в ландтаг: "Ея Императорское Величество из жалоб, ей

принесенных, с неудовольствием узнала, а при приезде отчасти и сама заметила, в каком великом угнетении живут лифляндские крестьяне, и решилась оказать им помощь и особенно положить границы тиранской жестокости и необузданному деспотизму (таковы были собственные выражения нашей великой императрицы), тем более что таким образом наносится ущерб не только общему благу, но и верховному праву короны". Далее Броун отмечал, что главное зло состоит в отсутствии у крестьян права собственности, и требовал установить это право на движимое имущество, а также регламентировать крестьянские повинности и пресечь продажу крестьян за границы Лифляндии и продажу поодиночке, разлучая членов семей. Принятые в то время в Прибалтике меры впоследствии, в 1816-1818 гг., облегчили Александру I отмену крепостного права на этих территориях.

В 1771 г. правительство Екатерины предприняло попытку ограничить продажу крестьян без земли, запретив продажу с аукциона. В 1773 г. Сенат, ссылаясь на "Наказ", предписал строго соразмерять наказание крестьян с совершенным преступлением и, в частности, наказывать плетьюми, а не кнутом, ибо, как писал несколько позднее императрице новгородский губернатор Я. Сивере, наказание кнутом "почти равняется смертной казни".

Подобная регламентация означала ограничение прав помещиков по распоряжению теми, кого они считали своей собственностью. В 1775 г. помещикам было запрещено продавать своих крепостных в услужение другим людям на срок более пяти лет. В марте того же года был отменен в течение многих десятилетий существовавший закон, по которому отпущенные на волю должны были непременно быть вновь закрепощены. Теперь их было велено записывать в мещанство или в купечество. Так фактически впервые была декларирована сама возможность освобождения от крепостных пут, и в России появилась категория свободных граждан. Не случайно на это екатерининское установление ссылался впоследствии Александр I в своем указе о вольных хлебопашцах 1803 г.

В черновике одного из нереализованных проектов Екатерины читаем: "Не надлежит препятствовать никому отпустить своего человека на волю и против сего никто спорить не может. Во всех случаях, где сумнительно, вольной или невольной, то надлежит решить в пользу воле и уже никто не может на волю отпущенного крепить". Свободными были объявлены и питомцы воспитательных домов, причем брак с таким лицом влек за собой освобождение от крепостной зависимости и супруга. Запрещено было крепостить церковников, пленных и незаконнорожденных. Иначе говоря, принимались меры по сужению сферы крепостничества, ставились барьеры на пути распространения их на новые категории населения. Конечно, это были лишь мелкие шажки на пути к решению самой сложной проблемы российской жизни, но они понемногу сдвигали дело с мертвой точки.

Однако главным событием 1775 г. явилось появление на свет одного из важнейших законодательных актов Екатерины II — "Учреждения для управления губерний". Уже одно знакомство с этим обширным документом объемом более полутора ста печатных страниц убеждает, что при его подготовке императрицей была проделана поистине гигантская работа. Об этом свидетельствуют и многочисленные черновики, сохранившиеся в ее архиве. Как единодушно утверждают историки русского права, "Учреждения" были новым для России словом в законодательной практике: документ отличался простым и ясным языком, без сложных иностранных терминов и при этом в нем детализировались нормы государственного, административного, финансового, семейного и других отраслей права. Созданная по губернской реформе 1775 г. система местного управления просуществовала вплоть до реформ 1860-х гг., а введенное ею административно-территориальное деление — вплоть до Октябрьской революции.

За основу деления страны на губернии Екатерина взяла территории с населением в 300 — 400 тысяч человек, причем никакие национальные, исторические или экономические особенности во внимание не принимались. Зато так было гораздо удобнее осуществлять управление

страной из центра. Исполнительную власть в губернии возглавлял губернатор или генерал-губернатор, при котором создавалось губернское правление. Губернии делились на уезды с населением в 20 — 30 тысяч человек. Власть в уезде возглавлял городничий. Для управления городами создавался губернский магистрат, а в самих городах — городские магистраты.

Губернская реформа 1775 г. стала важным этапом в усилиях Екатерины по окончательному превращению России в унитарное государство путем создания единообразной системы управления на всей территории империи. Новые земли, которые присоединялись к империи в последующие годы, сразу же получали органы управления в соответствии с "Учреждениями". И хотя позднее, при Павле и Александре I, некоторые национальные окраины вновь обрели отдельные традиционные институты власти, характер государства в целом это изменить не могло.

Введение "Учреждений" означало и судебную реформу. Еще Петр I попытался в свое время создать самостоятельную судебную власть, то есть судебные учреждения, отделенные от органов исполнительной власти. Однако после его смерти содержание самостоятельных судов показалось новым правителям страны делом слишком дорогим и право суда было вновь возвращено местным администраторам. Перечисляя "болячки", которые она обнаружила, изучая состояние дел в первые годы своего правления, Екатерина отмечала и то, что "та же места, коя решит дело, она и исполняет". Хорошо знакомая с идеей Монтескье о разделении властей, императрица создала новую систему судебных органов. Правда, она не была вовсе независимой: губернатору вменялось в обязанность бороться с судебной волокитой и разрешалось приостанавливать судебные решения. К тому же суд оставался сословным. Эти особенности новой судебной системы были впоследствии многожды раскритикованы историками. Но не была ли Екатерина мудрее своих оппонентов? Мыслим ли был независимый бессловный суд в стране, не имевшей собственных профессиональных юристов и где право

как таковое было не развито? При острой нехватке даже простых квалифицированных чиновников судебские должности могли быть замещены только выборными от разных групп населения и только таким образом можно было надеяться получить судей если не компетентных, то по крайней мере обладающих авторитетом в своей среде. Заседать такие судьи могли, конечно, только в суде сословном.

Еще одно важное нововведение "Учреждений" — приказ общественного призрения — первое в России государственное учреждение с социальными функциями. В его ведение передавались школы, больницы, богадельни, сиротские, работные и смирительные дома. При этом законодательница специально оговаривала источники финансирования всех этих учреждений и, как и положено было законодателю XVIII столетия, подробно расписывала устройство школ и больниц, чему и как учить детей, как содержать больных и прочее, вплоть до описания больничной одежды и еды.

Екатерина понимала, что только издать новый закон мало, и, как могла, зорко следила за реализацией своего детища. "Князь Александр Алексеевич! — пишет она Вяземскому в ноябре 1775 г. — Всеу будет всякое доброе учреждение, ежели не падет жребий исполнения онаго на людей совершенно к тому способных. На сем основании возвращаю я доклад от Сената... о чинах, помещаемых в палаты судные Тверскаго и Смоленскаго наместничеств. Я не могла оной утвердить потому, что не вижу я тут людей, искусившихся в делах сих родов, к коим они определяются. „...“ Я чаяла, что выбор оных соответствовать будет лучшей моей надежде и что к сим местам взыщутся искуснейшие из членов Юстиц— и Вотчинной коллегии, о коих Сенат лучше знать может. И ради сего еще раз я хочу повторить вам мое желание... чтобы из сих обоих мест в председатели палат и верхняго земскаго суда избраны были достойные люди, а хотя и из других, но конечно такие, что уже на деле в своих способностях испытаны... должно во оные ко исполнению частных должностей избрать умеющих, а не людей, что в делах новы и упражнялись во всю жизнь в иных званиях".

Екатерина высоко ценила свой труд. Еще до издания "Учреждений" она писала госпоже Бьельке, что речь идет о законе, "который принесет неизмеримую пользу во внутреннем благосостоянии империи". К "Учреждениям" она многожды возвращалась и в своей переписке, и в указах, и в проектах. Так, двадцать лет спустя после появления "Учреждений" Екатерина наставляла своего статс-секретаря Д. П. Трощинского: "Порядок, предписанный для управление губернии 1775 года, ничто иное есть, как стезы, ведущие к лучшему управлению. Их, тех отменить, переменить нельзя — выполнить есть вещь вельми нежнее, понеже поправливая по частям, искаверкается лехко целое".

Одним из важнейших последствий введения "Учреждений" 1775 г. было значительное увеличение армии чиновников, которые все больше превращались в самостоятельную и грозную политическую силу. Укрепление аппарата управления, а следовательно, бюрократизация страны, соответствовало представлению о том, каким должно быть регулярное государство. Но его конструкция еще была далеко не завершенной. В 1782 г. появился ее новый важный элемент — "Устав благочиния", еще один плод увлечения императрицы законотворчеством.

Если, согласно "Учреждениям" 1775 г., страна была разделена на губернии, губернии — на уезды и в каждом посажено по доброй дюжине разных начальников, то теперь дошла очередь и до городов. Каждый из них был разделен на части, а те, в свою очередь, на кварталы. В каждой городской части — по 200 — 700 дворов и частный пристав, в каждом квартале — 50 — 100 дворов и квартальный надзиратель с квартальным поручиком. Над всеми ними возвышается городская управа благочиния, в которой заседают городничий, два пристава и два ратмана. Управа имеет "бдение, дабы в городе сохранены были благочиние, добронравие и порядок". Сюда включается контроль за торговлей, поимка беглых, починка дорог, улиц и мостов, борьба с азартными играми, строительство бань, разгон не разрешенных законом "обществ, товариществ, братств и иных подобных собраний".

Непосредственным вершителем полицейского надзора выступает в

городе частный пристав. Именно он следит за порядком, и в частности за тем, чтобы не происходило несанкционированных "сходбищ и скопищ" жителей, которым он должен в таких случаях советовать разойтись по домам и "жить покойно и безмятежно". Как обычно, Екатерина не забыла и о мелочах. "Устав благочиния" предписывал в каждом квартале иметь специальный столб для развешивания объявлений. Столб — это, в сущности, один из органов управления, своего рода информационный центр, при помощи которого городские да и более высокие власти сообщают жителям, как им надлежит жить.

Особую прелесть новому закону придавало "зерцало управы благочиния" — своего рода моральный кодекс и полицейского и рядового гражданина. Начинался он семью заповедями, повторявшими хорошо знакомые русским людям христианские истины: "Не чини ближнему, чего сам терпеть не хочешь. Не токмо ближнему не твори лиха, но твори ему добро колико можешь. Буде кто ближнему сотворил обиду личную, или в имении, или в добром звании, да удовлетворит его по возможности. В добром помогите друг другу, веди слепаго, дай кровлю неимеющему, напой жаждущаго. Сжался над утопающим, протяни руку помощи падающему. Блажен, кто и скот милует; буде скотина и злодея твоего спотыкнется, подыми ее. С пути сошедшему указывай путь". Попав в законы, эти истины, которые прихожане привыкли слышать с церковного амвона, обретали силу юридического императива, подкрепленного авторитетом высшей власти. Так императрица выполняла еще одну важную функцию просвещенного монарха — воспитывала своих подданных.

Прошло еще три года, и 21 апреля 1785 г. на свет явились сразу два важнейших закона, на сей раз названные "жалованными грамотами" — дворянству и городам. Дата была избрана не случайно. Это был день рождения императрицы, и, таким образом, Екатерина как бы сама себе преподносила подарок, подчеркивая тем самым значение этих документов. И действительно, на долгие годы им суждено было стать краеугольными камнями российского законодательства, ибо на сей раз

государыня добралась до решения самой сложной из поставленных задач — создания законодательства о правах отдельных сословий.

Проблема эта, как мы уже видели, находилась в поле зрения Екатерины с первых лет ее царствования. Еще в 1763 г. была организована и довольно активно работала Комиссия о вольности дворянства, которой было поручено создание законов о статусе этого сословия. Однако вышедший из-под пера членов комиссии проект был столь откровенно консервативен и столь открыто провозглашал дворянство подлинным "правлящим классом", что императрица, как говорится, положила его под сукно. Не утвердила она и подписанный Петром III в феврале 1762 г. манифест о вольности дворянства. В Уложенной комиссии дворянский вопрос стоял особенно остро. Был даже подготовлен проект законодательства по этому вопросу, но его обсуждение лишь вызвало новые ожесточенные споры и ничем не закончилось.

Екатерина с изданием законодательства о дворянстве явно не спешила. Она не могла не понимать, что если даже в этом законодательстве не будет каких-то новых, исключительных привилегий, уже сам факт издания такого законодательства при отсутствии аналогичных законов для других сословий поставит дворянство в совершенно особые условия. К тому же, как и во многих других вопросах, камнем преткновения было крепостное право. Ведь дворяне настаивали на том, чтобы владение "крещеными душами" было включено в число их неотъемлемых и монопольных сословных прав. Между тем, как это ни парадоксально, хотя крепостничество в своем развитии именно в это время достигло апогея, закона, в котором бы ясно и четко говорилось о праве собственности помещиков на их крестьян, в России не было, а его создание никак не входило в планы Екатерины. Именно поэтому 21 апреля 1785 г. были изданы два закона сразу, а наготове у императрицы был и третий.

Как и с другими законодательными актами, автором которых была сама императрица, появлению жалованных грамот предшествовала кропотливая многолетняя работа. Так, еще в 1776 г. по приказу

Екатерины для нее делались выписки из законодательства о дворянстве XVI-XVII вв., а историк Г. Ф. Миллер написал целую книгу по истории русского дворянства. Внимательно изучала государыня и положение дворян в европейских странах, труды правоведов и других ученых, использовала материалы Уложенной комиссии, подготовленный ею проект о правах дворянства. Параллельно в архиве государыни накапливались материалы о третьем сословии. И тут труды Уложенной комиссии не пропали даром. Депутаты собрали множество сведений о правовом статусе европейских городов, в основном шведских и германских, и Екатерина активно ими пользовалась. Раз за разом она переписывала пункты будущих законов, советовалась с членами своего ближайшего окружения, давала им читать свои черновики. Помимо дворянства и горожан, третью грамоту она решила посвятить государственным крестьянам. Идея состояла в том, чтобы этим трем крупнейшим группам русского общества дать единообразные права и привилегии, сословную организацию с элементами самоуправления и тем самым по возможности создать между ними социальный баланс. Это не означает, конечно, что права и привилегии дворян, горожан и государственных крестьян должны были быть идентичны. Ведь тогда это были бы уже не три сословия, а единое целое. Но они должны были быть основаны на единых принципах, и именно за счет этого и должен был быть достигнут баланс, в свою очередь, обеспечивающий стабильность государства и социальный мир.

Однако выполнить намеченное полностью Екатерине не удалось. Жалованная грамота государственным крестьянам так и осталась неопубликованной. Причина была все та же — боязнь дворянского бунта. Да и помещичьи крестьяне всякий раз, когда появлялись какие-то новые законы, начинали волноваться. С быстротой молнии в их среде распространялись слухи о скором освобождении. Издать грамоту о правах государственных крестьян — значило вновь породить бесплодные ожидания и столкнуться с необходимостью усмирять бунтовщиков. И Екатерина вновь пошла на компромисс: на свет появились лишь две

грамоты.

Жалованная грамота дворянству начинается пространной преамбулой, рассказывающей о заслугах дворянства в создании Российского государства как в давние времена, так и совсем недавно. Упоминаются ратные подвиги Румянцева и Потемкина, победы над турками и присоединение Крыма. Все это должно было подвести читателя к пониманию, что перечисляемые далее права и привилегии заслужены дворянством своей деятельностью на благо Отечества и престола. Отныне "на вечные времена и непоколебимо" провозглашалось, что дворянин может быть лишен дворянского достоинства только по суду и за совершение таких преступлений, как измена, разбой, воровство, нарушение клятвы и прочее. При этом судить дворянина могут только его же собратья дворяне. Дворянина нельзя подвергнуть телесному наказанию, не лишив его предварительно дворянства.

Грамота подтверждала дарованное манифестом 1762 г. право дворян служить или не служить по своему выбору, и в том числе наниматься на службу в иностранные государства. Подтверждались и все права дворян на владение наследственными и благоприобретенными имениями, причем первые не должны были конфисковываться даже у самых закоренелых преступников, а передаваться их наследникам. При этом уточнялось, что дворянин владеет не только самой землей, но и ее недрами. Специальной статьей дворянам разрешалось "иметь фабрики и заводы по деревням". Помещичьи дома в сельской местности освобождались от постоя войск, а сами дворяне — от всех видов податей.

Помимо созданных еще "Учреждениями" 1775 г. уездных дворянских собраний, создавались и губернские, получавшие статус юридического лица. Им вменялось в обязанность составление губернских родословных книг из шести частей. В первую вносились роды, получившие дворянство по царскому указу, во вторую — выслужившие дворянское достоинство военной службой, в третью — получившие его на гражданской службе, в четвертую — дворянские роды иностранного происхождения, в пятую — титулованное дворянство и, наконец, в шестую — старинные дворянские

роды.

В совокупности почти все включенные в грамоту права и привилегии дворянства были теми, какими оно уже фактически обладало, но за оформление которых в виде закона боролось с петровских времен. Грамота завершила длительный процесс законодательного оформления статуса дворянства и стала основой всего последующего законодательства в этой области вплоть до Октябрьской революции. Но было бы ошибкой думать, что, улаживая дворян, Екатерина забыла о государственном интересе. И далеко не все, на чем настаивало дворянство, нашло отражение в грамоте.

Прежде всего уже само название нового акта — "грамота" — имело двойной смысл. С одной стороны, этим подчеркивался фундаментальный характер этого закона, с другой — зависимость дворянства от монаршей воли. Права и привилегии дворянства, хоть и заслуженные ратными подвигами, объявлялись не естественным свойством этого сословия, а пожалованными свыше волею государя. Были в тексте грамоты и некоторые другие хитрости. Так, дворянин, конечно, имел право не служить, но если уж он избирал праздность, то лишался голоса в дворянском собрании. Спорный вопрос о владении промышленными предприятиями решался таким образом, что четко было сказано лишь о праве заводить их в сельской местности. О городах же в Жалованной грамоте лишь говорилось, что там дворянам дозволяется покупать дома "и в оных иметь рукоделие".

Молчанием был обойден и вопрос о владении крепостными. Лишь одна статья грамоты, да и то появившаяся в ней, по-видимому, лишь на последнем этапе работы над документом, подтверждала право дворян на владение деревнями. Многих историков последующего времени эта статья ввела в заблуждение, ведь понятно, что деревня — это не только избы, но и живущие в них крестьяне. Однако законодательная практика того времени рассматривала деревни и крестьян как два самостоятельных объекта владения. Ведь крестьян можно было продавать без земли и переводить из одной деревни в другую. К тому же

в законодательстве использовались такие понятия, как "движимое и недвижимое имение", а также "населенное имение" и "населенная деревня", которых в грамоте нет. Показательно, что в многочисленных черновиках екатерининских законопроектов неоднократно встречаются перечисления того, что следует понимать под движимым и недвижимым имением, но крестьяне при этом нигде не упоминаются, то есть не рассматриваются как объект собственности.

Характерна следующая запись в бумагах императрицы: "Всякой помещик знает свою отмежеванную границу — земля, лес и все угодье его. Мужик его же и все, что сей нажил и выработал, его же. Уговорить помещика, чтоб он что уступил из сего его собственности, кажется, нету возможности, ибо барщина нету для него потерять без удовлетворении того, что его. Однако порядок, свойственный всем обществам... есть порядок должностей и прав взаимных, которых установлению есть необходимо нужно для наибольшее возможное умножении произращений, дабы доставить роду человеческому наибольшее возможное количество щастья и наибольшее возможное умножение. Ничто так просто и легко понять, как правила, коя оснует того порядок. Оне все заключены в трех в явстве правы собственности: 1) собственность личная есть правило всех прочих прав; без нее нету уже собственности в движимом, ни собственности в недвижимом, ни общества; 2) собственность движимаго; 3) собственность недвижимаго. Великое умножение произращений не может иметь место без великой свободности. Нету возможности понять права собственности без вольности".

Иной характер, нежели грамота дворянству, носила Жалованная грамота городам. Значительно более объемная, она охватывала и более широкий круг вопросов. И рассматривались в ней не только личные права городского населения, но и вопросы организации и деятельности купеческих гильдий, ремесленных цехов и органов городского самоуправления. При этом структуры двух грамот, как уже упоминалось, были максимально сближены. "Городовые обыватели", или мещане, как

их называет грамота, образуют градское общество, наподобие дворянского собрания, также имеющее статус и права юридического лица. Если в дворянском собрании голоса не имеет дворянин, никогда не бывший на государственной службе, то в градском обществе голоса лишены мещане, не имеющие собственности или капитала. Градское общество заводит городовую обывательскую книгу, подобную родословной дворянской и тоже из шести частей. В первую заносятся лица, владеющие в городе недвижимостью, во вторую — гильдейское купечество, в третью — зарегистрированные ремесленники, в четвертую — иностранцы, в пятую — именитые граждане (те, кто более одного раза занимал выборные должности, имеющие университетское образование, художники, архитекторы, банкиры и пр.), в шестую — все остальные жители.

Согласно грамоте, мещане — это особое сословие, "средний род людей", то есть то самое третье сословие, к созданию которого Екатерина так стремилась. Звание мещанина, как и дворянское, наследственное, и лишен его он может быть за те же преступления, за какие дворянин лишается своего. Как дворян судят дворяне, так и мещан — мещане. Купцы 1-й и 2-й гильдий освобождаются от телесного наказания. Первогильдийцам разрешено ездить в карете, запряженной парой лошадей, купцам 2-й гильдии — в коляске, а 3-й — лишь на телеге с одной лошастью. Именитые же граждане могли не только красоваться, как дворяне, в карете, но и запрягать в нее аж четверку лошадей. В третьем поколении они имели право претендовать на дворянство.

Жители города избирали городскую думу, которая, в свою очередь, выбирала шестигласную думу из шести человек — по одному от каждой категории городских обывателей. Во главе думы стоял городской голова, а в ее функции входило наблюдение за порядком в городе, за состоянием строений, соблюдение правил торговли. Помимо гильдий для купечества, грамота закрепляла и цеховое устройство ремесленников. Екатерина знала, что в Западной Европе того времени ремесленные цехи уже стали анахронизмом и мешали дальнейшему экономическому и социально-

политическому развитию. Но Россия, считала она, еще не достигла той стадии, когда роль цехов становилась негативной, и здесь они еще могли быть полезны для стимуляции ремесленного производства.

Иначе говоря, императрица полагала, что России не нужно перепрыгивать через те этапы, которые уже пережила Западная Европа, но следует развиваться постепенно, поступательно.

Разрабатывая городское законодательство, Екатерина пыталась решить весьма сложную задачу: примирить принципы свободного городского самоуправления и создания наиболее благоприятных условий для торговли, ремесленного и иного производства с реальными условиями крепостнического Российского государства второй половины XVIII в. Дело это было непростое. И не только потому, что само понятие "самоуправление" плохо вписывалось в сложившуюся систему управления страной, всячески ограничивавшую личную свободу горожан, но и потому, что городские жители были морально не слишком к этому готовы. Сами условия, в которых складывались и развивались русские города, были по большей части совсем иными, чем в Западной Европе, и у их жителей было совсем мало опыта подобного рода. Екатерина это сознавала и тем не менее мечтала: "Заведению в государстве одного мануфактурного города, где бы, пользуясь некоторыми вольностями и привилегиями, беспрепятственно могли селиться и питаться как наилучше возможно земския и чужестранныя ремесленныя люди, какой бы веры они ни были, кои работать похотят железную, стальную и другия металныя работы или производить торг изготовленными из того товарами. Причем необходимо нужно, чтоб такое ремесленное учреждение купно со всем мануфактурным городом освобождены были от всех введенных мастерских обществ и фабричных учреждений... Самое искусство, которое доказало, что города Бирмингам, Леед и Маншестер в Англии, которыя заведены будучи на началах такой вольности, в короткое время достигли до удивительной силы и богатства в народе, когда другия, хотя и щастливейшия своим местоположением, англинския фабричныя города, кои хотят производить свои рукодельныя промыслы

чрез утеснения и высокомысленныя распоряжении, напротив того находятся в постоянном упадении". Мечтам этим не суждено было осуществиться, и Жалованная грамота городам 1785 г. являет собой один из примеров искусства политического компромисса, которым в совершенстве владела Екатерина.

Разрабатывая важнейшие законы, императрица не забывала и еще об одной стороне своей деятельности — о народном образовании. К концу 1770-х гг. стало ясно, что теория воспитания, взятая на вооружение Бецким и предполагавшая изоляцию молодых людей от дурного влияния, себя не оправдала. К тому же созданные учебные заведения были лишь подступом к созданию системы народного образования. В связи с этим в начале 1780-х гг. Екатерина объявляет о создании Комиссии об учреждении училищ, во главе которой оказывается ее бывший фаворит П. В. Завадовский. В качестве главного консультанта по рекомендации императора Иосифа II приглашают известного австрийского педагога Ф. И. Янковича де Мириево. Комиссия выработала план создания двухклассных училищ в уездных и четырехклассных училищ в губернских городах. В них должны были преподавать математику, географию, историю, физику, архитектуру, русский и иностранный языки. Вновь создаваемые училища находились в ведении местных органов власти, которым поручалось следить за соблюдением множества нормативно-методических документов. Были изданы учебники и пособия, важнейшим из которых была книга австрийского педагога И. Фельбигера "О должностях человека и гражданина", изданная Бецким и отредактированная самой императрицей. Главная цель книги, как явствует из нижеследующих отрывков, — воспитание верноподданного: "Не должно нам никогда того желать, что званию нашему не пристойно, потому что и получить того не можно... Не терзались бы люди толь многими суетными желаниями, когда бы знали, что благополучие не содержится в вещах... Не состоит оно в богатстве, то есть в землях, многоценных одеждах, великолепных украшениях или в других вещах... Богатые удобно себе таковые вещи могут доставать, но чрез то они еще

не суть благополучны... Истинное благополучие есть в нас самих. Когда душа хороша, от беспорядочных желаний свободна и тело наше здорово, тогда человек благополучен.

В государстве нет ничего полезнее и нужнее трудолюбия и прилежания подданных; ничего же нет вредительнее лени и праздности. "... Труд есть должность наша и твердейший щит против порока. Ленивый и праздный человек есть бесполезное бремя земли и гнилой член общества... подданные должны иметь совершенную доверенность к вышнему разуму верховных своих начальников, на благодать их полагаться и твердо уповать, что повелевающие ведают, что государству, подданным и вообще всему гражданскому обществу полезно и что они ничего иного не желают, кроме того, что обществу за полезное признают.

Между склонностями к добродетели и делами доброго гражданина считается особливо любовь к отечеству... Любовь к отечеству состоит в том, дабы мы почтение и благодарность являли к правительству, чтобы покорялись законам, учреждениям и добрым нравам общества, в коем мы живем, чтобы уважали выгоды отечества, употребляли оные к общей пользе и по возможности тщились бы их сделать совершеннее...

...первая должность сына отечества есть не говорить и не делать ничего предосудительного в рассуждении правительства...

Всеобщее благополучие в государстве часто иначе приобрести не может, чтобы при том некоторые люди не почувствовали какого-нибудь отягчения, но всеобщее благо должно предпочтительно быть частному".

Новые училища были бессловные, то есть в них принимали детей вне зависимости от их происхождения. Однако, поскольку располагались училища в городах, доступ туда крестьянских детей был практически закрыт. Но даже с учетом этого осуществленные правительством меры имели огромное значение. В стране появилась система народного образования, основанная на единых принципах. Значительная часть населения стала учиться одним и тем же предметам, по одним и тем же программам и учебникам.

Выпустив в свет жалованные грамоты дворянству и городам, Екатерина

II, казалось бы, выполнила важнейший пункт своей политической программы (создание сословий) и могла почивать на лаврах. Слава ее как мудрой правительницы и законодательницы достигла к этому времени необыкновенных масштабов, а авторитет был непререкаем, ведь за время ее правления выросло целое поколение русских людей, не знавших иного государя. Но не таков был характер императрицы, чтобы успокоиться. Она понимала, что ее программа выполнена лишь отчасти, а следовательно, и до желаемого результата еще далеко. Все оставшиеся, отпущенные ей Богом годы жизни она продолжала интенсивно работать над проектами новых законов, не менее масштабными и значительными. Из-под ее пера вышли, наряду с проектами новой реформы управления, целые своды уголовного, полицейского, семейного, имущественного права, реализация которых должна была по сути изменить политический строй России, превратить ее в гражданское общество. Для их создания потребовались годы кропотливого и интенсивного изучения русского и западноевропейского законодательства, специальной литературы и прочего.

На это уходило много времени и сил, а императрица была уже совсем не так молода и энергична, как прежде. Не могла не волновать ее и судьба своего наследия, ибо она понимала, что только в преемственности политики — залог успеха. С грустью записывает она на клочке бумаги осенью 1787 г.: "Зиму 1787 и начало 1788 года употребить на составление главы о Сенате и Сенатского порядка, и Наказа. Сие учинить с прилежание[м] и чистосердечным радением. Буде же в сообщении и критики найдутся препятствия и скучные затруднения, либо лукавые, ту всю работу положить в долгий ящик, ибо не вею (то есть не ведаю. — А. К.), ради кого тружусь, и мои труды и попечение, и горячее к пользе империи радение не будет ли тщетны, понеже вижу, что мое умоположение не могу учинить наследственное".

Но какого же рода законами намеревалась облагодетельствовать Россию Екатерина? Прежде всего, это основополагающие, фундаментальные законы о характере власти и управления. Российская империя

управляется самодержавным государем, ибо самодержавие есть единственно приемлемая для этой страны форма правления, всякая иная была бы губительна. "Основание самодержавия суть мудрость, кротость и сила. Мудрость избирает полезное общему добру, кротость употребляет способы, споспешествующие оному же добру; сила и власть приводит то и другое в действительное исполнение". При этом "Императорская величества власть есть самодержавная, которая никому на свете о своих делах ответу дать не должно, но силу и власть имеет свои государства и земли по своей воле и благомнению управлять". Императорская власть имеет три рода "преимуществ". Во-первых, она принадлежит одной "особе", которая "есть освященная, понеже святым миром помазанно и короновано". Ей все подданные приносят присягу в верности, и она выше всех чином, достоинством, властью и имуществом. Вторым род "преимуществ" связан с властными прерогативами императорской власти. Ей принадлежит законодательная власть, право заключать мир и объявлять войну, направлять за границу послов, "жаловать достоинства, чины и имения", а также право помилования. Наконец, в-третьих, только императору принадлежит право чеканки монет.

Казалось бы, зачем вообще нужно было определять суть самодержавия? Ведь самодержавие на то и самодержавие, чтобы власть государя была безграничной! Однако на деле безграничной ее и делало как раз отсутствие подобного закона. Появись он, и самодержавие, по существу, перестало бы быть таковым, поскольку оказалось бы ограниченным определенными рамками. Но Екатерина никакого противоречия тут не ощущала. Идеология Просвещения проводила четкую границу между самодержавием и деспотизмом. Это деспот правит, подчиняясь лишь собственным желаниям, а истинный самодержавный монарх подчиняется законам. Суть же самодержавия, по Екатерине, в единоличном правлении и неподотчетности государя никому, кроме Господа Бога.

Подданные Российской империи делятся на "три рода"; то есть три сословия: дворянство, "обыватели градские" и "обыватели сельские".

Каждое из них, в свою очередь, подразделяется на шесть степеней в соответствии с данной каждому жалованной грамотой. И "со все[ми] жителей губерний империи всероссийских обходиться наравне, аки суть подданные императорского величества", и "Всероссийской империи всяких чинов и состояния людям суд и расправа да будет всем равна". Это основа справедливости, законопорядка: "Без суда и расправы да не лишиться никто ни чести, ни состояния, ни имени, ни жизни". Судить же можно только по закону, причем закон обратной силы не имеет, а на уголовные преступления устанавливается десятилетний срок давности. Наказанию подлежат только действия, поступки, но никак не мысли и слова. Неотъемлемым правом граждан является право на самоуправление и свободу вероисповедания.

Что же касается закона, то он должен быть справедлив, но не слишком строг, не "кровав", ибо "строгость законов есть верной признак, что та земля имеет потаенная немочь или по крайней мере слабость в установлении". И "когда закон кровав, тогда сумнение родится о власти, составляющей оной", ведь "кровавой закон доказывает недостаток законодательства и слабость во власти исполнительной". Закон должен прежде всего быть справедливым, а "судья должен судить по словам закона". Решение же судьи, "не сходное со здравым рассудком или не справедливое, не сходно и законам", причем "обычаи не имеют силу закона". Толковать закон следует в "простом, обыкновенном, общенародном смысле". При обнаружении разницы между двумя законами действует тот, который издан позднее. Если смысл закона непонятен, то надо вникнуть в причину его издания, сравнить с другими законами, а если и тогда "слова не имеют никакого назначения или же в простом смысле нелепы окажутся, тогда понимать их в смысле здравого рассудка".

Главным органом исполнительной власти, контролирующим и работу всех остальных органов управления, является Сенат, состоящий из четырех департаментов. Он же — высшая апелляционная инстанция по судебным делам. Помимо этого, создается принципиально новый орган

судебной власти — Главная расправная палата. В ней также три департамента. Первый осуществляет "надзиранье прав и правосудье", второй является верховным уголовным судом, а третий — высшим совестным судом. В первом департаменте заседают "законоведец или юстиц-канцлер" с двумя советниками и двумя асессорами, а в двух других — выборные заседатели от всех трех сословий, сменяемые каждые три года. "Законоведец" осуществляет надзор за соблюдением законов во всех судебных инстанциях и принимает на них жалобы. Ему на экспертизу посылаются все проекты новых законов. Он имеет также право представлять Сенату и государю свое мнение о новых законах и их соответствии уже существующему законодательству: "законоведец — есть аки уста законов, пишет и говорит не иначе как словами закона". Помогают "законоведцу" двадцать заседателей — профессиональных юристов с университетским образованием. Организация в стране юридического образования также входит в его обязанности. На первый департамент Главной расправной палаты возлагается и еще одна важная функция: собрать наконец все ранее изданные законы, отбросить негодные, а оставшиеся издать в виде свода действующих законов, то есть осуществить кодификацию законодательства — то, с чем не справились многочисленные уложенные комиссии XVIII в.

В своих проектах последних лет жизни императрица вновь вернулась и к проблеме престолонаследия. Сложные отношения с сыном и опасение за судьбу своего наследия наложили отпечаток на ее новое видение этой проблемы. Хотя основные принципы престолонаследия оставались теми же, что и в проекте манифеста 1767 г., теперь она предполагала установить, что восшествие на престол не должно происходить автоматически, но обусловлено довольно сложной процедурой утверждения наследника в его правах. Главная роль в ней отводилась Сенату, которому надлежало не только провозгласить нового государя на основании принципов родства, но и проверить, может ли он возглавить страну по своим физическим, нравственным и иным качествам.

Проекты Екатерины предполагали и много других нововведений. Так,

срок службы рекрутов она собиралась ограничить пятнадцатью годами; подумывала о создании в России "мануфактурных городов" по типу вольных городов Западной Европы, освобожденных от налогов и торговых ограничений; собиралась создать специальные училища для подготовки судей, установить экзамены для всех прочих чиновников и многое другое, что в значительной мере было осуществлено ее преемниками уже в следующем столетии. Как и обычно, свои нововведения она собиралась вводить постепенно. Так, на 1797 г. была намечена реформа Сената. Но скоропостижная кончина императрицы в ноябре 1796 г. помешала осуществлению ее замыслов.

Глава 4. Гром победы раздавайся!

1

Прослыть просвещенной монархиней, мудрой правительницей, неустанно пекущейся о благе подданных, великой законодательницей — вот что наряду с искренней верой в идеалы Просвещения в течение более тридцати лет составляло побудительные мотивы внутренней политики Екатерины II. Но этого ей было мало. Она была дочерью своего времени, и в ее представлении истинная Мать Отечества должна была быть озарена еще и лучами воинской славы. Этого же требовала и приверженность заветам Петра Великого, сделавшего Россию великой мировой державой. Необходимо было продолжать его дело, не только поддерживая, но и всячески укрепляя статус страны на международной арене. В условиях XVIII столетия это означало вести активную наступательную внешнюю политику, не менее агрессивную, чем у других европейских держав.

Но Екатерина не была бы Екатериной, если бы цель своей внешней политики она видела лишь в поддержании статуса России как великой державы на том уровне, на каком он находился при ее предшественницах. Те занимались внешней политикой и вели более или менее успешные войны, потому что так было принято, потому что государю в XVIII в. полагалось самолично заниматься дипломатией,

переписываться с другими монархами и время от времени грозить кулаком соседу. Вести себя подобным образом и Анне Иоанновне, и Елизавете Петровне советовали их министры, вырабатывавшие внешнеполитические доктрины страны и убежденные, что победоносные войны ведут к обогащению государства и укреплению его престижа. В отличие от них, Екатерина, хоть и внимательно прислушивалась ко всему, что ей советовали, и нередко принимала советы тех, кому доверяла, тем не менее всегда имела собственное мнение, сама определяла внешнеполитический курс, вникала во все мелочи и не только переписывалась с королями, но и составляла детальные инструкции дипломатам и военачальникам. Кроме этого, в системе ценностей императрицы внешняя политика, как бы важна она ни была, все же стояла на втором месте после внутренней и в значительной мере являлась для нее средством успешного осуществления внутривнутриполитических замыслов. Тонкий знаток человеческой природы, Екатерина в совершенстве постигла искусство дипломатии, и не случайно ее время — это время не только выдающихся военачальников, государственных деятелей и деятелей культуры, но и целой плеяды руководимых ею блестящих дипломатов.

Представления Екатерины о том, какой должна быть внешняя политика России, могут показаться эклектичными, но таково уж было время, в которое она жила. С одной стороны, как того и требовали идеалы Просвещения, она заявляла о приверженности миру, стремлению решать спорные вопросы при помощи дипломатии, а не оружия. Небезразлична была она и к общественному мнению. "Тот, — писала Екатерина, — который на своей стороне имеет признание публики, может твердо полагаться, что противная ему сторона не дерзнет, по меньшей мере явно и открытым образом, действовать против его по опасности, чтоб иначе не поднять на себя негодования и недоверки всех вообще частей христианской республики". (Заметим, однако, что речь тут идет лишь о странах христианских и, значит, относится только к ним.) С другой стороны, вера в идеалы Просвещения уживалась в сознании

императрицы с имперской идеей, согласно которой великая Россия — наследница Византии — обладала неотъемлемым правом вмешиваться в дела соседей и решать судьбы народов по своему усмотрению. Убежденная в особой роли России в мире, Екатерина полагала, что ее миссия состоит в защите и распространении христианства и потому, борясь с Турцией, например, она действует в общеевропейских интересах.

Турецкая проблема, восточное направление внешней политики достались Екатерине в наследство от ее предшественников. Уже со второй половины XVII в., когда после присоединения Украины границы России приблизились к Османской империи, стало очевидным, что именно Турция на долгие годы станет ее основным соперником. Остановить наступательное движение России к Черному морю, в Крым, на Кавказ было невозможно, ибо это означало бы поставить под угрозу потери то, что уже было завоевано. Но только закрепиться на Черном и Азовском морях Екатерине, в отличие от Петра I, казалось уже недостаточным. С первых лет царствования у нее возникают, сперва не слишком четкие, планы выйти к берегам Средиземного моря, восстановить там христианское государство под эгидой России, а по возможности и вовсе сокрушить мощь османов. Но, хотя Турция переживала в то время острейший социально-политический кризис, справиться с ней было не так уж легко, и потому, что обширная империя была еще достаточно сильна, и потому, что, медленно умиравшая, она была лакомым куском для других европейских держав. К тому же усиления России за счет Османской империи никто в Европе, естественно, не желал и желать не мог.

Вторая проблема, которую Екатерина также получила в наследство от своих предшественников, была польская. Земли Речи Посполитой простирались между Россией, Австрией и Пруссией, и потому было чрезвычайно важно, чтобы в Варшаве находилось дружественное Петербургу правительство. Поскольку Польское государство также давно находилось в кризисном состоянии, Россия уже с начала века не

стеснялась использовать против него военную силу, неизменно добиваясь избрания на польский престол своего ставленника. Но была еще одна сложность: так называемые польские диссиденты — православные, уравнивания прав которых с католиками Россия давно, но безуспешно добивалась. Положение диссидентов было удобным предлогом для вмешательства в польские дела, но парадокс заключался в том, что проблема диссидентов могла быть решена только в том случае, если бы избранный при помощи русских штыков король обладал большей властью. Для этого требовалось изменить политический строй Речи Посполитой, а в этом ни Россия, ни другие соседи Польши заинтересованы не были, ибо тогда было бы гораздо сложнее вмешиваться в польские дела.

Между тем ситуация начала царствования была для Екатерины необыкновенно благоприятна. Внешнеполитическая доктрина времен Елизаветы Петровны была разрушена импульсивным Петром III. Новую же он создать не успел. У Екатерины были развязаны руки, и она могла начать свою политику фактически с чистого листа. К тому же Россия была в положении победительницы. Ее войска еще находились в Европе, и весть о перевороте 28 июня 1762 г. повергла европейские дворы в состояние шока, а прусский — в ужас, который был так велик, что ночью того же дня, когда была получена эта новость, королевскую казну вывезли из Берлина в Магдебург. Слабость других придавала силы новой российской императрице, и французский посол Бретель жаловался, что с первых дней царствования Екатерина говорила с ним гордо и заносчиво. Независимый тон, который взяла императрица с иностранцами, надо полагать, imponировал ее ближайшему окружению, составляя контраст с ее предшественником, заискивавшим перед Пруссией. За этим стоял уже тогда сформулированный важнейший для Екатерины принцип: "Мое существование состоит и состоять будет в том, чтобы, разве я потеряю рассудок, не хотеть быть под игом ни у какого двора — и я, слава Богу, не нахожусь под ним".

Но были и сложности. Петр III успел заключить союзный договор с

Пруссией, объявить войну Дании и разорвать союзнические отношения с Австрией — традиционным союзником России на протяжении нескольких десятилетий. Необходимо было как можно скорее определить свое отношение к этим проблемам. Екатерина, с одной стороны, пришла к власти под лозунгом отрицания политики мужа, с другой — отлично сознавала бессмысленность продолжения войны, не сулившей России никаких серьезных выгод. В окружении императрицы разгорелись ожесточенные споры. Возвращенный из ссылки А. П. Бестужев-Рюмин, поддержанный Г. Г. Орловым, настаивал на той линии, которую сам проводил много лет, будучи елизаветинским канцлером. Она заключалась в опоре на союз с Австрией и, следовательно, предполагала продолжение войны. Ему возражал Н. И. Панин, считавший, что цель войны — ослабление Пруссии — достигнута и пора подумать над новой внешнеполитической доктриной. Такой подход более импонировал Екатерине, которая в беседах с Бретелем признавалась, что ей нужно по крайней мере пять лет мира, чтобы перевести дух и собраться с силами. В результате русские войска были возвращены домой, мир с Пруссией сохранен, но военный союз на время расторгнут.

Своего рода пробным камнем деятельности Екатерины на международной арене стало решение курляндского вопроса. Уже 4 августа 1762 г. она отменила подписанное ранее Э. Бироном по требованию Петра III отречение от герцогского престола в пользу принца Георга Голштинского. Это был щедрый и, казалось, благородный жест в духе принципов справедливости, к тому же демонстрировавший, что новая государыня руководствуется не династическими интересами (принц Георг приходился ей дядей), а государственными. В этом смысле он должен был произвести и, несомненно, произвел благоприятное впечатление на петербургское общество. Но за ним стоял и серьезный политический интерес. Как писала Екатерина, "прямая выгода нашей империи требует, чтобы в соседней земле имели герцога, не состоящего в непосредственных сношениях с польским королем, а скорее от нас зависящего". Принц Георг к тому же зависел от Пруссии, и если бы

Курляндия оказалась в его власти, она попала бы в зону прусского влияния. Бирон же, уже более тридцати лет проживший в России и только что возвращенный из многолетней ссылки, становился игрушкой в руках русского правительства.

Для восстановления Бирона на курляндском престоле надо было сломить сопротивление Польши, и если бы какая-нибудь из европейских держав вступилась за нее, Россия, возможно, вынуждена была бы отступить. Но ссориться с новым русским правительством из-за Курляндии никому не хотелось, а Екатерина не колеблясь применила испытанный еще Петром Великим способ: ввела в Курляндию войска и тем обеспечила Бирону корону. При этом ситуация была столь благоприятна, что если бы русские солдаты остались в Митаве, Курляндия уже тогда могла стать частью Российской империи. Но Екатерина такой цели пока не ставила. Ей нужно было продемонстрировать всему миру принципы своей будущей политики — жесткость, решительность и одновременно приверженность показной справедливости.

Примерно в это же время в голове у Екатерины родился еще один дерзкий план: посадить на польский престол своего бывшего возлюбленного Станислава Понятовского. Смелость и необычность этого плана состояла в том, что впервые за долгое время королем должен был стать не саксонский курфюрст, а природный поляк из рода Пястов. Для реализации задуманного требовались сущие пустяки: дождаться смерти престарелого короля Августа III и заручиться поддержкой Пруссии. Последнее означало проявить свою внешнеполитическую ориентацию уже гораздо более определенно. Наконец в октябре 1763 г. Август умер. Тут же Екатерина собрала совещание ближайших сподвижников, на котором обсуждался план отторжения от Польши ряда территорий. Однако с этим решили пока повременить, и в Польшу был послан князь Н. В. Репнин, снабженный необходимыми полномочиями и деньгами для подкупа участников сеймов. Через несколько дней Н. И. Панин был назначен канцлером, что означало принятие императрицей его внешнеполитической программы. Панин был сторонником сближения с

Пруссией, без содействия которой добиться поставленных целей было бы невозможно, и в марте 1764 г. между Петербургом и Берлином был подписан новый союзный договор, по которому стороны улавливались совместными усилиями добиваться сохранения в Польше существующего государственного строя, дававшего возможность регулировать польскую политику по своему вкусу.

Репнин успешно справился с данным поручением, в августе 1764 г. Станислав Понятовский стал польским королем и Екатерина писала Панину: "Поздравляю вас с королем, которого мы делали. Сей случай наивышше умножает к вам мою доверенность, понеже я вижу, сколь безошибочны были все вами взятые меры". Казалось бы, тут наконец и разрешится пресловутый диссидентский вопрос, в чем Станислав не раз давал Екатерине обещания. Но увы: сейм и слышать о нем не желал. Чтобы развязать узел, Россия могла бы поддержать князей Чарторыйских, племянником которых был новый король. Они стремились к политическим реформам, направленным на укрепление королевской власти, отмену права шляхты на *liberum veto* и образование конфедераций, установление наследственной монархии. Но поддержать Чарторыйских — а на это готов был пойти Панин — значило нарушить обязательства перед Пруссией и тем самым разрушить всю старательно создаваемую им же самим политическую систему. Екатерина, у которой были более обширные планы, была сторонницей последовательной политики. В результате Россия рассорилась с Чарторыйскими, потеряла в Польше поддержку серьезных политических сил и вынуждена была с головой окунуться в гражданскую войну в этой стране. При этом русские войска оставались в Польше, Репнин достаточно бесцеремонно диктовал королю волю Петербурга и не останавливался даже перед арестом наиболее ярых противников России. В 1768 г. против нее выступила Барская конфедерация польских магнатов, в ответ на что вспыхнуло восстание православных крестьян-гайдамаков.

Россия обладала достаточными силами, чтобы справиться с Польшей, но ни Пруссия, ни Австрия этого бы не допустили. В том же 1768 г. они

договорились о поддержке польского строя, что стало залогом последовавших позднее разделов Польши. Для борьбы же с Барской конфедерацией в Польшу были направлены русские войска под командованием А. В. Суворова, который действовал, как всегда, решительно, смело и быстро добился успеха.

Одним из краеугольных камней внешней политики России этого времени стала так называемая "северная система", разработанная Паниным и активно поддержанная Екатериной. Суть ее сводилась к системе договоров с протестантскими странами севера Европы, Польшей и Пруссией о взаимовыгодных условиях торговли и мореплавания и союзных обязательствах в случае военных конфликтов. В проигрыше оставалась Франция, которая с беспокойством поглядывала на все возрастающую активность России. Не довольна была и Австрия. Свои надежды на противодействие России они возлагали на Турцию, которая и так была обеспокоена событиями в Польше и нахождением там, то есть в непосредственной близости от своих границ, русских войск. Как и другие державы, Турция была заинтересована в сохранении в Польше прежних порядков и видела в действиях России прямую им угрозу. Чашу терпения турецкого правительства, постоянно возбуждаемого французским и австрийским послами в Стамбуле, переполнило восстание гайдамаков, которые под православными знаменами резали всех без разбора — католиков, евреев, татар. В конце 1768 г. от русского посла в Константинополе А. М. Обрезкова в ультимативной форме потребовали обещать вывод русских войск из Польши и отказ от защиты диссидентов. Когда же Обрезков отказался, его и других сотрудников посольства арестовали, что было равносильно объявлению войны.

Это был досадный и неожиданный для Екатерины поворот событий. Россия не была готова к войне, и почти двадцать лет спустя императрица вспоминала: "Полки были по всей империи по квартирам, глубокая осень на дворе, приготовлении никакия не начеты, доходы гораздо менее теперишного, татары на носу... План войны был составлен тако, что оборона обращена была в наступление..." Но Екатерина не унывала, она

была полна оптимизма, заражала им свое окружение и с головой ушла в новый для себя род деятельности. "Туркам с французами заблагорассудилось разбудить кота, который спал, — писала она в одном из писем, — я сей кот, который им обещает дать себя знать, дабы память не скоро исчезла". По словам В. О. Ключевского, Екатерина "развила в себе изумительную энергию, работала, как настоящий начальник генерального штаба, входила в подробности военных приготовлений, составляла планы и инструкции, изо всех сил спешила построить Азовскую флотилию и фрегаты для Черного моря, обшарила все углы и закоулки Турецкой империи в поисках, как бы устроить заварушку, заговор или восстание против турок..." Впрочем, контакты с православными подданными турецкого султана устанавливались уже давно, и еще в 1765 г. грек М. Саро, которого Г. Г. Орлов посылал с разведкой в Грецию, предлагал направить в Средиземное море русские военные корабли. Теперь об этом плане вспомнили.

На первом же заседании совета, созванного Екатериной по получении известия о начале войны, было решено разделить русскую армию на три части, из которых первому корпусу, численностью до 80 тысяч человек, отводилась роль наступательного. Командование им было поручено князю А. М. Голицыну, сыну знаменитого фельдмаршала петровского времени. Второй, оборонительный, корпус возглавил П. А. Румянцев. Г. Г. Орлов сразу же поднял вопрос о посылке русской эскадры в Средиземное море, и после консультаций с братом Алексеем, находившимся в это время за границей, это смелое предложение было принято. Екатерина писала: "Итак нашла я за необходимое приказать нашему войску собраться в назначенные места, команды же я поручила двум старшим генералам, т. е. главной армии князю Голицыну, а другой — графу Румянцеву; дай Боже первому счастье отцовское, а другому также всякое благополучие! „...“ Я совершенно уверена, что, на кого из моих генералов ни пал бы мой выбор, всякий бы лучше был соперника визиря, которого неприятель нарядил. На начинающего Бог! Бог же видит, что не я зачала; не первый раз России побеждать врагов; опасных побеждала и не в таких

обстоятельствах, как ныне находится; так и ныне от Божеского милосердия и храбрости его народа сего ожидать".

Помимо приготовлений чисто военных было принято и еще две важные меры. Во-первых, совет при императрице стал постоянно действующим органом, в котором решались все важнейшие политические вопросы. Во-вторых, обеспечение армии и ведомых ею военных действий требовало значительных финансовых затрат, и потому было решено приступить к выпуску ассигнаций, то есть бумажных денег. Они появились в обороте уже с января 1769 г., и правительство гарантировало их хождение наравне с золотом и серебром. Вполне понятно, что эта мера имела не только военное, но и более широкое экономическое значение, делая финансовое обращение в стране более современным. Правда, пользоваться печатным станком умеренно правительство научилось далеко не сразу, поэтому происходило обесценивание ассигнаций, и к концу века за бумажный рубль давали лишь 69 копеек серебром.

Активные военные действия начались весной 1769 г., когда в апреле армия Голицына перешла Днестр и двинулась к крепости Хотин. Но Голицын проявил нерешительность. Дважды он подступал к крепости и дважды снова отступал за Днестр, так и не решаясь на штурм, хотя столкновения с турками были достаточно успешны для русской армии. Одновременно в начале года русские войска вошли в Азов и Таганрог, где началось строительство укреплений и Азовской флотилии (что было запрещено Белградским миром 1739 г.), причем Екатерина взялась за это дело с тем же энтузиазмом, с каким когда-то им занимался Петр Великий. Наконец в августе Голицына было решено заменить Румянцевым, но прежде, чем замена была осуществлена, Голицын в начале сентября все же нанес туркам решительное поражение и взял Хотин. В Петербурге его ждал фельдмаршальский жезл, а сменивший его Румянцев продолжил наступление и захватил Яссы. Результатом было освобождение от османов всей Молдавии и взятие в ноябре Бухареста. Екатерина называла себя "новой молдавской княгиней" и не без основания ожидала новых побед русского оружия. Удача ей сопутствовала.

Первым по значимости событием нового, 1770 г. было успешное завершение средиземноморской эпопеи. После долгого плавания, в течение которого Екатерина не раз получала неутешительные известия о состоянии флота, 24-26 июня русская эскадра под командованием А. Г. Орлова и адмирала Г. Г. Спиридова одержала блестящую победу над превосходящим ее почти вдвое турецким флотом в Чесменской бухте. Победа эта превзошла все самые смелые ожидания императрицы, и в восторге она писала Вольтеру: "Мой флот... под командою графа Алексея Орлова, разбив неприятельский флот, сжег его совершенно при порте Чесменском... Около ста кораблей разного рода превратились в прах... Я всегда говорила: эти герои рождены для великих дел... Огонь был страшный с той и другой стороны в продолжение нескольких часов. Корабли подходили друг к другу так близко, что ружейный огонь смешивался с огнем из пушек... Граф Орлов сказывал мне, что на другой день после сожжения флота он увидел с ужасом, что вода очень небольшого Чесменского порта побагровела от крови, столько там погибло турок".

Через месяц, 21 июля, небольшой отряд русской армии под началом Румянцева численностью не более 25 тысяч человек нанес сокрушительное поражение 150-тысячной турецкой армии на реке Кагул. В июле-октябре русской армией были взяты крепости Измаил, Килия, Аккерман, Бендеры. В 1771 г. русские войска под командованием князя В. М. Долгорукова вторглись в Крым. Отторжение его от Турции, а по возможности и присоединение к России уже в это время стало целью Екатерины. Долгорукий за несколько месяцев захватил основные стратегические пункты полуострова и тем самым сделал Крым безопасным для России, навсегда покончив с опустошительными набегами крымцев на русские земли, доставлявшими много неприятностей правительству еще и в середине XVIII столетия.

"Когда был мир, — писала Екатерина Вольтеру в августе 1770 г., — я думала, что это верх счастья. Теперь у меня почти два года война, я вижу, что ко всему можно привыкнуть. Право, и война представляет свои

хорошие минуты. Я нахожу в ней тот великий недостаток, что она мешает любить ближнего, как самого себя. Прежде я привыкла думать, что непохвально делать зло людям; теперь же несколько утешаюсь, говоря Мустафе: Жорж, ты сам желал этого.

И после такого размышления, я бываю почти так же весела, как перед тем". Однако дела были совсем не так хороши. Во-первых, сама война была для России очень тяжелым бременем. Во-вторых, сколь блистательные победы ни одерживали бы екатерининские полководцы, было ясно, что крупные европейские державы не дадут в полной мере насладиться их плодами. Вот почему уже в 1771 г. русское правительство стало нащупывать почву в поисках мира. Надежд на то, что удастся уговорить Турцию, было мало, необходимо было нейтрализовать тех, кто стоял за ее спиной, то есть Францию и Австрию. Тогда, лишившись поддержки, турки стали бы более сговорчивы. Но отношения с Францией были прохладными еще с елизаветинских времен, а Австрия была крайне раздражена разрывом Россией союзного договора. И тут в дело вступила Пруссия, почувствовавшая возможность усилить свое влияние за счет испытываемых Петербургом трудностей.

В заключенном Россией с Пруссией союзе помимо политических выгод, которые он, по мнению тогдашних руководителей русской внешней политики, должен был принести, был и еще один, личностный аспект. Из всех тогдашних европейских государей прусский король Фридрих II был несомненно самой яркой фигурой, и Екатерина уважала его и как политика, и как полководца, тем более что с его именем были связаны ее детские и юношеские воспоминания. Екатерина не была сентиментальна, и потому воспоминания детства и юности, как и вполне естественное чувство благодарности Фридриху за то, что много лет назад он содействовал ее свадьбе с Петром Федоровичем, не могли затмить политические соображения. Став императрицей, Екатерина вступила в своего рода негласное соперничество с Фридрихом за славу просвещенного монарха. Мудрые преобразования, военные победы, внимание известных ученых и философов — все это как бы взвешивалось

на невидимых весах, и оба монарха зорко и ревниво следили за их чашечками. Так, в 1766 г. во время приема Фридрихом русского дипломата Сальдерна между ними состоялся весьма примечательный разговор, который приводит С. М. Соловьев: "Фридрих... потом вдруг спросил: „Неужели императрица в самом деле так много занимается, как говорят? Мне сказали, что она работает больше меня. Правда, у нее меньше развлечений, чем у меня. Я слишком занят военным делом...“ „Государь, — отвечал Сальдерн, — привычки превращаются в страсти. Что же касается императрицы, то она работает много, и, быть может, слишком много для своего здоровья“. „Ах! — сказал Фридрих. — Честолюбие и слава — суть потаенные пружины, которые приводят в движение государей... Много дорог, которые ведут к бессмертной славе; императрица на большой дороге к ней, верно“. Говоря это, он все не спускал глаз с Сальдерна. Тот понял, что королю хочется слышать что-нибудь от него, и сказал: „Конечно, императрица утвердит счастье своего народа и значительные части рода человеческого. У нее обширные виды, которые обнимают прошедшее, настоящее и будущее. Она любит живущих, не забывая о потомстве“. „Это много, это достойно ее“, — заметил король и покончил разговор.

Упоминание Сальдерном о здоровье императрицы было, скорее всего, случайной оговоркой, которую Екатерина вряд ли одобрила бы. Что же касается Фридриха, то в Петербурге полагали, что ему осталось недолго. Еще в 1765 г. Панин писал Репнину, что "сей государь уже последние дни доживает, в которые ему совершенно не достанет возможности все то исполнить, что его видам приписано быть может; преемники же его, не получа его духа, не будут иметь и сил его в производстве". Но русская дипломатия просчиталась. Прусский король прожил еще около двадцати лет и успел оказать значительное влияние на международные дела. В 1771 г. он выступил инициатором раздела Польши. Цель Пруссии была очевидна: захват польских земель, но, привлекая к разделу и Австрию, Фридрих соблазнял Россию тем, что таким образом ей удастся нейтрализовать важнейшего союзника Турции и добиться мира.

Екатерина также не имела ничего против того, чтобы расширить границы своих владений за счет Польши, хотя и предпочла бы сделать это без участия Пруссии. Но положение было таково, что она согласилась, и в 1772 г. первый раздел Польши стал реальностью.

Согласно договору, подписанному в июле 1772 г., Россия получила польскую часть Ливонии, а также Полоцкое, Витебское, Мстиславское и часть Минского воеводств. По размерам территорий российская доля польского пирога была больше австрийской и прусской, но это были земли экономически значительно менее развитые и с низкой плотностью населения. К Австрии же отошли наиболее плотно населенные земли с городом Львовом — крупнейшим экономическим и торговым центром. Пруссия, в свою очередь, получила возможность полностью контролировать польскую торговлю зерном. К тому же Австрии и Пруссии, в отличие от России, их доли достались без единого выстрела. Правда, Россия все последующее время сохраняла то, что осталось от Польского государства, в зоне своего влияния. В 1776 г., опираясь на русские штыки, король Станислав Август сумел несколько укрепить свою власть, что вызвало недовольство польских магнатов, также апеллировавших к России. Игра на противоречиях двух соперничающих лагерей давала Петербургу уверенность, что Польша не выскользнет из-под его влияния, и в 1780 г. стало возможным даже вывести оттуда русские войска.

Между тем нейтрализация Австрии в результате раздела Польши давала надежду на скорое заключение выгодного мира с Турцией, подкрепленную и новыми победами русских войск. Однако тут на голову Екатерины свалились новые напасти в виде пугачевского бунта. Поначалу императрица не отнеслась к случившемуся слишком серьезно и полагала, что речь идет об очередной "глупой казацкой истории". Но когда в Петербург стали поступать известия о победах Пугачева над регулярными войсками и о его постоянно пополняющемся многотысячном войске, Екатерина поняла, что дело нешуточное. Особенно опасной ситуация стала летом 1774 г., когда Пугачев перешел на правый берег

Волги, в результате чего паника охватила Москву и докатилась до северной столицы. Н. И. Панин в письме к брату сообщал: "Мы тут в собрании нашего совета увидели государыню крайне пораженною, и она объявила свое намерение оставить здешнюю столицу и самой ехать для спасения Москвы и внутренности империи, требуя и настоя с великим жаром, чтоб каждый из нас сказал ей о том свое мнение. Безмолвие между нами было великое".

Пугачевщина была не только опасна. Она разрушала все планы и надежды императрицы, выставляла ее в невыгодном свете и внутри страны, и за границей, указывала на серьезное неблагополучие в стране, заставляла прибегнуть к методам, которые она не любила. В письме к новгородскому губернатору Сиверсу она писала: "Генерал Бибииков отправляется туда с войсками... чтобы побороть этот ужас XVIII столетия, который не принесет России ни славы, ни чести, ни прибыли, но наконец с Божиею помощью надеюсь, что мы возьмем верх, ибо на стороне этих каналов нет ни порядка, ни искусства: это сброд голутьбы, имеющий во главе обманщика столь же безстыдного, как и невежественного. По всей вероятности, это кончится повешаниями. Какая перспектива, г. губернатор, для меня, не любящей повешаний! Европа в своем мнении отодвинет нас ко временам Ивана Васильевича — вот та честь, которой мы должны ожидать от этой жалкой вспышки". Переписка Екатерины с Сиверсом показывает, что императрица знала истинную причину случившегося, однако никоим образом не показывала этого. Во время следствия тщетно искали заговор зарубежных недругов, изучали влияние на восставших старообрядцев и практически не упоминали о крепостничестве.

Пугачевщина потребовала отвлечения значительных воинских сил с театра военных действий, и теперь заключение мира с Турцией стало еще более острой необходимостью. В результате подписанный 10 июля 1774 г., в годовщину позорного для России Прутского договора, Кючук-Кайнарджийский мир никак не компенсировал человеческие жертвы и экономические затраты во время войны. России не удалось удержать за

собой Молдавию (против этого возражала и Пруссия), и Турция обязалась лишь восстановить автономию Молдавии и Валахии под своей властью. Обязалась она и не притеснять грузин, все более оказывавшихся в сфере русских интересов. Зато Россия получила крепости Керчь и Еникале, а также право на свободный проход своих судов через черноморские проливы, что имело исключительно важное значение для развития русской торговли. Еще одним достижением было вынужденное признание Турцией независимости Крыма, что, по мысли русского правительства, должно было обеспечить в дальнейшем его присоединение к России.

2

Трудно сказать, как сама Екатерина оценивала итоги закончившегося Кючук-Кайнарджийским миром первого этапа своей внешнеполитической деятельности. Одно ясно: ее пыл и энергию они не остудили. На фоне предельно осторожной, компромиссной внутренней политики может показаться, что внешней руководил другой человек. Твердость, целеустремленность, решительность, рискованность, а отчасти и авантюризм — ее неотъемлемые черты. И одновременно удача, почти неизменно сопутствовавшая Екатерине на международной арене.

После окончания войны Турция, приободренная внутренними неурядицами России, укрепила гарнизоны своих крепостей на северном побережье Черного моря и наводнила Крым и Кубань своими агентами. Турецкие корабли демонстрировали свою мощь вблизи крымских берегов. Поскольку Австрия оказалась теперь связанной общими интересами с Россией в Польше, основную ставку турецкое правительство стало делать на поддержку Англии. Но в 1775 г. началась война за независимость североамериканских колоний, поглотившая все силы Великобритании, не способной теперь столь же активно вмешиваться в европейские дела.

Положение "владычицы морей" было столь сложным, что летом 1775 г. король Георг III даже обратился к Екатерине с просьбой предоставить 20 тысяч русских солдат для борьбы с повстанцами. Но вмешиваться в войну, победа в которой Англии не могла принести России никаких

реальных выгод, императрица не желала. К тому же она весьма неодобрительно относилась к деятельности английского правительства, считала его виновным в начавшейся войне и полагала необходимым как можно скорее примириться с восставшими. Впрочем, она прозорливо предвидела, что отделение американских колоний от Англии неизбежно. В 1775 г. она писала: "От всего сердца желаю, чтобы мои друзья англичане поладили со своими колониями, но сколько моих предсказаний сбывалось, что боюсь, что еще при моей жизни нам придется увидеть отпадение Америки от Европы". Восставшим Екатерина также не симпатизировала, и впоследствии, когда в 1780 г. конгресс направил в Петербург своего представителя Френсиса Дана в надежде заключить с Россией торговый договор, миссия эта закончилась безрезультатно. И дело было не в революционности происшедшего и боязни императрицы, что пример американских колонистов может оказаться заразным, а в том, что провозглашение независимости Североамериканских Соединенных Штатов нарушало устоявшийся мировой порядок, что Екатерина считала вредным. Вместе с тем позиция русского правительства и в начале войны за независимость и позже, когда Петербург стал инициатором декларации о вооруженном нейтралитете, объективно сыграла в судьбе молодого государства положительную роль. Когда там стало известно о просьбе Георга III, американских колонистов, в большинстве вряд ли знавших, что такое Россия и где она находится, охватила паника, а грозное предупреждение "русские идут" стало лейтмотивом местных газет. Когда же выяснилось, что императрица отказала королю, ликование было всеобщим.

Для самой же Екатерины главным было как можно эффективнее использовать нейтрализацию Англии в своих интересах. Разделявший ее взгляды Панин в октябре 1776 г. докладывал императрице, что, как бы война в Северной Америке ни закончилась, "наверное считать надлежит, что лондонский двор потеряет весьма много из своей настоящей знатности". И Екатерина не теряла времени даром. Осенью 1776 г. русские войска вошли в Крым, чтобы посадить на ханский трон своего

ставленника Шагин-Гирея, которого до этого предусмотрительно держали в Полтаве. При этом русская дипломатия заручилась поддержкой Пруссии, заплатив за это подписанием соглашения о польской границе и продлением договора о дружбе. В апреле 1777 г. Шагин-Гирей был провозглашен крымским ханом и тут же принялся проводить реформы в духе Екатерины и Фридриха, но не был понят своими подданными, и на следующий год русским войскам пришлось подавлять мятеж против просвещенного хана. В том же 1778 г. России представился уникальный шанс еще более укрепить свое влияние в Европе.

Этот год начался с конфликта между Австрией и Пруссией из-за Баварии, которую австрийский император Иосиф II решил присоединить к своим владениям. Пруссия сразу же запросила помощи у своего союзника — России, а Австрия — у Франции. Однако Париж, находившийся на грани войны с Англией, не был заинтересован в каких-либо конфликтах на континенте, и, значит, военного вмешательства со стороны Франции можно было не опасаться. Но и Екатерина не желала прямого столкновения с Австрией, опасаясь, что та может выступить в союзе с Турцией. И действительно, в августе 1778 г. турки предприняли попытку высадиться на Крымском побережье. Если бы эта попытка удалась, события, возможно, развивались бы иначе, но туркам не повезло, и уже в сентябре Екатерина отправила в Вену резкую ноту, написанную в почти ультимативных выражениях. Франция между тем предложила свое посредничество в улаживании австро-пруссского конфликта. Пруссия согласилась, но с условием, что вторым посредником будет Россия.

В марте 1779 г. в г. Тешене открылся мирный конгресс, проходивший фактически под председательством русского посланника князя Н. В. Репнина, поскольку Франция была слишком занята начавшейся еще в июне предшествующего года войной с Англией. В мае конгресс закончился подписанием Тешенского мира, ставшего серьезным успехом российской дипломатии. Согласно этому договору, Россия выступала не только как посредник, но и как гарант мира, "сочлен" Священной

Римской империи, что давало законное право практически беспрепятственно вмешиваться в германские дела. Усилилась зависимость Пруссии от России и нейтралитет Австрии в турецких делах. При посредничестве Франции с османами было подписано соглашение, подтверждавшее независимость Крыма и права Шагин-Гирея на ханский трон.

Вскоре Россия выступила с новой международной инициативой, автором которой вновь был Панин. Это была знаменитая Декларация о вооруженном нейтралитете, согласно которой страны, не участвующие в войне и сохранявшие нейтралитет, получали право на беспрепятственную и безопасную торговлю с обоими участниками конфликта, за исключением контрабанды оружия. Вскоре к Декларации присоединились практически все нейтральные страны, а Франция и Испания признали ее принципы. Острие предпринятого русским правительством шага было направлено против Англии. Успехи, как известно, кружат голову, и именно в это время в русских правительственных кругах возникает новая внешнеполитическая доктрина, явившаяся воплощением идей и планов, роившихся в голове у Екатерины с первых дней ее царствования. В центре этой доктрины был так называемый "греческий проект".

Трудно сказать, кто впервые сформулировал идею "греческого проекта". Считается, что не последнюю роль в этом сыграл А. А. Безбородко, ставший в 1775 г. статс-секретарем императрицы и начинавший играть в ее окружении все более важную роль. Во всяком случае, когда в апреле 1779 г. у Екатерины родился второй внук, его назвали греческим именем Константин, наняли к нему греческую кормилицу, отчеканили в честь его рождения монету с изображением храма Святой Софии в Константинополе, а на специально устроенном по этому случаю празднестве читали греческие стихи. Несложно было догадаться, что в планах российского правительства появился замысел восстановления Греческой империи с Константином на троне. Воплощение этого замысла в жизнь требовало изменения внешнеполитического курса, и прежде

всего возвращения к союзу с Австрией.

Весной 1780 г. Безбородко сопровождал Екатерину в поездке по западным губерниям. В Могилеве состоялось ее свидание с императором Иосифом II, прибывшим в Россию под именем графа Фолькенштейна. Именно здесь, в Могилеве, к взаимному удовлетворению обоих монархов, и было достигнуто соглашение об антитурецком союзе, необходимое для воплощения в жизнь "греческого проекта". Осенью того же года начались русско-австрийские переговоры, закончившиеся в мае 1781 г. обменом посланиями между Екатериной и Иосифом со взаимными обязательствами на случай войны с Турцией и обещанием сохранить status quo в Польше. Тогда же снова в личной переписке были обсуждены и детали "греческого проекта". В это же время произошла смена внешнеполитического руководства России: Панин, чье влияние при дворе стало падать со времени достижения Павлом совершеннолетия, был отстранен, вице-канцлером назначен И. А. Остерман, самостоятельного значения не имевший, а главным советником и докладчиком императрицы по международным делам стал Безбородко.

События развивались стремительно. В конце 1780 — начале 1781 г. в Крыму вновь зашатался ханский трон, и весной 1782 г. Шагин-Гирей бежал в Керчь под защиту русских войск. Екатерина, не колеблясь, отдала Потемкину приказ ввести на полуостров русские войска. Шагин-Гирей был восстановлен на престоле, но войска не уходили. Безбородко и Потемкин настаивали на присоединении Крыма к России. Екатерина, выдержав приличествующую паузу и проконсультировавшись с Австрией, согласилась. 8 апреля 1783 г. она подписала манифест о "принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под российскую державу". Крымским татарам манифест гарантировал права собственности, уважение их религии и равные права с другими подданными российской императрицы. Потемкин торжественно принял присягу местной знати. Правда, пришлось столкнуться с недовольством живших в Кубанской степи ногайцев, но решительные действия Суворова быстро покончили и с этой трудностью. Первый шаг к реализации

"греческого проекта" был сделан. На очереди стояло наступление на Кавказе. Петербург уже давно установил тесные контакты с правителями Грузии, и в июле 1783 г. был подписан Георгиевский трактат, по которому Картлино-Кахетинское царство поступило под протекторат России, гарантировавшей его территориальную целостность. Царю Картлино-Кахетии Ираклию II была обещана поддержка в борьбе за расширение границ его владений, а в Тифлис были отправлены два батальона русских войск.

Лишенная поддержки европейских держав, Турция, как и рассчитывала Екатерина, вынуждена была безучастно наблюдать за происходящим, а в декабре 1783 г. даже подписать с Петербургом соглашение, подтверждавшее предыдущие договоры и, таким образом, означавшее согласие на аннексию Россией Крыма. Однако ни у кого не было сомнений, что война лишь откладывается на неопределенно короткий срок.

Несколько последующих лет прошли в неослабевающей дипломатической активности петербургского двора. В это время Австрия, надеявшаяся на поддержку России, возобновила борьбу с Пруссией за Баварию, в ответ на что Берлин сформировал антиавстрийскую коалицию германских государств и привлек на свою сторону Англию. Это привело к дальнейшему охлаждению между Петербургом и Лондоном. Последней каплей, переполнившей чашу терпения англичан, стало подписание в 1785 г. русско-французского торгового договора. Все это означало, что в лице Англии Турция вновь обрела сильного союзника.

В январе 1787 г. Екатерина отправилась в свое знаменитое путешествие в Крым — вниз по Днепру и далее до Севастополя. Все путешествие было организовано таким образом, чтобы продемонстрировать всему свету мощь и величие Российской державы. Императрицу сопровождала необычно пышная и многолюдная свита, в составе которой были иностранные послы и к которой присоединились император Иосиф II и король польский Станислав Август. Особый блеск свите Екатерины придавали представители многочисленных народов, живших под ее

скипетром. На всем пути следования устраивались всевозможные празднества, фейерверки, спектакли, балы, парады войск, маневры, пальба из пушек. Города и селения, через которые медленно проезжала императрица, были декорированы цветами, гирляндами, арками, воротами и другими специально выстроенными сооружениями. Все это имело характер гигантского театрального действия, характерного для придворной жизни того времени. А поскольку главным режиссером и постановщиком был Потемкин, стремившийся продемонстрировать успехи своей деятельности на посту губернатора Новороссии, именно во время этого путешествия возникло известное выражение "потемкинские деревни". Хотя никаких фанерных деревень Потемкин в действительности не строил, а лишь декорировал реально существовавшие, он явно перестарался, и даже от привыкших к театральной условности зрителей нередко ускользала грань между реальным и чисто декоративным.

Важнейшей целью всего мероприятия было военное устрашение Турции. Для этого и использовалась всякая возможность для демонстрации войск и флота. Так, в Херсоне Екатерина вместе с Иосифом II наблюдали за спуском на воду трех кораблей. Очевидец этого события вспоминал: "От императорского дворца до верфи, находившейся почти в полуверсте, путь был уравнен и покрыт зеленым сукном на две сажени в ширину. С обеих сторон стояли офицеры, которые охраняли путь и разнообразные мундиры которых привлекали взоры зрителей. На месте спуска были выстроены высокие подмости с галереею, где помещались музыканты. В конце устроенного для императрицы помоста стояло кресло под балдахином из голубого бархата, богато украшенным кистями и бахромою. В час пополудни государыня вышла из дворца в сопровождении графа Фолькенштейна (Иосифа II. — А. К.) и многих высоких особ своего и Венского дворов. Граф шел с правой руки, а с левой — Потемкин. Государыня явилась запросто, в сером суконном капоте, с черною атласною шапочкой на голове. Граф также одет был в простом фраке. Князь Потемкин, напротив, блистал в богато вышитом

мундире со всеми своими орденами. При приближении государыни с помоста дан сигнал к спуску кораблей пушечным выстрелом. С галереи раздалась музыка, а с валов цитадели — гром пушек... Выразив полное удовольствие всем участвовавшим в постройке и спуске кораблей, Ея Величество изволила щедро наградить старших и младших строителей и много других лиц золотыми часами-табакерками и отправилась обратно во дворец".

С еще большим эффектом была организована демонстрация Черноморского флота. Во время парадного обеда в Инкерманском дворце в Севастополе по приказу Потемкина внезапно были отдернуты шторы... и перед изумленными гостями Екатерины предстал вид на севастопольский рейд с кораблями Черноморского флота, приветствовавшими императрицу орудийным салютом. Объезд кораблей Екатерина совершила на катере — точной копии катера турецкого султана. Такими же эффектами сопровождалась и демонстрация войск, включая татарскую калмыцкую конницу, особенно сильное впечатление произведшую на иностранцев. А в Балаклаве путешественников ждало необыкновенное зрелище: рота амазонок, составленная из сотни жен солдат и офицеров Балаклавского греческого полка.

Греческая тема неизменно сопутствовала путешественникам на протяжении всего пути и была важным элементом всей грандиозной постановки Потемкина. Идея "преемства" России от Греции постоянно навязывалась путешественникам и внедрялась в их сознание. Так, ворота, установленные при въезде в Херсон, были обозначены как дорога в Византию, а строившиеся в Новороссии города получали греческие названия. Акцентировалось законное право России на новые земли. "Жаль, что не тут построен Петербург, — заметила Екатерина своему секретарю А. В. Храповицкому на пути в Херсон, — ибо, проезжая сии места, воображаются времена Владимира I, в кои много было обитателей в здешних странах".

Другая историческая параллель, также неизменно присутствовавшая в мыслях императрицы и ее окружения во время путешествия в Крым, —

Петр Великий. Начатое им Екатерина победоносно завершила в Новороссии. А ее Петербургом должен был стать Екатеринослав. И если Петр, строя северную столицу, замысливал ее как аналог Риму — городу святого Петра, то Екатерина заложила в Екатеринославе гигантский собор, который должен был быть чуть-чуть больше собора Святого Петра в Вечном городе.

Демонстрация военного могущества России, вопреки ожиданиям, не только не устрасила османов, но, напротив, донельзя раздражила их. Екатерина только-только вернулась в Петербург, как 15 июля 1787 г. русскому послу в Стамбуле Я. И. Булгакову (известному литератору и переводчику) был предъявлен ультиматум с заведомо невыполнимыми требованиями. Не успел он получить ответ от своего правительства, как ему было объявлено о разрыве Портой всех ранее заключенных соглашений и требовании возврата Крыма. Булгаков был посажен в Семибашенный замок, откуда, впрочем, имел возможность время от времени посылать о себе известия домой и где он успешно занимался цветоводством. А в России между тем 7 сентября Екатерина подписала манифест о начале новой войны с Турцией.

Хотя неизбежность войны была вполне очевидна, в полной мере Россия готова к ней не была. Армейские соединения оказались не укомплектованы, склады продовольствия иснаряжения почти пусты, строительство Черноморского флота не завершено. Положение усугублялось неурожаем и ростом в связи с этим цен на зерно. Но Екатерина была настроена оптимистично: "Теперь граница наша по Бугу и по Кубань, Херсонь построен, Крым область империи, знатной флот в Севастополе, корпус войск в Тавриде, армии знатныя уже на самой границу, и оне посильнее, нежели были армии оборонительные и наступательные 1768 года; дай Боже, чтоб за деньгами не стало... Я ведаю, что весьма желательно было, чтоб мира еще года два протянут можно было, дабы крепосты Херсонская и Севастополская паспеть могли, такожде и армия и флот приходить могли в то состояние, в которое желалось их видеть, но что же делать, естли пузырь лопнул прежде

времени".

Турки предполагали уже в начале войны высадить крупный десант в Крыму и устье Днепра, а основное наступление вести в Молдавии. В октябре 1787 г. турецкий флот блокировал устье Днепра и высадил 6-тысячный отряд на Кинбурнской косе, где его уже поджидал отряд русских войск во главе с А. В. Суворовым. Дав противнику высадиться, он вступил с ним в бой и после кровопролитного сражения уничтожил. Это была первая серьезная победа и добрый знак, подбодривший впавшего было в уныние Потемкина, назначенного императрицей главнокомандующим. Почти весь следующий, 1788 год он был занят осадой Очакова и наконец взял его в декабре. Одновременно вторая армия под командованием Румянцева переправилась через Днестр и вступила в Бессарабию, но активных действий не предпринимала, ожидая падения Очакова. В войну вступила и Австрия, но ее 120-тысячная армия действовала медленно и малоэффективно. Эта медлительность союзников была расценена как при знак слабости, и летом 1788 г., подталкиваемая Англией и Пруссией, войну России объявила Швеция.

Шведы давно вынашивали планы реваншироваться за поражение в Северной войне, и теперь самоуверенный король Густав III (кстати, приходившийся Екатерине близким родственником) решил, что настал удобный момент. Он хвастливо заявлял, что разгромит русских и не только вернет все захваченные Петром Великим области, но и чуть ли не превратит Россию в шведскую колонию. Российской императрице он направил столь резкий ультиматум, что, по мнению французского посла в Петербурге графа Л... Сегюра, даже турецкий султан не позволял себе подобный тон в обращении с молдавским господарем. Исход войны решился, однако, очень быстро. Уже 6 июля в семи милях от острова Готланд произошло морское сражение, в котором и русский, и шведский флоты были изрядно потрепаны. В сущности, ни одна из сторон не одержала решительной победы, но, поскольку шведы отступили, русские сочли себя победителями. Угроза атаки Петербурга была ликвидирована.

Лишенные поддержки с моря, неудачно действовали и шведские сухопутные силы, в результате чего в 1790 г. король вынужден был заключить мир, еще раз подтвердивший условия Ништадтского мира 1721 г.

Зато для русских 1789 г. был чрезвычайно удачен. Именно в этот год Суворов одержал свои знаменитые победы сперва у Фокшан, а затем на реке Рымник. К концу 1789 г. русскими войсками были захвачены Аккерман (Белгород) и Бендеры, а их союзники австрийцы взяли Белград и Бухарест. Казалось бы, все шло как нельзя лучше, но на самом деле положение было очень сложным. Как раз в это время во Франции произошла революция, и рассчитывать на какую-либо поддержку с ее стороны уже не приходилось. Пруссия между тем, крайне обеспокоенная, что Россия и Австрия осуществят свои дерзкие замыслы и станут самыми могущественными державами мира, заключила секретные союзы с Турцией и Польшей. В свою очередь, Англия заключила союзные Договоры с Пруссией и Голландией, образовав Тройственный союз, направленный против России. В марте 1790 г. Умер Иосиф II, которого Екатерина уважала и считала своим личным другом. Его преемник Леопольд II, опасаясь военного столкновения с Пруссией, вынужден был заключить с турками соглашение о прекращении огня. В результате Россия осталась со своими противниками один на один.

Весна и лето 1790 г. прошли в Петербурге очень беспокойно. Отношения с Пруссией обострились до предела, и прибывший в столицу мнительный Потемкин был убежден, что в случае военного столкновения с ней Россию ждет поражение. По свидетельству Храповицкого, между ним и императрицей происходили острые стычки. Дело осложнялось и тем, что при дворе возникла новая партия, стремившаяся ослабить влияние фельдмаршала на Екатерину. Возглавлял ее новый фаворит императрицы Платон Зубов — развязный молодой человек, бывший моложе своей повелительницы на 38 лет. Еще в июне 1789 г. он сменил А. М. Дмитриева-Мамонова, который влюбился в фрейлину княжну Д. Ф. Щербатову, во всем признался Екатерине и после слез и сцен ревности

был отпущен ею. Императрица даже благословила молодых и дала невесте приданое, но, помогая ей одеться к венцу, не утерпела и сильно уколола ее булавкой. Зубов был протее Потемкина, и в письмах к нему Екатерина называла своего нового возлюбленного "твой корнет". Но к весне 1790 г. Зубов был уже так силен, что ни в чьем покровительстве не нуждался и вместе с братом Валерьяном не без успеха сколачивал против Потемкина партию придворных.

Все же Екатерина сумела сохранить и хладнокровие, и рассудительность, и политический реализм. Потемкин был ей слишком дорог, она ему слишком доверяла, чтобы пожертвовать им ради кого-либо другого. Что же касается политики, то Екатерина верно рассчитала, что, несмотря на все угрозы, Пруссия все же не решится на войну с Россией. Не решится на нее и Англия, имеющая у себя под боком революционную Францию. Императрица упорно отвергала все претензии Англии и Пруссии на посредничество в русско-турецком конфликте. Заключение мира со Швецией укрепило позиции России, а в конце 1790 г. был одержан ряд новых убедительных побед над турками, самой блестящей из которых было взятие Суворовым считавшегося неприступным Измаила. Потерпели поражение турецкие войска и на Северном Кавказе, а в июле 1791 г. русский флот под командованием Ф. Ф. Ушакова разбил турецкий у мыса Калиакрия. Турки запросили пощады, и было заключено перемирие. Но беда не приходит одна: прибывший в русский штаб для продолжения переговоров о заключении мира Потемкин неожиданно тяжело заболел.

Уже первое известие о болезни князя вызвало у Екатерины, по свидетельству Храповицкого, "печаль и слезы". 12 октября статс-секретарь императрицы записывает: "Курьер к пяти часам пополудни, что Потемкин повезен из Ясс и, не переехав сорока верст, умер на дороге, 5-го октября прежде полудня... Слезы и отчаяние... В 8 часов пустили кровь, в 10 часов легли в постель". 13 октября: "Проснулись в огорчении, в слезах. Жаловались, что не успевают приготовить людей. Теперь не на кого опереться". 16 октября: "Продолжение слез. Мне

сказано: как можно Потемкина мне заменить? Все будет не то. Кто мог подумать, что его переживут Чернышов и другие старики? Да, и все теперь, как улитки, станут высовывать головы. Я отрезал тем, что все это ниже Ея Величества. Так, да, я стара. Он был настоящий дворянин, умный человек, меня не продавал; его не можно было купить".

Но сколь ни велико было горе Екатерины, жизнь продолжалась, и в конце декабря 1791 г. был подписан долгожданный Ясский мир с Турцией, которая окончательно признала аннексию Россией Крыма. Новая граница между двумя странами была определена по Днестру. Османская империя также отказывалась от претензий на Грузию и обязалась не предпринимать против нее никаких враждебных действий. Это была несомненная победа России, но от надежд на реализацию "греческого проекта" Екатерине пришлось отказаться. Внимание императрицы было приковано теперь вновь к Польше, где 3 мая 1791 г. была принята конституция, означавшая радикальное изменение политического строя в этой стране. Екатерина сразу же отнеслась к событиям в Варшаве крайне неодобрительно. Но до заключения мира с турками от каких-либо резких действий в Петербурге воздерживались. Когда же мир был подписан, а Австрия и Пруссия оказались в достаточной мере втянуты в войну с жирондистской Францией, чему Екатерина также немало способствовала, весной 1792 г. русские войска вновь вошли в Польшу. Кампания была недолгой, и уже к лету русская армия контролировала всю территорию Речи Посполитой. В декабре Петербург дал положительный ответ на предложение Пруссии о новом разделе Польши, официально объявленном 9 апреля следующего года. В итоге Россия увеличила свои владения еще на 250 тысяч квадратных километров, включив в состав империи Восточную Белоруссию и Правобережную Украину.

Ответом поляков на второй раздел их страны было широкое патриотическое движение во главе с Тадеушем Костюшко. Поначалу восставшим удалось добиться некоторых успехов, но дело их было обречено, когда к борьбе с ними присоединились Австрия и Пруссия, а

русские войска возглавил Суворов. Разгром патриотов и пленение Костюшко привели к третьему разделу Польши в октябре 1795 г., окончательно покончившему с польской государственностью. В состав Российской империи вошли земли Западной Волыни, Западной Белоруссии, Литвы и Курляндии общим размером в 120 тысяч квадратных километров.

Присоединение в результате разделов Польши новых земель со значительным еврейским населением (к концу века около 600 тысяч) породило в России еврейский вопрос. Судя по всему, у Екатерины, пропагандировавшей веротерпимость, особых предрассудков в отношении евреев не было, и еще в начале царствования она готова была внять совету тех своих приближенных, кто полагал, что интересы развития торговли требуют допущения в страну еврейских купцов. Однако момент был неудобным, поскольку новоиспеченная императрица для укрепления своих политических позиций старательно эксплуатировала в это время образ защитницы православия. В результате решение было отложено на неопределенный срок. Когда же сотни тысяч евреев стали подданными российских государей, Екатерина поначалу, не колеблясь, декларировала полное равенство всех народов, попавших под ее скипетр. Однако позднее она стала испытывать сильное давление со стороны русского купечества, опасавшегося конкуренции со стороны еврейских торговцев. За ограничение прав еврейского населения выступало и духовенство, с которым у императрицы не было резона ссориться. В итоге в 1791 г. на свет появилось установление о печально знаменитой черте оседлости, просуществовавшей, как и многие другие установления Екатерины, вплоть до 1917 г.

Вполне понятно, что одним из важнейших международных вопросов, занимавших мысли Екатерины в последние годы ее жизни, был французский. Отношение к революционной Франции у императрицы было двойственным. Французские философы-просветители научили Екатерину критически воспринимать политический строй Франции и ее правителей, и поначалу она испытывала нечто вроде злорадства, полагая

случившееся закономерным результатом бездарной политики. В событиях во Франции Екатерина не видела ничего опасного для России, и сведения о них регулярно печатались в русских газетах. Опубликован был и текст Декларации прав человека и гражданина, основные идеи которого совпадали с екатерининским "Наказом". Старший внук императрицы, будущий император Александр I, рассказывал придворным, что бабушка заставила его прочитать Декларацию и сама растолковала ему ее смысл.

Однако к 1792 г. ситуация стала меняться. Императрица все более воспринимала события во Франции как бунт против власти как таковой. В такой интерпретации революция становилась опасной для всех европейских монархов, а противодействие ей — их общей задачей. "Дело французского короля, — писала императрица, — есть дело всех государей". Однако в специально составленной записке "О мерах к восстановлению во Франции королевского правительства" она предлагала не просто механический возврат к дореволюционным порядкам, но с учетом уже случившегося поворот к монархии просвещенной. В том же, что рано или поздно монархический переворот будет совершен, Екатерина не сомневалась и, таким образом, предвидела появление Наполеона. Особенно тяжелое впечатление на нее произвело известие о казни королевской четы. В Петербурге был объявлен трехдневный траур, а дневник Храповицкого вновь отмечает печаль и болезнь императрицы. Вместе с тем Екатерина, немало потратившая сил на сколачивание антифранцузской коалиции, вплоть до своей смерти воздерживалась от посылки против Франции русских войск. Еще в 1791 г. она признавалась Храповицкому, что ломает себе голову, как втянуть Австрию и Пруссию во французские дела, дабы высвободить руки для осуществления собственных планов. Когда же в 1794 г. Суворов попросил отпустить его в армию коалиции, Екатерина отвечала, что "ежечасно умножаются дела дома и вскоре можете иметь тут по желанию вашему практику военную много".

Революционные события во Франции по-новому высветили для Екатерины и некоторые из хорошо знакомых и привычных для нее

просветительских идей. Оказалось, что при определенных обстоятельствах они могут быть истолкованы совсем иначе, чем она привыкла думать, и приобрести опасный характер. Екатерина осталась в убеждении, что возможно лишь равенство перед законом. Равенство же социальное — это "чудовище, которое во что бы то ни стало хочет сделаться королем". Именно о таком равенстве пишет она и в записке Безбородко по поводу масонов, которые вместо "христианского православия и всякого благостного правления" вводят "неустройство под видом незбыточного и в естестве не существующаго мнимаго равенства".

Не сразу распознала императрица опасность и в масонстве. Поначалу, когда в основе их философии лежали идеи просветителей и масонством были увлечены очень многие из окружения Екатерины, она не придавала этому особого значения, хотя и писала, что это "мелочное, бесполезное дело, из которого ничего не происходит". "Человеку, — спрашивала она, — делающему добро просто для добра, нужны ли на что-нибудь эти дурачества, эти внешности, столь же странные, как и легкомысленные?" Однако, когда в 1770-е гг. в развитии масонства в России произошел перелом и оно все более стало приобретать религиозно-мистический характер, изменилось и отношение к нему императрицы. В масонстве она увидела попытку создания некоей альтернативной идеологии, в которой уже не было места ей, самодержавной государыне. И тогда начинается борьба с масонством, главной жертвой которой стал Н. И. Новиков, подозревавшийся в попытках завлечь в масонские сети великого князя Павла Петровича.

Только с учетом отношения Екатерины к революционной Франции и масонству может быть понята и расправа императрицы с А. Н. Радищевым. О ее реакции на "Путешествие из Петербурга в Москву" мы знаем и из ее собственных помет, и из дневника Храповицкого. Уже прочтя тридцать страниц, императрица заметила, что "тут разсеивание заразы французской, отвращение от начальства: автор мартинист". Спустя дней десять "с жаром и чувствительностью" Екатерина произносит приговор: "бунтовщик, хуже Пугачева". В книге Радищева императрицу

испугала отнюдь не критика крепостничества, с которой она готова была согласиться, но прежде всего угроза собственной власти. Автор развенчивал миф о всеобщем благоденствии народа под ее властью, и она была убеждена, что осмелиться на подобную дерзость мог лишь бунтовщик гораздо более опасный, чем неграмотный самозванец.

Существуют неподтвержденные сведения о том, что события во Франции так подействовали на Екатерину, что она разочаровалась в идеалах Просвещения и даже якобы велела убрать из своего кабинета бюст Вольтера. Однако прямых свидетельств изменения мировоззрения императрицы не существует. Скорее всего, оно претерпевало ту же эволюцию, что и у многих мыслящих людей тогдашней Европы, воочию увидевших, к чему может привести попытка заменить последовательные реформы под эгидой просвещенного правителя революционным радикализмом. Екатерину же французский опыт, скорее всего, лишь убеждал в правильности избранной тактики постепенности и компромисса, с одной стороны, и неременного следования курсом реформ — с другой.

Но у медленных, постепенных преобразований была и одна неприятная сторона. Они были не так заметны, не так бросались в глаза, как итоги внешней политики, которые в глазах современников Екатерины выглядели поистине блистательными. И не случайно престарелый Безбородко уже после смерти своей государыни хвастливо говорил, что в ее время ни одна пушка в Европе не могла выстрелить без разрешения России.

Глава 5. "Хоронят Россию"

В апреле 1789 г. Екатерине II исполнилось шестьдесят. По понятиям того времени, она была уже старухой, но почти по-прежнему бодрой и энергичной. На льстивые поздравления Храповицкого, пожелавшего ей прожить еще столько же, она резонно отвечала, что тогда будет "без ума и без памяти", а вот "еще лет 20" проживет наверняка. Увы, судьба распорядилась иначе. Уже скоро, в 1790-е гг., Екатерина стала ощущать

приближение конца. Она одного за другим теряла тех, кто был рядом с ней все эти годы. Им на смену шло новое поколение людей молодых, честолюбивых и амбициозных. Это было поколение дворян, выросших за время ее либерального и в целом стабильного царствования. Многие из них верили в идеалы Просвещения и со свойственным молодости максимализмом критиковали свою императрицу за излишнюю, как им казалось, осторожность, компромиссность и нерешительность. В этом новом окружении Екатерина не могла не чувствовать свой возраст и одиночество.

Неотступно преследовала ее мысль о том, что случится со страной, когда власть перейдет к Павлу. О том, насколько мать и сын разошлись к этому времени в своих взглядах на мир, свидетельствует эпизод, приводимый биографом Павла Н. К. Мильдером и относящийся ко французской революции: "Однажды Павел Петрович читал газеты в кабинете императрицы и выходил из себя. „Что они все там толкуют! — воскликнул он. — Я тотчас бы все прекратил пушками". Екатерина ответила сыну: „Vous etes une Bete force" (Вы жестокая тварь. — (ф р .), или ты не понимаешь, что пушки не могут воевать с идеями? Если ты так будешь царствовать, то не долго продлится твое царствование".

Слухи о намерении императрицы лишить сына наследства и завещать престол внуку Александру, воспитанному в ее духе, широко распространялись в петербургском обществе уже с конца 1780-х гг. Было известно, что Александр отказался от предложения бабки и даже грозился убежать с женой в Америку, если его станут принуждать принять престол в обход отца. И вместе с тем возникла версия, что Екатерина все же написала соответствующее завещание и передала его своему верному Безбородко, который затем во время агонии императрицы передал этот документ Павлу, бросившему его в огонь. Действительно, единственный из екатерининских вельмож, Безбородко не только не был отправлен Павлом в отставку, но, наоборот, возвышен и награжден. В самом конце XVIII — начале XIX в. по рукам ходило анонимное сочинение "Разговор в царстве мертвых", в котором тень

Екатерины горько упрекала тень также отошедшего в мир иной Безбородко в предательстве. Однако достоверно известно лишь, что план провозгласить Александра наследником у Екатерины действительно был и она обсуждала его с внуком. Но привести этот план в действие она могла лишь при своей жизни, и завещание, переданное Безбородко, было бы просто бесполезно. Но и с Александром Екатерина, скорее всего, говорила об этом не как о деле решенном, но как об одной из возможностей. Она отлично сознавала, что подобный шаг с ее стороны мог быть расценен как прямое нарушение принципов справедливости и законности, которые она так усердно провозглашала все годы своего царствования.

Что же касается Безбородко, то он действительно был осведомлен о всех планах императрицы и, вероятно, сообщил наследнику престола не о наличии завещания, а, наоборот, об отсутствии какого-либо опасного для него документа. Не исключено также, что Безбородко, помогавший императрице в работе над законопроектами, передал Павлу чистовой текст проекта реорганизации Сената, который предполагал, как уже говорилось, долгую процедуру утверждения наследника престола в его правах.

Однако некий текст, написанный рукой Екатерины и похожий на завещание, до нас все же дошел. Вот он:

"Буде я умру в Царском Селе, то положите мене на Софиенской городской кладбище.

Буде — в городе святого Петра — в Невском монастыре в соборной или погребальной церкви.

Буде — в Пелле, то перевезите водой в Невской монастырь.

Буде — на Москве — в Донском монастыре или на ближней городской кладбище.

Буде — в Петергофе — в Троицко-Сергеевской пустыне.

Буде — в ином месте — на ближней кладбище.

Носить гроб кавалергардом, а не иному кому.

Положить тело мое в белой одежде, на голове венец золотой, на котором

означить имя мое.

Носить траур полгода, а не более, а что менее того, то лучше.

После первых шесть недель раскрыть паки все народные увеселения.

По погребении разрешить венчание — брак и музыку.

Вивлиофику мою со всеми манускриптами и что в моих бумагах найдется моей рукой писано, отдаю внуку моему, любезному Александру Павловичу, также резные мои камение, и благословаю его моим умом и сердцем. Копию с сего для лучаго исполнения положится и положено в таком верном месте, что чрез долго или коротко нанесет стыд и посрамление неисполнителям сей моей воле.

Мое намерение есть возвести Константина на Престол греческой восточной Империи.

Для благо Империи Российской и Греческой советую отдалить от дел и советов оных Империи Принцов Виртембергских и с ними знаться как возможно менее, равномерно отдалить от советов обоих пол Немцов".

Строки этого, как его назвали историки, "странного завещания", обращенные к Александру, свидетельствуют о том, что по крайней мере в момент написания документа иного завещания не было, ибо, если бы Екатерина собиралась оставить любимому внуку престол, вряд ли стоило специально оговаривать судьбу библиотеки и коллекции камней. Последний же абзац, как, впрочем, и весь документ, явно обращен к наследнику престола и содержит намек на родственников жены Павла — великой княгини Марии Федоровны, урожденной принцессы Виртембергской. Адресовано же "странное завещание" было, скорее всего, Сенату, который, по мысли Екатерины, должен был решить судьбу престола.

Распорядок жизни императрицы в последние годы почти не изменился. Вот как вспоминал об этом один из ее статс-секретарей А. М. Грибовский:

"Образ жизни императрицы в последние годы был одинаков: в зимнее время имела она пребывание в большом Зимнем дворце, в среднем этаже, под правым малым подъездом... Собственных ее комнат было немного: взойдя на малую лестницу, приходишь в комнату, где на случай

скорого отправления приказаний государыни стоял за ширмами для статс-секретарей и других деловых особ письменный стол с прибором; комната сия стояла окнами к малому дворику, из нее вход был в уборную, которой окна были на Дворцовую площадь. Здесь стоял уборный столик. Отсюда были две двери: одна направо, в бриллиантовую комнату, а другая налево, в спальню, где государыня обыкновенно дела слушала. Из спальни прямо выходили во внутреннюю уборную, а налево в кабинет и в зеркальную комнату, из которой один ход в нижние покои, а другой прямо через галерею в так называемый ближний дом; в сих покоях жила иногда государыня до весны, а иногда и прежде в Таврический дворец переезжала. „...“ В первых числах мая выезжала всегда инкогнито в Царское Село, откуда в сентябре также инкогнито в зимний дворец возвращалась. В Царском Селе пребывание имела в покоях довольно просторных и со вкусом убранных. „...“ Время и занятия императрицы распределены были следующим порядком: она вставала в 8 часов утра и до 9 занималась в кабинете письмом (в последнее время сочинением сенатского указа)... В это же время пила одну чашку кофе без сливок. В 9 часов переходила в спальню, где у самого почти входа из уборной, подле стены садилась на стуле, имея перед собою два выгибных столика, которые впадинами стояли один к ней, а другой в противоположную сторону, и перед сим последним поставлен был стул; в сие время на ней был обыкновенно белый гродетуровый шлафрок или капот, а на голове флеровой белый же чепец, несколько на левую сторону наклоненный. Несмотря на 65 лет, государыня имела еще довольную в лице свежесть, руки прекрасные, все зубы в целости, от чего говорила твердо, без шиканья, только несколько мужественно; читала в очках и притом с увеличительным стеклом. „...“ Государыня, заняв вышеописанное место, звонила в колокольчик и стоявший безотходно у дверей спальни дежурный камердинер входил и, вышед, звал, кого приказано было. В сие время собирались в уборную ежедневно обер-полицмейстер и статс-секретари, в одиннадцатом же часу приезжал граф Безбородко; для других чинов назначены были в неделе особые

дни: для вице-канцлера, губернатора и губернского прокурора Петербургской губернии — суббота, для генерал-прокурора — понедельник и четверг, среда — для синодного обер-прокурора и генерал-рекетмейстера, четверг — для главнокомандующего в С.-Петербурге. Но все эти чины в случае важных и не терпящих времени дел могли и в другие дни приехать и по оным докладывать. "... Около одиннадцатого часа приезжали и по докладу пред государыню были допускаемы и прочие вышеупомянутые чины, а иногда и фельдмаршал граф Суворов-Рымникский... Сей, вошедши в спальню, делал прежде три земных поклона перед образом Казанской Богоматери, стоявшим в углу на правой стороне дверей, перед которым неугасимая горела лампада, потом, обратясь к государыне, делал и ей один земной поклон, хотя она и старалась его до этого не допускать и говорила, поднимая его за руки: "Помилуй, Александр Васильевич, как тебе не стыдно это делать?" Но герой обожал ее и почитал священным долгом изъявлять ей таким образом свое благоговение. Государыня подавала ему руку, которую он целовал, как святыню, и просила его на вышеозначенном стуле возле нее садиться и через две минуты его отпускала. "..."

Государыня занималась делами до 12 часов. После во внутренней уборной старый ее парикмахер Козлов убирал ей волосы по старинной моде с небольшими назади ушей буклями: прическа невысокая и очень простая. Потом выходила в уборную, где мы все дожидались, чтоб еще ее увидеть, и в это время общество наше прибавлялось четырьмя пожилыми девицами, которые приходили для служения государыне при туалете. Одна из них, М. С. Алексеева, подавала лед, которым государыня терла лицо, другая, А. А. Палакучи, накалывала ей на голове флеровую наколку, а две сестры Зверевы подавали ей булавки. "..."

Платье государыня носила в простые дни шелковое, одним почти фасоном сшитое, который назывался тогда молдаванским; верхнее было по большей части лиловое или дикое, без орденов, и под ним белое; в праздники же парчевое с тремя орденами-звездами — андреевскою, георгиевскою и владимирскою, а иногда и все ленты сих орденов на себя

надевала, и малую корону; башмаки носила на каблуках не очень высоких. "..."

Вседневный обед государыни не более часа продолжался. В пище была она крайне воздержана. Никогда не завтракала и за обедом не более как от трех или четырех блюд умеренно кушала, из вин же одну рюмку рейнвейну или венгерского вина пила и никогда не ужинала...

После обеда все гости тотчас уезжали. Государыня, оставшись одна, летом иногда почивала, но в зимнее время никогда, до вечернего же собрания слушала иногда иностранную почту, а иногда делала бумажные слепки с камей...

В шесть часов вечера собирались вышеупомянутые и другие известные государыне и ею самую назначенные особы для препровождения вечерних часов. В эрмитажные дни, которые обыкновенно были по четвергам, был спектакль, на который приглашаемы были многие дамы и мужчины, и после спектакля домой уезжали; в прочие же дни собрание было в покоях государыни: она играла в рокомболь или в вист по большей части с П. А. Зубовым, Е. В. Чертковым и графом А. С. Строгановым; также и для прочих гостей столы с картами были поставлены. В десятом часу государыня уходила во внутренние покои, гости уезжали; в одиннадцатом часу она была уже в постели и во всех чертогах царствовала глубокая тишина".

Чувство одиночества и опасения за будущее страны, которые испытывала Екатерина, вовсе не означает, что она предвидела свою скорую кончину. Сведения о ее планах реформ, которые она надеялась успеть реализовать, говорят об обратном. Между тем здоровье ее постепенно ухудшалось, она страдала от язв на ногах, с трудом поднималась по лестнице, и вельможи, принимавшие ее в своих домах, устраивали вместо ступеней специальные помосты. В мемуарах одного из современников содержится эпизод, относящийся к августу 1796 г. Возвращаясь с вечера у одного из своих вельмож, Екатерина заметила звезду, "ей сопутствовавшую, в виду скатившуюся", и сказала сопровождавшему ее Н. П. Архарову: "Вот вестница скорой смерти моей".

В ответ же на его удивление добавила: "Чувствую слабость сил и приметно опускаюсь". Впрочем, в том же августе императрица сообщила Гримму: "Я весела и чувствую себя легкою, как птица".

Смерть пришла к императрице неожиданно, и предшествовал ей один весьма неприятный для Екатерины эпизод. В середине августа 1796 г. в Петербург под именем графов Хага и Васа прибыли семнадцатилетний шведский король Густав Адольф IV и его дядя-регент герцог Карл Зюдерманландский. Екатерина давно вынашивала план выдать за Густава Адольфа свою старшую внучку Александру Павловну. Казалось, из этой затеи ничего не выйдет, ибо еще в ноябре 1795 г. в Стокгольме было объявлено о помолвке молодого короля с принцессой Мекленбург-Шверинской. Однако угроза обострения русско-шведских отношений возымела действие, что и привело сперва к отсрочке свадьбы короля, а затем и полной ее отмене. По приезде же в Петербург Густав был очарован великой княжной Александрой и сделал ей предложение. 8 сентября должна была состояться официальная помолвка, но в последний момент, когда двор уже собрался на церемонию, выяснилось, что юный король ни под каким видом не соглашается, чтобы его будущая жена оставалась православной. Многочасовые переговоры ни к чему не привели, и лишь несколько дней спустя, чтобы хоть как-то соблюсти видимость приличий, был подписан некий документ, который король должен был ратифицировать по достижении совершеннолетия и который он явно ратифицировать не собирался. Впоследствии выяснилось, что то время, когда, как полагали, Густав объяснялся Александре в любви, он на самом деле уговаривал ее перейти в лютеранство. Полагают также, что во время пребывания Густава в Петербурге жена великого князя Александра Павловича, великая княгиня Елизавета Алексеевна, показала королю портрет своей сестры, принцессы Фридерики Баденской, на которой он вскоре и женился.

Екатерина восприняла случившееся как оскорбление, тем более обидное, что оно исходило от семнадцатилетнего юноши, посмевшего противоречить ей, великой императрице. Она была столь подавлена,

что после отъезда шведского короля из Петербурга уединилась и некоторое время не показывалась на публике.

"В воскресенье 2 ноября, — вспоминала фрейлина Екатерины В. Н. Головина, — государыня в последний раз появилась пред большим обществом. Казалось, то было ея прощание с подданными. Всех поразило впечатление, которое она произвела в тот день. Обыкновенно она слушала литургию, стоя в смежной с церковью комнате, из которой выходило окно в алтарь. 2 ноября Ея Величество прошла в церковь чрез залу кавалергардов, в которой, по обычаю, собран был весь двор. Она была в трауре по случаю кончины королевы португальской, и вид у нея был такой хороший, какого уже давно не замечали. Г-жа Виже-Лебрен только что кончила портрет великой княгини Елисаветы. Ея Величество приказала выставить его в тронной зале, долго рассматривала и говорила о нем с лицами, приглашенными к высочайшему столу". Спустя два дня, по воспоминаниям другого мемуариста, "она, по обыкновению, принимала свое общество в спальней комнате, разговаривала очень много о кончине сардинского короля и страшила смертью Льва Александровича Нарышкина". Нарышкин был одним из последних оставшихся в живых друзей молодости императрицы. Он был моложе ее на четыре года, и ему было суждено ее пережить.

5 ноября императрица встала, как всегда, в шесть утра и, выпив кофе, работала в своей спальне до девяти. После этого, опять же как и всегда, она прошла в примыкавшую к спальне уборную, то есть гардеробную комнату, где обычно проводила минут десять. Однако прошло полчаса, а она не выходила. Камердинер государыни Захар Зотов, забеспокоившись, заглянул в уборную и обнаружил свою госпожу на полу без сознания. Екатерину отнесли в спальню и, поскольку она была весьма грузной и поднять ее на постель оказалось делом нелегким, положили на полу. Во дворец срочно были вызваны великий князь Александр Павлович, Безбородко, генерал-прокурор Сената Самойлов, президент Вотчинной коллегии Н. И. Салтыков и оказавшийся в Петербурге А. Г. Орлов. Придворный доктор Роджерсон пустил императрице кровь, но из вены на

руке вылилось лишь несколько густых темных капель. Все попытки привести Екатерину в сознание успеха не принесли, и послали за духовником. Алексей Орлов решил, что пришла пора известить о происходящем Павла, и послал в Гатчину гвардейского офицера. Туда же поскакал брат фаворита Н. А. Зубов. В свою очередь, великий князь Александр послал к отцу Ф. В. Ростопчина. Каждый старался сделать все, чтобы наследник не заподозрил его в злом умысле.

Увидев прискакавшего в Гатчину Зубова, Павел сперва испугался, что тот прибыл его арестовать, но, узнав, в чем дело, обнял и расцеловал. Около девяти вечера Павел с женой прибыли в Зимний дворец, где были встречены старшими сыновьями, уже успевшими предусмотрительно переодеться в форму гатчинских полков. "Императрица без сознания лежала на тюфяке, разостланном на полу, за ширмами. Комната была слабо освещена. Вопли женщин сливались с предсмертным хрипением государыни, и то были единственные звуки, нарушавшие глубокую тишину". (Майков Л. "Вновь найденные записки о Екатерине II"). Встав на колени, Павел и Мария Федоровна целовали Екатерине руки, прося благословения, но она по-прежнему не приходила в себя. После бессонной ночи, когда стало ясно, что надежды не остается, Павел велел Безбородко и Самойлову собрать и опечатать бумаги императрицы и подготовить манифест о его восшествии на престол. Агония Екатерины продолжалась до десяти вечера 6 ноября 1796 г. "Казалось, что смерть, пресекая жизнь сей Великой Государыни и нанеся своим ударом конец и великим делам ея, оставила тело в объятиях сладкаго сна. Приятность и величество возвратились опять в черты лица ея и представили еще царицу, которая славою своего царствования наполняла всю вселенную. Сын ея и Наследник, наклоня голову пред телом, вышел, заливаясь слезами, в другую комнату. Спальная комната в мгновение ока наполнилась воплем женщин, служивших Екатерине..." (Ростопчин Ф. "Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I").

В бумагах Екатерины сохранилась шутливая эпитафия, которую

императрица сочинила самой себе: "Здесь лежит Екатерина Вторая, родившаяся в Штеттине 21 апреля (2 мая) 1729 года. Она прибыла в Россию в 1744 г., чтобы выдти замуж за Петра III. Четырнадцать лет от роду, она возымела тройное намерение — понравиться своему мужу, Елизавете и народу. Она ничего не забывала, чтобы успеть в этом. В течение 18 лет скуки и уединения она поневоле прочла много книг. Вступив на Российский престол, она желала добра и старалась доставить своим подданным счастье, свободу и собственность. Она легко прощала и не питала ни к кому ненависти. Пощадливая, обходительная, от природы веселонравная, с душою республиканскою и с добрым сердцем, она имела друзей. Работа ей легко давалась, она любила искусства и быть на людях". Увы! Этим словам не суждено было появиться на ее могильном камне. И напрасно в своем "странном завещании" грозила она позором тому, кто не выполнит ее последнюю волю. Ее похоронили в соборе Святых Петра и Павла в Петропавловской крепости. А рядом император Павел распорядился положить того, воспоминания о ком она всю жизнь старалась изгнать из своей памяти, — ее несчастного мужа. По свидетельству П. А. Вяземского, "английской министр при дворе Екатерины, присутствовавший на ее похоронах, сказал: „On enterre la Russie" (Хоронят Россию. — фр.).

Екатерина II искренне верила в то, что ей действительно удалось добиться благоденствия если не всех, то по крайней мере большинства ее подданных. Россия при ней стала как никогда сильной и могущественной, а новые законы должны были обеспечить всеобщее процветание. Историки назвали ее царствование временем "просвещенного абсолютизма". Так же называют правление ее современников — Фридриха II в Пруссии, Иосифа II в Австрии и некоторых других. Но со временем в правильности такого определения стало возникать все больше сомнений. С одной стороны, некоторые полагают, что оно применимо не только к Екатерине, но и к некоторым из ее предшественников и преемников. Напротив, другие не уверены в том, что политический строй России этого времени вообще можно называть

абсолютизмом. Но не в названии дело. Гораздо важнее понять, чем было это время в русской истории. Между тем мнения и современников и потомков на этот счет разошлись, и разошлись подчас самым радикальным образом.

Наиболее известным критиком Екатерины из числа ее современников был, конечно, знаменитый историк князь Михаил Михайлович Щербатов. Человек образованный и талантливый, он, как и многие его сверстники, прошел увлечение философами-просветителями и масонством, но с идеями социального равенства, проповедовавшимися и теми и другими, примирить свой дух гордого аристократа, убежденного в полезности крепостничества, ему не удалось. За поисками идеала он обратился к далекому прошлому России, как ему показалось, нашел его и невольно стал сравнивать с тем, что видел перед своими глазами. Сравнение оказалось не в пользу великой императрицы. К тому же примешалось и уязвленное самолюбие человека, полагавшего, что по уму и рождению он достоин быть одним из первых лиц государства, но свое место видел занятым людьми случайными, то есть попавшими на него благодаря случаю. И вот уже язвительный язык Щербатова бичует екатерининский двор за непомерную роскошь, погоня за которой ведет, по его мнению, к падению нравов. "Мораль ее, — обвинял Екатерину Щербатов, — стоит на основании новых философов, то есть не утвержденная на твердом камени закона Божия, и потому как на колеблющихся свечках главностях есть основана, с ними обще колебанию подвержена. Напротив же того, ее пороки суть: любострастна и совсем вверяющаяся своим любимцам, исполнена пышности во всех вещах, самолюбива до бесконечности, и не могущая себя принудить к таким делам, которые ей могут скуку наводить, принимая все на себя, не имеет попечения о исполнении и, наконец, толь переменчива, что редко и один месяц одинакая у ней система в рассуждении правления бывает".

Если Щербатов был по убеждениям консерватором и нравственные идеалы пытался отыскать в допетровской Руси, то среди дворянской молодежи было немало и таких, кто, читая те же книги, что и Екатерина,

сделал из них совсем иные, радикальные выводы. "Кто бы мог быть столько безчувствен, когда отечество от того страждет, чтоб смотреть с холодною кровью? — вопрошал в письме к приятелю детских игр Павла Петровича князю А. Б. Куракину полковник и флигель-адъютант П. А. Бибииков. — Было бы сие очень смешно, но по нещастию сердце разрывается и видно во всей своей черноте нещастное положение всех, сколько ни на есть добромыслящих и имеющих еще в душе силу действующую... Признаюсь вам, как человеку, которому всегда открывал свое сердце, что потребна мне вся моя философия, дабы не бросить все к черту и итти домой садить капусту..." Другой, также не видевший ничего отрадного в современной ему действительности, вольнодумец, ярославский помещик И. М. Опочинин, решившись покончить с собой, в предсмертной записке писал, что "самое отвращение к нашей русской жизни есть то самое побуждение, принудившее меня решить самовольно мою судьбу".

Но была и иная точка зрения. Великий поэт Державин восславил Екатерину в своих знаменитых одах:

Слух идет о твоих поступках,
Что ты нимало не горда;
Любезна и в делах и в шутках,
Приятна в дружбе и тверда;
Что ты в напастях равнодушна,
А в славе так великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорят неложно,
Что будто завсегда возможно
Тебе и правду говорить.

Стремятся слез приятных реки
Из глубины души моей.
О! Коль счастливы человеки

Там должны быть судьбой своей,
Где ангел кроткий, ангел мирной,
Сокрытый в светлости порфирной,
С небес ниспослан скиптр носить!
Там можно пошептать в беседах
И, казни не боясь, в обедах
За здоровье царей не пить.

Неслыханное также дело,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смело
О всем и въявь и под рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себе не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самым крокодилам,
Твоих всех милостей зоилам,
Всегда склоняешься простить.

Там с именем Фелицы можно
В строке описку поскоблить
Или портрет неосторожно
Ее на землю уронить.
Там свадеб шутовских не парят,
В ледовых банях их не жарят,
Не щелкают в усы вельмож;
Князя наседками не клохчут,
Любимы въявь им не хохочут,
И сажей не марают рож.

Другой поэт на страницах журнала "Всякая всячина" сформулировал мысль, которую потом на многие лады повторяли многие: "Петр россам

дал тела, Екатерина — души".

Прошло совсем немного времени после смерти Екатерины, и в павловскую пору, когда жизнь и судьба человека вновь стали зависеть от смены настроения государя, недовольство по поводу тех или иных поступков или, наоборот, бездействия его матушки стало забываться и довольно быстро возник миф о екатерининском времени как о "золотом веке". Править "по закону и по сердцу бабки нашей" поклялся, взойдя в 1801 г. на престол, ее любимец Александр I. Что это означало практически, он представлял себе, видимо, не слишком ясно и уже вскоре столкнулся с теми же препятствиями, на которые наткнулась и его предшественница. Но при нем еще больше стало тех, кто был разочарован медлительностью и умеренностью реформ и кто с юношеским максимализмом готов был перечеркнуть все наследие предшествующих десятилетий.

Таков был и юный Пушкин с его "Тартюфом в юбке и короне". "Царствование Екатерины II, — полагал он, — имело новое и сильное влияние на политическое и нравственное состояние России. Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила их за счет народа и унизила беспокойное наше дворянство. Если царствовать — значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сем отношении Екатерина заслуживает удивления потомства. Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало ее владычество. Производя слабый ропот в народе, привыкшем уважать пороки своих властителей, оно возбуждало гнусное соревнование в высших состояниях, ибо не нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве... Униженная Швеция и уничтоженная Польша — вот великие права Екатерины на благодарность русского народа. Но со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в

политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия — и тогда голос оболыщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России".

Эти строки были написаны Пушкиным в 1822 г., а несколько ранее другой замечательный русский мыслитель — Н. М. Карамзин, обращаясь к императору Александру, писал совсем иное: "Екатерина II была истинною преемницею величия Петрова и второю образовательницею новой России. Главное дело сей незабвенной монархини состоит в том, что ею смягчилось самодержавие, не утратив силы своей. Она ласкала так называемых философов XVIII века и пленялась характером древних республиканцев, но хотела повелевать как земной Бог — и повелевала. Петр, насильствуя обычаи народные, имел нужду в средствах жестоких — Екатерина могла обойтись без оных, к удовольствию своего нежного сердца: ибо не требовала от россиян ничего противного их совести и гражданским навыкам, стараясь единственно возвеличить данное ей Небом Отечество или славу свою — победами, законодательством, просвещением".

Спустя годы и Пушкин, всерьез занявшийся изучением истории XVIII столетия и ужаснувшийся "бунту беесмысленному и беспощадному", по-видимому, переменил свое мнение, и на страницах его "Капитанской дочки" перед читателем предстает уже совсем иная Екатерина — мудрая и справедливая императрица. Друг же Пушкина П. Я. Чаадаев, самый мрачный критик исторического прошлого России, полагал, что "излишне говорить о царствовании Екатерины II, носившем столь национальный характер, что, может быть, еще никогда ни один народ не отождествлялся до такой степени со своим правительством, как русский народ в эти годы побед и благоденствия". Удивительно, но в подобной оценке сходились люди самых разных убеждений. Так, декабрист А. А. Бестужев считал, что "заслуги Екатерины для просвещения отечества неисчислимы", а славянофил А. С. Хомяков, сравнивая екатерининскую и александровскую эпохи, делал вывод о том, что "при Екатерине Россия

существовала только для России", в то время как "при Александре она делается какою-то служебною силою для Европы". "Как странна наша участь, — размышлял П. А. Вяземский. — Русский силился сделать из нас немцев; немка хотела переделать нас в русских". И он же с ностальгией вспоминал столь ненавистную Щербатову роскошь екатерининской поры:

Екатерины век, ее роскошный двор.
Созвездие имен спутников Фелицы,
Народной повести блестящие страницы,
Сановники, вожди, хор избранных певцов,
Глашатаи побед Державин и Петров -
Все облекалось в жизнь, в движенье и в глаголы.

Хотя документы екатерининского царствования в первой половине XIX в. были еще в основном недоступны историкам и в печати появлялись лишь эпизодически, уже тогда начали выходить в свет и первые биографии императрицы. В России они носили характер панегириков, в Западной Европе — политических памфлетов. В 1858 г. в Лондоне А. И. Герцен впервые издал в свет "Записки" Екатерины, а вскоре систематическая публикация ее огромного рукописного наследия началась и в России. Хронику ее царствования до 1775 г. успел написать С. М. Соловьев, несколько лекций и специальный очерк посвятил ей В. О. Ключевский, начали выходить десятки статей, очерков и солидных монографий о самой Екатерине и ее времени, об отдельных эпизодах истории ее эпохи, реформах, внешней политике, законодательной, научной и литературной деятельности. Она стала действующим лицом исторических романов и повестей. Ее деяниями восторгались, ее осуждали за лицемерие и неспособность решить крестьянский вопрос, называли "дворянской царицей" и благодетельницей России, высмеивали ее любовников и восхищались сподвижниками, спорили о действенности и значении ею осуществленного, делили ее царствование на периоды и этапы, наклеивали ярлыки и придумывали определения. Среди тех, кто

посвятил Екатерине и ее времени свои научные занятия, были А. Г. Брикнер и В. А. Бильбасов (крупнейшие дореволюционные биографы императрицы), В. С. Иконников и А. С. Лаппо-Данилевский (дали общие оценки итогов ее царствования), В. А. Григорьев и А. А. Кизеветтер (авторы монографических исследований о крупнейших реформах Екатерины), Н. Д. Чечулин и О. Е. Корнилович (исследователи ее письменного наследия), В. Н. Латкин и А. В. Фроловский (историки Уложенной комиссии), В. И. Семевский (знаток истории крестьянства екатерининского времени) и многие другие.

Процесс интенсивного изучения истории России при Екатерине был прерван революцией 1917 г. Советские историки пришли к заключению, что вся политика "просвещенного абсолютизма" была политикой либеральной фразы, своего рода маской, которую носило в это время самодержавие. Социальная же сущность политики оставалась сугубо продворянской и соответственно реакционной. Причем политика "просвещенного абсолютизма" была характерна лишь для первых лет (до восстания Е. И. Пугачева) царствования Екатерины II. История жизни императрицы, как и вообще политическая история эпохи, уже не занимали историков. Они интересовались крестьянством и его классовой борьбой, историей Пугачевщины, рассматриваемой в свете концепции крестьянских войн, городскими восстаниями, развитием торговли, мануфактур, русского города, землевладения, политикой в отношении дворянства и церкви (работы П. Г. Рындзюнского, В. В. Мавродина, М. П. Павловой-Сильванской, С. М. Троицкого, М. Т. Белявского, А. И. Комиссаренко и др.). Имя Екатерины почти исчезло со страниц школьных и вузовских учебников...

Между тем огромный интерес к Екатерине и ее времени проявили западные историки. Лишь за последние двадцать лет в Англии, США, Германии и Франции вышло несколько десятков монографий на эту тему. Английская исследовательница Исабель де Мадарьяга в 1981 г. выпустила книгу "Россия в век Екатерины Великой", насчитывающую около 700 страниц и библиографию из более 600 названий. В 1989 г.

свою биографию Екатерины издал американец Джон Александер, и на страницах научных журналов развернулась по ней оживленная полемика. В последние годы новые работы о Екатерине стали появляться и у нас в стране.

Так чем же все-таки была для России вторая половина XVIII в. и каково место Екатерины в русской истории? Прежде всего это было время внутривластной стабильности, завершившей период частой смены правительств, а с ними и политического курса, вереницы бесконтрольных временщиков и отсутствия у власти четкой программы. Одновременно это было время активного законодательства и серьезных реформ, имевших долговременное значение. Причем из всех российских реформаторов именно Екатерина была, возможно, самым успешным, ведь ей без каких-либо серьезных социальных, политических и экономических потрясений удалось почти полностью реализовать задуманную программу преобразований. Правда, многого она не успела, а от многого ей пришлось отказаться по различным объективным и субъективным причинам. Историки, еще недавно обвинявшие Екатерину в реакционности из-за того, что она не боролась с крепостным правом, последнее время все чаще говорят о том, что к отмене крепостничества русское общество было не готово и попытка такого рода могла привести к самым негативным последствиям. "Она любила реформы, но постепенные, преобразования, но не крутые, — уже давно заметил П. А. Вяземский. — Она была ум светлый и смелый, но положительный". Иначе говоря, реформы Екатерины носили созидательный, а не разрушительный характер. Какие бы последствия ни имели те или иные конкретные мероприятия Екатерины в области экономики, ни одно из них не было разорительным для населения. Во все продолжение ее царствования Российское государство становилось богаче, а жизнь подданных — зажиточнее.

Особое значение для России имели, конечно, успехи внешней политики Екатерины. Россия значительно расширила свои границы, ее население выросло на несколько сотен тысяч человек, а ее положение и авторитет в

мире были как никогда высоки. Русские люди по праву гордились подвигами Румянцева и Потемкина, Суворова и Ушакова. Правда, со временем стало ясно, что далеко не все обстоит так благополучно, как кажется. Чем большей была внешнеполитическая экспансия России, тем, естественно, яростнее становилось сопротивление европейских держав, тем более обострялись противоречия с ними. Разделы Польши на долгие десятилетия породили одну из острейших национальных проблем Российской империи и на долгие годы поссорили два великих народа. Но было бы неверным обвинять в этом Екатерину. Она была человеком своего времени, когда показателем могущества государства считалось не благосостояние населения, а победы на полях сражений и размеры территорий. И уж конечно она никак не могла предвидеть всех последствий своей политики.

Эпоха Екатерины была эпохой духовного расцвета, формирования национального самосознания, складывания в обществе понятий чести, личного достоинства, законности. Не случайно историки говорят о двух непоротых поколениях русских дворян, выросших за время правления Екатерины. Из них вышли герои 1812 года и декабристы, великие писатели и художники, составляющие гордость отечественной культуры. Ибо эпоха Екатерины была временем развития свободной мысли, поощрения литературы и искусств. И немалая заслуга в этом самой императрицы, чьи собственные духовные запросы и интересы были необыкновенно широки и которая собственным примером побуждала подданных к занятиям журналистикой и историей, сочинительством, и архитектурой, театром и живописью. Духовные силы, накопленные русскими людьми в послепетровское время, именно при Екатерине как бы прорвались наружу, выплеснулись в литературные и художественные шедевры, мучительные размышления о судьбе отечества и месте России в мире.

Конечно, и при Екатерине, как и во всякое время, было немало тягот, страданий, несправедливостей. И реальная жизнь людей была очень далека от того лубочного всеобщего благоденствия, о котором мечтала

императрица. И все же этот период русской истории с гораздо большим основанием, нежели многие другие, может именоваться периодом расцвета России.

Вторая половина XVIII века не случайно названа екатерининской эпохой, личность императрицы наложила на нее особый отпечаток. Волею судеб на российском престоле оказался в это время человек яркий, незаурядный, оставивший заметный след в отечественной истории. Это был несомненно один из наиболее талантливых государственных деятелей России, верно сумевший понять и оценить объективные тенденции развития общества и небезуспешно пытавшийся их регулировать и направлять. Деяния Екатерины имели долговременное значение и во многом определили последующую историю страны.